

Ш 141.12

Б 811

В. Д. БОНДАЛЕТОВ

РУССКАЯ
ОНОМАСТИКА

Ш141.12
Б811

В. Д. БОНДАЛЕТОВ

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА

*Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»*

732171

**МАГАДАНСКАЯ
Областная библиотека
им. А. С. ПУШКИНА**

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1983

АБОРИМ-ИТ

Рецензенты:

*Кафедра общего языкознания Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова;
доктор филологических наук проф. кафедры
русского языка Орловского государственного педагогического института Р. Н. Попов.*

Бондалетов В. Д.

Б 81 Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.

В учебном пособии по спецкурсу, связанном с дисциплинами «Введение в языкознание», «Современный русский язык», рассказывается о научных основах особой отрасли языкознания — ономастики, ее общности с другими науками, об основных разделах ономастики (антропонимике, топонимике, космонимике). Пособие окажет большую помощь студентам-филологам в их дальнейшей работе в школе.

Б 4309020100—334
103 (03)—83 207—83

ББК 81.2
4Р

© Издательство «Просвещение», 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пользуясь языком, мы ежедневно сталкиваемся с собственными именами. Они служат для наименования людей, географических и космических объектов, животных, различных предметов материальной и духовной культуры. К собственным относятся имена как реально существующих или существовавших людей (например, *Александр Сергеевич Пушкин*), городов (*Ленинград*), рек (*Волга*), созвездий (*Орион*) и т. п., так и наименования предметов, созданных фантазией человека — имена богов и демонов, имена персонажей художественной литературы и фольклора и т. д.

Функциональное и языковое своеобразие собственных имен привело к тому, что их стали изучать в особой отрасли языкознания — ономастике (с греч. «искусство давать имена»).

В настоящее время, когда ономастика выделилась в самостоятельную науку, возросла необходимость ее изучения. Студент-филолог, будущий учитель русского языка и литературы, должен быть знаком с историей ономастики, ее предметом, основными понятиями и категориями этой науки, ее методами.

Ономастика имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, что обусловлено ее объектом: имя собственное может быть предметом изучения разных наук — языкознания, истории, географии, астрономии и ряда других. Это обстоятельство позволяет в процессе преподавания русского языка и литературы в высшей и средней школе на материале ономастики органически осуществлять межпредметные связи и координации. Ономастическая лексика, знакомство с нею, делает возможным увязывать изучение русского языка с литературой, с историей русского народа. Работа над именами собственными оживляет уроки русского языка в школе. Целесообразно привлекать ономастический материал и во внеурочные формы работы (кружки, тема-

тические вечера, сборы, конференции, стенные газеты и т. п.). Интерес к собственным именам и их истории не случаен: в них запечатлена история нашей Родины.

Автор поставил перед собой задачу — дать в руки студентов, будущих учителей-словесников, книгу, которая бы содержала основные положения современной теории имени собственного, знакомила их с наиболее эффективными и перспективными методами ономастических исследований, содержала сведения по истории русской ономастической науки и давала бы подробную, по возможности всестороннюю характеристику главнейших разделов современной русской ономастики — антропонимики, топонимики и космонимики. Автор стремился ознакомиться с современным состоянием ономастической науки, не избегая сложных и спорных вопросов. Предлагая описание-исследование, нам хотелось вывести своих читателей — студентов и учителей-словесников — на самый передний край ономастики и побудить их к научно-исследовательской работе по этой сложной, но увлекательной науке.

Содержание книги занимает шесть глав. Две первые («Вопросы теории ономастики», «Методы ономастических исследований») служат теоретическим введением, необходимым для изучения ономастики конкретного национального (в данном случае русского) языка.

В первой главе рассматривается имя собственное как языковая категория, история изучения имени собственного, специфика собственного имени, граница между ономастической и нарицательной лексикой, объем и содержание ономастического пространства, системные связи в ономастической лексике.

Вторая глава посвящена характеристике методов, наиболее представленных в современных ономастических исследованиях, — описательного, исторического, семиотического, стилистического, лингвопсихологического и статистического.

Центральными в книге являются три последующие главы, посвященные русской антропонимике, топонимике, а также общей и русской космонимике.

В главе третьей «Русская антропонимика» дается краткий очерк истории русской антропонимики, описываются основные этапы и процессы в истории русской антропонимии, в частности, выделены 4 этапа: 1) с древнейшей поры до конца X в., 2) с XI по XVIII в., 3) с начала XVIII в.

до 1917 г., 4) советский период — с 1917 г. по настоящее время. Глава завершается подробной характеристикой современного русского именника, его состава, статистической структуры и особенностей изменения.

Глава четвертая «Русская топонимика» содержит очерк истории русской топонимической науки, включая ее современный этап, далее идут разделы, посвященные общей характеристике топонимии России в историко-лингвистическом плане, группировкам и классификациям русских топонимов, описанию языковой принадлежности топонимов России.

Пятая глава «Общая и русская космонимика» содержит анализ космонимов, т. е. названий звездного неба, принятых в литературном языке и народных говорах. Особое внимание уделено названиям, данным космическим объектам, открытым с помощью научно-технической аппаратуры (названия деталей поверхности Луны, Марса и т. д.), принципам их номинации.

Шестая глава «Ономастика в школе» посвящена показу места ономастической лексики в школьных учебниках по русскому языку, литературе, истории, географии. Глава завершается рассмотрением научно-популярной и справочной литературы по ономастике и библиографией по общей и русской ономастике.

Настоящее пособие выросло из курса лекций, которые читались автором в Пензенском, Челябинском, Читинском, Ферганском педагогических институтах, а также в Московском и Куйбышевском университетах. В книге нашли отражение и исследования автора по ряду актуальных проблем ономастики.

Выбор для подробного рассмотрения антропонимики, топонимики и космонимики обусловлен, во-первых, важностью, значимостью и актуальностью этих разделов ономастики, во-вторых, большей степенью их изученности, в-третьих, научными интересами автора. В книге широко использованы теоретические достижения крупнейших русских и советских ономастологов, в частности: М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, А. И. Соболевского, А. М. Селищева, В. К. Чичагова, В. А. Никонова, А. И. Попова, О. Н. Трубочева, Э. М. Мурзаева, А. В. Суперанской, Ю. А. Карпенко, В. Н. Топорова, А. К. Матвеева, Е. М. Поспелова, Н. И. Толстого, Б. А. Успенского и др. В работе нашел отражение и их фактический материал.

Вместе с тем автор выдвигает ряд теоретических положений, обосновывая их широким привлечением нового фактического материала.

Для выявления ономастических закономерностей автору требовался обильный и хорошо систематизированный материал, обработанный по единой методике. С этой целью было предпринято полное диахроническое и синхронное изучение ономастики Поволжского региона страны, в особенности антропонимии Пензенской области и города Пензы. Этот материал, разумеется, не отражает всей картины современной русской антропонимии и ее истории. Однако, являясь типичным, он, безусловно, показывает основные тенденции в функционировании и развитии русской ономастики.

Настоящая книга — первое учебное пособие по специурсу, в котором рассказано об ономастике как научной дисциплине, непосредственно связанной с курсами «Введение в языкознание», «Общее языкознание» и «Современный русский язык». Автор размышлял над его структурой, содержанием отдельных глав и разделов, соотношением теоретического и научно-методического материала, искал наиболее приемлемый стиль изложения.

В работе над этой книгой автору весьма полезны были замечания и советы рецензентов профессора Орловского пединститута, доктора филологических наук Р. Н. Попова, доцента Ленинградского университета, кандидата филологических наук О. И. Фоняковой, которым автор выражает свою глубокую признательность.

ВВЕДЕНИЕ

Наряду с именами нарицательными (лат. *nomina appellativa*) в любом языке имеются имена собственные (лат. *nomina propria*, англ. *proper name*, франц. *nom propre*, нем. *Eigenname*). Лингвистическая наука, занимающаяся их всесторонним изучением, называется *ономастикой* (от греч. *onomastike* — «искусство давать имена») ¹.

Имена собственные используются для обозначения широкого и разнообразного круга предметов, явлений, понятий.

Человек имеет имя, отчество, фамилию, может иметь прозвище, псевдоним. Это — *антропонимы* (греч. *anthropos* — «человек» и *онупа* — «имя, название»). Совокупность антропонимов — *антропонимия* того или иного языка. Наука, изучающая антропонимию, — *антропонимика*.

Географические объекты (реки, моря, горы, низменности, города, села, области, страны, улицы, проспекты, дороги и др.) также имеют собственные имена — *топонимы* (греч. *topos* — «место» и *онупа* «имя, название»). Совокупность топонимов образует *топонимию*. Наука, изучающая топонимию, называется *топонимикой*.

Названия объектов космического пространства (звезд, созвездий, планет, комет, астероидов) — *космонимы* (греч. *kosmos* — «мироздание», «мир», «небесный свод» и *онупа* — «имя, название»). Они образуют *космонию*, которая изучается в особом разделе ономастики — *космонимике*.

Собственные названия (клички) животных, чаще всего домашних — собак, лошадей, коров и др., составляют ряд *зоонимов* (греч. *zoon* «животное» и *онупа* «имя,

¹ См.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

название); их совокупность — зоонимия — изучается в зоонимике.

Собственные имена нередко получают и предметы материальной культуры, науки и техники (музыкальные инструменты, ювелирные изделия, пароходы, космические корабли), а также произведения духовной культуры (книги, журналы, оперы, музыкальные передачи и т. п.). Для их обозначения пока нет общепринятого термина; их называют ктематонимами (совокупность ктематонимов — ктематонимия, наука о них — ктематонимика (от греч. ktematos — «дело» и опута «имя, название») или хрематонимами (от греч. chremata, chrematos — «вещь, предмет, дело»).

Антропонимика, топонимика, космонимика, зоонимика, ктематонимика и др. входят в состав ономастики как ее разделы.

Всестороннее изучение ономастического материала предполагает рассмотрение его в тех аспектах и теми научными методами, которыми располагает современное языкознание во всей совокупности своих направлений и школ — таких, как «внутренняя» лингвистика (структуральная, или конструктивная²), социальная лингвистика, этнолингвистика, ареальная лингвистика, сравнительно-историческое языкознание (компаративистика), типологическая лингвистика, универсализм (лингвистика универсалий), прагматическая лингвистика и др. Ономастика как лингвистическая наука занимается изучением сущности собственных имен, их функциональной специфики, возникновения, развития, их связи со всеми уровнями, или ярусами, языка, теоретическим и практическим значением самой ономастической науки, а также ее связей с другими науками.

Общетеоретическая проблематика ономастики обусловлена универсальным характером ономастической лексики (она свойственна всем языкам мира), сходством ее наиболее общих признаков, ее функционирования и исторического развития.

Актуальным для специалистов по общей ономастике и любой из частных ономастик (русской, немецкой, славянской, германской и под.) является рассмотрение таких общеономастических проблем, как:

² См.: Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание, М., 1979.

✓ 1) структурно-языковая (особенно семантическая) специфика собственного имени, ее отличие от нарицательного имени;

2) место ономастической лексики в системе языка;

3) проблема однородности ономастических единиц (слов, сочетаний слов и др.), сходства и различия между их разрядами (антропонимами, топонимами, космонимами и др.), оснований их классификации (экстралингвистические и внутрилингвистические основания), а также границ так называемого «ономастического пространства», в частности вхождения - не вхождения в состав ономастической лексики этнонимов (названий народов), номенологических названий какой-либо отрасли, науки, техники, искусства, например, терминов родства, видов растений и под.), названий жителей той или иной местности и др.;

✓ 4) возникновение и закономерности развития собственных имен, роль внутриязыковых и внешних по отношению к языку факторов в их эволюции;

5) вопрос о характере и степени системной организации отдельных ономастических разрядов и ономастики (онимии) языка в целом;

6) специфика литературной ономастики, использование ономастической лексики в разных функциональных стилях;

7) методы изучения ономастической лексики (общенаучные, общелингвистические, методы других наук, в частности географии, психологии, специфические методы и приемы изучения ономастики в целом и ее разрядов — антропонимии, топонимии и т. п.);

8) интердисциплинарный характер ономастического материала и место ономастики среди других наук — общественных и естественных;

9) возникновение и история ономастики как особой науки и отдельных ее разделов;

10) прикладные проблемы ономастики (нормативно-языковые, вопросы перевода и транслитерации, культурно-эстетические, страноведческие, лингводидактические, методические и т. д.).

Подобно тому как наука о языке (языках) делится на: 1) общее языкознание и 2) частные языкознания (науки о конкретных языках, например русском, английском, греческом, или группах языков — славянских, балтийских, индоевропейских и т. п.), и ономастические знания можно

«поделить» между: 1) общей (или теоретической) ономастикой и 2) частными ономастиками, т. е. ономастиками отдельных языков или групп языков.

Общая ономастика — наука, изучающая существенное и общее, наблюдаемое в именах собственных независимо от их принадлежности к тому или иному конкретному языку (народу). Ее предмет — инвариантное, т. е. общее, в ономастике всех языков мира: лингвистическая сущность имени собственного, его отличие от других лексических (и шире — языковых) категорий, закономерности возникновения, развития и функционирования собственных имен и др. Из неуниверсальных (национально-языковых) ономастических черт здесь обычно рассматриваются лишь такие, которые помогают лучше увидеть общие ономастические закономерности, глубже понять их структурно-языковое и функциональное проявление.

В настоящее время в советской и зарубежной науке активно разрабатываются проблемы как общей, так и национальных ономастик, о чем свидетельствует нарастающий объем публикаций, особенно в СССР, по русской, украинской, белорусской, финно-угорской, тюркской, монгольской, иберийско-кавказской и т. д. ономастикам. См., в частности, библиографические указатели по ономастике: Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год (М., 1976); Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971—1975 гг. с приложением за 1918—1962 гг. (М., 1978), периодические сборники и серии: Ономастика Поволжья (вып. 1—4), Вопросы ономастики (Свердловск), Диалекты и топонимия Поволжья (Чебоксары), Повідомлення української ономастичної комісії (Київ), сборники «Топонимия Центральной России» (Москва), Ономастика и норма (М., 1976), Ономастика и грамматика (М., 1981), Ономастика Кавказа, Ономастика Востока и др.

Ономастической проблематике посвящаются специальные международные конгрессы, конференции, симпозиумы, а также всесоюзные и республиканские конференции и совещания.

Эта книга посвящена русской ономастике. Для глубокого изучения русской ономастики необходимы знания по общей ономастике. Ознакомимся с основными общетеоретическими вопросами ономастики.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОНОМАСТИКИ

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Из истории изучения имени собственного.

Имена собственные обратили на себя внимание уже древнеегипетских, древнегреческих и древнеримских ученых¹. Как особый класс слов они были выделены стоиками (в частности, Хрисиппом), однако и позднее — в эпоху Возрождения, в новое время (Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Лейбниц); в течение всего XIX столетия (Дж. Ст. Милль, Х. Джозеф и др.) продолжалась дискуссия о них, в ходе которой было высказано немало как однозначных (принимаемых многими учеными), так и совершенно противоположных суждений.

Самой трудной задачей оказалось определить своеобразие значения имени собственного.

В прошлом веке эта проблема воспринималась не столько как лингвистическая, сколько как логическая, поэтому ее исследователями были преимущественно логики и философы.

Много усилий ее разрешению посвятил крупный английский логик Джон Стюарт Милль (1806—1873). Он приходил к выводу, что собственные имена не обладают значением, они — своеобразные ярлыки, или метки (вроде крестика), помогающие узнавать предметы и отличать их друг от друга. С именем-меткой не связывается характеристика названной вещи, они не «коннотируют» (не обозначают, не описывают ее), а лишь «денотируют», или называют, ее. «Собственные имена ничего не коннотируют и, строго говоря, не имеют значения»². Логически развивая свою мысль о словах-метках и словах, способных характеризовать

¹ См.: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. См. также: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973 (раздел «Из истории изучения собственных имен», с. 45—91 и др.).

² Цитирую по книге: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 56.

вать (коннотировать), Милль предполагал, что «коннотирующие имена появились после собственных»³.

Другой английский логик Х. Д ж о з е ф, не соглашаясь с Миллем, отказывавшим собственным именам в семантике, высказывал прямо противоположное мнение: он не только допускал наличие у собственного имени значения, но находил, что «собственное имя имеет даже больше значения, чем нарицательное», например во фразе «*Паликур за бортом*» (спутник Энея) по сравнению с выражением «Человек за бортом!»⁴

В XX в. логическую концепцию имен собственных развивал знаменитый английский логик и философ Бертран Рассел (1872—1970). По его мнению, все то, что обозначается в пространстве-времени собственными именами, вполне может быть обозначено с помощью системы координат, причем обозначено точнее, научнее. Но для повседневного, в известной мере «примитивного» общения удобнее собственные имена, этим и оправдано их существование в языке. Б. Рассел заметил определенное сходство собственного имени с указательными местоимениями *то, это, тот* и под.

Датский лингвист Пауль Кристоферсен различает между именами нарицательными и собственными видел в том, что первые абстрактны, вторые конкретны. Собственное имя является прямым наименованием индивида, нарицательное — непрямым. Наричательное сначала называет класс, в который входит данный индивид, а уже потом — индивид.

Конкретность имени собственного не следует ставить в прямую связь с единичностью предмета. Единичность дает право предмету на свое имя. Однако одно и то же имя вполне может служить обозначением нескольких предметов. Важно лишь, чтобы все они мыслились как индивидуальные. Так, имена *Сергей, Татьяна* называют в настоящее время сотни тысяч мужчин и женщин, оставаясь для каждого из них индивидуальными обозначениями.

Важной вехой в изучении имени собственного был труд английского лингвиста Алана Гардинера «Теория имен собственных» (1954)⁵.

³ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 58.

⁴ Там же, с. 60.

⁵ Gardiner. The theory of proper names. London, 1954.

Принимая основной тезис Милля об отсутствии у имен собственных значения, А. Гардинер уточняет и развивает его трактовку. «Собственное имя — это слово или группа слов, специфическим назначением которых признается отождествление и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение исключительно посредством различного звука (звукового облика слова.— В. Б.), независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектом или объектами, отождествленными посредством этого звука»⁶.

Интересна мысль Гардинера о «воплощенных» и «развоплощенных» собственных именах. Воплощенные, или «телесные», — это имена, прикрепленные к определенным лицам, местностям и т. д. (типа *Вильям Шекспир, река Темза*). Развоплощенные, или «бестелесные», — это те же самые слова-имена, но рассматриваемые вне связи с конкретными лицами или топообъектами (*Вильям* как личное имя вообще, например в словаре английских антропонимов).

Исторически первичны «воплощенные» названия. Их «развоплощение» произошло позднее. По мнению советского лингвиста М. И. Стеблина-Каменского, подошедшего к анализу истории ономастической лексики с позиции «большой или меньшей «воплощенности» собственных имен в языке той или иной эпохи» (на материале исландской литературы), «существование «развоплощенных» собственных имен — явление сравнительно новое, характерное для современных европейских языков. В древнеисландском «развоплощенных» собственных имен, по-видимому, вообще не было. Всякое имя собственное всегда подразумевало определенный денотат»⁷.

Вопрос о «воплощенности» («телесности») и «развоплощенности» («бестелесности») имен (восходящий к учению Т. Гоббса об именах единичных предметов и именах, общих для многих вещей, а также Г. Лейбница — о соотношении конкретного и абстрактного в мышлении и языке) исключительно важен для разработки обсуждаемой проблемы как в общетеоретическом, так и в историческом плане. Он заслуживает пристального рассмотрения в связи с ана-

⁶ Gardiner. The theory of proper names. London, 1954, с. 73.

⁷ Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландская топонимика как материал к истории имени собственного.— В кн.: Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974, с. 105.

лизом сущности и функций имени собственного в языке (в системе знаковых единиц общения) и в речи (в коммуникативном применении этих единиц)⁹, а также в связи с необходимостью при характеристике имен собственных, их категорий и свойств подходить не с абстрактно-логическими, а с конкретно-историческими позиций.

Тезис Дж. Милля о том, что «у собственного имени нет решительно никакого значения», поддержанный лингвистами В. Брэндалем, Э. Бойсенсом, Л. Ельмслевом и рядом других ученых, привел современного датского языковеда Кнуда Тогебю к выводу о том, что имена собственные (а также местоимения), будучи лишены семантического содержания (они — с «нулевым корнем»), являются синонимами. Это обстоятельство, по его мнению, служит причиной того, что один индивид может иметь несколько разных имен, а несколько индивидов — одно имя (тезки, однофамильцы).

Противоположный взгляд на имя собственное как на слова, обладающие большим, чем нарицательные, значением, высказанный еще древнегреческими философами-стоиками и поддержанный в XIX в. Х. Джозефом, современником Дж. Ст. Милля, в XX в. отстаивали О. Есперсен, М. Брeаль и др. Так, О. Есперсен писал: «... большим количеством признаков обладают имена собственные, а не имена нарицательные. Пользуясь терминологией Милля, но полностью расходясь с его точкой зрения, я осмеливаюсь утверждать, что имена собственные (в том виде, как они реально употребляются) «коннотируют» наибольшее количество признаков»⁹. Замечание о «реальном употреблении» здесь не случайно. Есперсен имеет в виду речевое значение, а не то (языковое!), какое анализировали Дж. Ст. Милль и его многочисленные последователи. «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в какой оно произносится или пишется»¹⁰.

Не станем излагать мнений других ученых, писавших о собственных именах, а в порядке обобщения приведем ито-

говую формулировку известного советского лингвиста, исследующего разные проблемы ономастики, А. В. Суперанской, специально занимавшейся историей изучения собственных имен (в основном в зарубежной науке). «Отсутствие единой, общепринятой концепции имени собственного во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях. Отсюда попарно противоположные теории, основанные на связи имени собственного с понятием и именуемым объектом»¹¹.

О том, что обсуждаемая проблема интересует лингвистов и особенно ономатологов всего мира, свидетельствует выдвижение ее в качестве основной темы XIII Международного ономастического конгресса — «Имена нарицательные и имена собственные», состоявшегося в Кракове в 1978 году¹².

Проблема специфики имени собственного в современной лингвистике

В 1973 г. вышел труд специалиста по философии языка Евг. Гродзиньского «Очерк общей теории имен собственных», в котором автор задался целью «показать подлинное место имен собственных в языке, определить их специфические свойства и отношение к другим категориям выражений, а также попытаться установить пути, которые привели к возникновению имен собственных как особой языковой категории». Основные вопросы теории имени собственного автором решаются традиционно, однако ряд его наблюдений, уточнений, интерпретаций, а также терминов заслуживает внимания.

Среди имен собственных Е. Гродзинский различает: 1) однодесигнатные (десигнат — предмет, обозначенный словом, то же, что денотат, означаемое), или идеальные, имена собственные, 2) многодесигнатные (с большим количеством носителей) и 3) пустые — не имеющие десигнатов

⁹ См.: Березин Ф. М., Головин Б. Н. Указ. соч., с. 21 и след.

⁹ Есперсен О. Философия грамматики/Перев. с английского. М., 1958, с. 71—72.

¹⁰ Там же, с. 71.

¹¹ Суперанская А. В. Указ. соч., с. 88.

¹² Международный конгресс по ономастике. Краков. Август 21—25; 1978. Резюме рефератов XIIIth International congress of onomastic science. Cracow, August 21st—25th, 1978. Nomina appellativa et nomina propria. Summaries of the papers.

(например, имена никогда не существовавших в действительности мифологических персонажей).

Автор полемизирует с точкой зрения Дж. Ст. Милля и его сторонников, которые отказывают именам собственным в обладании и значением, и коннотацией. В качестве значения слова (как нарицательного, так и собственного) рассматривается мысль, переживаемая говорящим при употреблении слова, означающего предмет. Е. Гродзинский отмечает, что при нарицательном слове мысль о предмете охватывает «только такие свойства этого предмета, которыми обладает также любой другой десигнат этого имени нарицательного (причем это могут быть все общие свойства или только часть их); значение же имени собственного — это мысль об обозначаемом этим именем предмете, которая охватывает все важнейшие свойства этого предмета, известные говорящему». Если нарицательное слово не охватывает «строго индивидуальных свойств», то значение имени собственного (в том числе и многодесигнатного) включает их. «Когда мы говорим об известном нам Яне, значение, которое мы придаем имени собственному «Ян», охватывает также индивидуальные свойства этого Яна, а не только свойства, которыми обладают все лица, носящие имя Ян». В этом рассуждении нетрудно усмотреть концепцию «большого значения» О. Есперсена, М. Бреала и других лингвистов.

Интересны соображения Е. Гродзинского об отличии имен собственных от индивидуальных дескрипций (описаний, обозначений). «Имя собственное любого предмета может быть заменено — без изменения десигната — любым другим именем собственным. Например, имя собственное *Персия* было заменено именем *Иран*, имя собственное *Сиам* именем *Таиланд*, а известная французская писательница *Аврора Дюдеван* заменила свое женское имя мужским именем *Жорж Санд*, и все эти замены были в разное время одобрены языковой общественностью».

Индивидуальные дескрипции (описания, обозначения) не заменяют одна другую, так как обозначают разные предметы в виду их единичности. Из этого тезиса делается вывод о том, что названия типа «*Соединенные Штаты Северной Америки*, *Балтийское море* являются не именами собственными, а индивидуальными дескрипциями (поскольку они без утраты своих десигнатов не могут быть заменены, например, названиями *Соединенные Штаты Южной Америки*,

Балтийское побережье). Автор возражает против широко распространенной трактовки «любого единичного названия, служащего для постоянного обозначения данного объекта, как имени собственного этого объекта». Вместе с тем он допускает преобразование индивидуальных описаний предмета в имена собственные. С этим вполне согласуется общая концепция происхождения имен собственных из нарицательных, а также конкретные примеры образования собственных имен... «Название *Лев* стало именем собственным лишь тогда, когда оно утратило всякую связь с мыслью о льве. Первоначально название *Варшавы* *Варшова* было сокращенным описанием «деревня *Варшова*», т. е. «деревня, принадлежащая *Варшу*». Это название стало именем собственным, когда *Варшава* перестала принадлежать *Варшу*».

В семидесятые годы появилось несколько теоретических работ советских ономастологов. Прежде всего это книги А. А. Белецкого «Лексикология и теория языкознания (ономастика)» (Киев, 1972), А. В. Супранской «Общая теория имени собственного» (М., 1973), В. А. Никонова «Имя и общество» (М., 1974). В указанное время были опубликованы статьи и работы Ю. А. Карпенко «Теоретические основания разграничения собственных и нарицательных имен» (Мовознавство, 1975, № 4), А. Д. Зверева «О собственных и нарицательных именах» (1976), И. И. Ковалика «О собственных и нарицательных именах в украинском языке» (1977), был издан сборник «Имя нарицательное и собственное» (1978), появились исследования, посвященные теоретическим вопросам антропонимики, топонимики, космонимики, ктематонимики. Рассмотрим основные положения некоторых из указанных работ.

А. А. Белецкий основную разницу между собственными и нарицательными именами усматривает не в их структурно-языковом плане, а в функции. «Различие между собственными и нарицательными именами, — пишет он, — заключается не в морфологии и не в семантике, а в употреблении, использовании, функции обоих лексических классов... В отношении их функций собственные имена можно было бы назвать индивидуализаторами, а нарицательные — классификаторами»¹³. Имена собственные от несобственных от-

¹³ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, с. 167.

личаются своей «соотнесенностью не с понятиями... а с дискретными объектами действительности»¹⁴.

А. В. Суперанская, завершая в своей книге рассмотрение собственного имени и учений о нем, называет три отличительных признака, позволяющих, по ее мнению, разграничить имена собственные и нарицательные: «Основные отличительные признаки собственного имени заключаются в том, что: 1) оно дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс; 2) именуемый с помощью имени собственный объект всегда четко определен, ограничен, очерчен; 3) имя не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации»¹⁵. В более поздней статье «Апеллятив — онома» А. В. Суперанская конкретизирует различия между именами собственными и разными видами несобственных имен, рассматривая специфику их основных свойств. Для слов общей лексики основными свойствами являются — по мнению автора статьи — связь с понятием, соотношение с классом объектов, отсутствие непосредственной связи с конкретным объектом. Для слов-номенов (от лат. *nomen* — «имя, название, наименование»), напротив, характерны: ослабленная связь с понятием, обозначение класса объектов, тесная связь с именуемым предметом, составляющим *infima species* логического деления. «Основное свойство собственных имен — отсутствие связи с понятием, тесная связь с единичным конкретным объектом»¹⁶.

В. А. Никонов считает важным обратить внимание на закономерности развития имен собственных: «Имя — слово и, как все слова, подчиняется законам языка, т. е. подлежит ведению языкознания... Но собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее»¹⁷. Особенно настойчиво В. А. Никонов подчеркивает социальность собственных имен, их историческую обусловленность. «Личные имена, — пишет исследователь, — существуют только в об-

ществе и для общества, оно и диктует неумолимо выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался. Личные имена социальны все и всегда»¹⁸. С общественной природой имени связано такое его свойство, как «введение в ряд». «Хотя и предстает, что имя служит развлечению, нуждается по меньшей мере в серьезной поправке: оно не только разделяет, но и вводит в ряд. Имя связывает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой оно принято», — отмечает В. А. Никонов¹⁹.

Украинский ономастолог Ю. А. Карпенко сосредоточил внимание на сущностном и функциональном различии собственных и нарицательных имен, а также на их языковых особенностях. Ему не кажется достаточным и надежным только функциональный подход к проблеме, в частности безоговорочное признание за нарицательными именами функции обобщения (классификации, генерализации), а за собственными — функции индивидуализации (индивидуализировать могут не только собственные, но и нарицательные слова). Кроме того, функция не есть сущность, а лишь ее проявление. Исследователь полагает, что функциональные различия имен собственных и нарицательных несомненны, но они идут не по линии обобщения-индивидуализации, а по линии разъединения-объединения: «Собственные имена разъединяют однородные объекты, а нарицательные — объединяют их»²⁰. Функцию собственных имен Ю. А. Карпенко предлагает называть дифференциальной, а нарицательных — классификационной. Наше всего, особенно в топонимах и антропонимах, дифференциальная функция выступает в виде адресной. В целом же автор стоит на точке зрения полупункциональности собственных имен (как и нарицательных), находя в них идентифицирующую, эстетическую и ряд других функций. Разграничение сущности и функции фактически сводится к разграничению положения имени собственного в языке и речи. Языковая сущность слова воплощается в его речевой функции. Основной критерий разделения собственных и несобственных имен следующий: название одного предмета есть собственное имя, название ряда однородных

¹⁴ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, с. 12.

¹⁵ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 324.

¹⁶ Суперанская А. В. Апеллятив — онома. — В кн.: Имя нарицательное и собственное. М., 1978, с. 32—33.

¹⁷ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 6.

¹⁸ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 8.

¹⁹ Там же, с. 14. См. также: Никонов В. А. Личное имя — социальный знак. — Советская этнография, 1967, № 5, с. 157—158.

²⁰ Карпенко Ю. А. Теоретичні засади розмежування власних і зачальних назв. — В журн.: Мовознавство, 1975, № 4, с. 49.

предметов — нарицательное. В мышлении нарицательному слову соответствует понятие (хотя его значение и не равно понятию), собственному имени — представление (обычно единичное). В целом же Ю. А. Карпенко приходит к формулировке (и терминологии), предложенной известным советским языковедом А. А. Реформатским: собственные имена выполняют прежде всего номинативную (от лат. *nominativus* — «назывной») функцию — называют определенные предметы, нарицательные — семасиологическую (от греч. *semasia* — «обозначение» и *logos* — «слово», «учение») — они не только называют, но и выражают понятие о предмете²¹.

В изучении различных сторон имени собственного исследователи единодушны в следующих утверждениях:

1. Имена собственные являются единицами языка, чаще всего — словами и потому должны рассматриваться как вполне законный объект языкознания; анализ имен собственных с философских, логических, психологических и иных позиций не заменяет их лингвистической характеристики, которая лучше других способна выразить их языковую сущность.

2. Имена собственные относятся к номинативным, а не коммуникативным единицам языка и входят в большинстве языков мира в класс конкретных имен существительных (или субстантивов).

3. Специфика имени собственного заметна как на уровне языка — при их рассмотрении «вообще», вне конкретного употребления, так и на уровне речи — в конкретных контекстах и ситуациях (конституциях).

4. Специфика имени собственного касается и его структурно-языковой стороны, и функциональной.

5. В структурно-языковом плане специфика имени собственного дает себя знать обычно в области семантики (поэтому многие ученые имя собственное считают лексической, а не лексико-грамматической и тем более не грамматической категорией) и в меньшей степени в области морфологии (включая словообразование) и синтаксиса.

6. Внимание к функциональной стороне имен собственных позволило выделить свойственные им (только им или одновременно и им, и именам нарицательным) следующие

основные функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую. В качестве второстепенных (квалифицируемых как «дополнительные», «факкультативные», «производные» от основных или как «пассивные» и т. д.) называются функции: социальная, эмоциональная, аккумулятивная, дейктическая (указательная), функция «введения в ряд», адресная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая.

7. Исследователи пытались найти одну ведущую черту, по которой, как им казалось, идет размежевание имен нарицательных и собственных. Есть ли такая черта? Ответ на этот вопрос может дать лишь всестороннее изучение имен собственных, в частности анализ признаков, объединяющих их с нарицательными существительными, а также с другими частями речи, т. е. со всеми нарицательными (особенно местоименными, междометными и др. словами), и — особенно тех признаков, которые отличают, дифференцируют их от нарицательных.

Изложенные выше концепции не исчерпывают, конечно, всего круга вопросов, связанных с выяснением специфики имени собственного. Исследователями подмечено немало и других черт, которые в большей или меньшей степени характеризуют имя собственное. Оставляя в стороне черты малосущественные, а также такие, которые свойственны именам собственным отдельных языков (например, только русскому или родственным славянским и другим индоевропейским языкам в отличие от иносистемных языков — тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских и т. д.), в дополнение к рассмотренным выше следует назвать такие, на наш взгляд, немаловажные особенности имен собственных, как:

а) их генетическую вторичность по сравнению с нарицательными (большая часть имен собственных получена на базе имен нарицательных);

б) их функциональную вторичность (имя собственное всегда является вторым, обычно более конкретным наименованием предмета, который уже назван «раньше» нарицательным словом);

в) их структурно-языковую (лексико-семантическую, а также грамматическую) и функциональную специализацию;

г) несколько своеобразное положение ономастических единиц (слов и других языковых знаков, функционально сходных с онимами) в языке: их нельзя относить к одному —

²¹ См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967, с. 29—30, 57—62.

лексическому — ярусу языка, поскольку их своеобразие проявляется также и в грамматике, и в фонетике (хотя и слабее, чем в семантике);

д) несколько иное воплощение в именах собственных таких языковых явлений, как многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, вариативность и некоторых других;

е) их иную по сравнению с апеллятивами (нарицательными) статистическую (количественную и частотную) закономерность употребления, а также, видимо, иное распределение по функциональным стилям (довольно многочисленны типы текстов, совсем не использующих собственных имен, т. е. построенных из одних апеллятивных единиц, и малочисленны виды текстов, составленных из одних имен собственных).

Наиболее сложными и дискуссионными оказались такие вопросы, как наличие-отсутствие у имени собственного лексического значения (уже — понятия, шире — информации), его характер (содержательное оно или чисто формальное), его «объем» по сравнению с семантикой нарицательных слов, природа (языковая, речевая, логическая, психологическая и т. д.) ономастического значения, степень противопоставленности имен собственных нарицательным (по значению и другим показателям).

Правильно подмечая специфику имени собственного в его значении, исследователи расходятся в ее толковании. Одни видят специфику в ослабленности, или «редуцированности», значения, а то и в полном его отсутствии (отсюда квалификация онимов как пустых знаков, ярлыков, этикеток и сравнение их с мячами (отличающимися лишь внешней окраской при сходстве их «пустот»), с числовыми и символическими знаками). Другие специфику собственных имен находят в «гипертрофированной номинативности» и в обусловленной ей особой их конкретности.

Такое несоответствие взглядов свидетельствует, с одной стороны, о действительной сложности и «многоликости» имен собственных, с другой — о том, что под значением (семантикой) имени собственного понимаются разные вещи, к тому же увиденные с разных точек зрения.

Чаще всего за «семантику» имени собственного принимается его структурно-языковое содержание. Сравнивая ее с абстрактно-структурным (собственно языковым), понятийным по своей сущности содержанием апеллятивов, находят, что семантика собственного имени беднее из-за не-

явной представленности в ней понятийного начала (ср. *река* — ‘постоянный водный поток значительных размеров’ и *Дон* — ‘одна из рек в европейской части СССР’, *человек* — ‘живое существо, обладающее даром мышления и речи, способное создавать орудия труда и пользоваться ими’ и *Джон* — ‘один из людей, один из мужчин и т. д.’).

В других случаях о семантике имени собственного судят по конкретно-речевому употреблению, в котором происходит предельно «телесное» восприятие называемых объектов действительности. Например, *Эльбрус* (русское народное *Шам-гора*) — это не отвлеченная гора, а прежде всего одна из конкретных гор Кавказа, имеющая определенную высоту (5630 м над уровнем моря), конфигурацию (две вершины). Ср.: «И уж в виду зубчаты цепи Кремнистых бесконечных гор, И *Шам* подымется за ними С двумя главами снеговыми» (М. Ю. Лермонтов).

В определенной связи с подходом и квалификацией семантики собственного имени лишь с позиций языка или речи находится подчеркивание понятийности нарицательных и непонятийности собственных имен. Нарлицательные — это слова-классификаторы («объединители», «генерализаторы»), собственные — слова-дифференциаторы («разъединители», индивидуализаторы). Нарлицательные обозначают предмет «через понятие», собственные — через прямую соотношенность названия с предметом.

В последних теоретических работах (Ю. А. Карпенко, В. Бланара, А. В. Суперанской и др.) высказывается желание более четко разграничивать дефиниции ономастики с учетом противопоставления «языка» и «речи». Несомненно, более строгое и последовательное описание языковых сущностей и их функционально-речевых реализаций целесообразно. Однако расчленение ономастических, как и других лингвистических, категорий с целью их отдельного описания и терминологического обозначения без последующего объединения и характеристики как целостных явлений языковой действительности не может быть конечной задачей исследования. Думается, что в дальнейшем (а по возможности уже и теперь) определения ономастических единиц и их совокупностей должны включать в себя суммарные результаты их изучения в языковом, речевом и всех других аспектах.

Противоположные концепции собственного имени возникли из-за односторонности подхода к его характеристике.

У одних имена собственные оказались лишь опознавательными этикетками («крестиками», «царапинами»), и произошло это из-за полного невнимания к их реальной (речевой) жизни, у других — словами с перегруженной семантикой (включающими всю энциклопедическую информацию или все «мои» сведения об их носителях) — по причине полного невнимания к их языковому статусу, т. е. к их месту и значению в языке как коммуникативно-знаковой системе.

В концепции антисемантической (полной непонятности) имени собственного игнорируется такой факт, что названный и особенно называемый предмет всегда, хотя и с разной степенью отчетливости, соотношен с другими предметами данного вида, а также с другими типами сходных и несходных предметов. В этом — одно из проявлений познавательно-классификационной деятельности мыслящего человека и реальное воплощение аккумулятивной функции (в смысле хранения знаний, человеческого опыта) языка. *Ленинград...* Это город. Он стоит в одном классификационном ряду с другими городами — *Москвой, Киевом, Минском, Одессой* и т. д. *Михайловское...* Оно находится в другом, «сельском» ряду — *Тригорское, Болдино, Карабиха, Терновка, Липовка* и под. Даже придуманные Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» *Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобищино, Горелово, Неелово, Несытово, Горелки, Голодухино, Неурожайка* тоже естественно включаются в свой ряд — ряд обездоленных деревень царской России. Ср. «возрастные» названия сел, приведенные в стихотворении Е. Евтушенко «Метаморфозы»:

Детство — это село *Краснощечково, Несмышлено, Всеизлазово, Скок-Поскоково, чуть Жестоково, но Беззлобнино, но Чистоглазово.*

Юность — это село *Надеждино, Нараспашкино, Обольщаньино,* ну а если немножко *Невеждино,* — все равно оно *Обещаньино.*

Зрелость — это село *Разделово:* либо *Схваткино, либо Пряткино, либо Трусово, либо Смелово, либо Кривдино, либо Правдино.*

Старость — это село *Усталово, Понимаево, Неупреково, Забывалово, Зарасталово* и — не дай нам бог — *Одиноково.*

Своеобразным подтверждением «рядности» онимов (топонимов и их видов, антропонимов и др.) является их неединичное, а «связанное» хранение в памяти, в уме. Хорошо это отражено в стихотворении Н. Ушакова «Великие руки»:

Станции, станции — наше былое!
Их имена не идут из ума:
Дрязги, Безруково, Глушь, Гузевое,
Мокрица, Снежница, Яма, Зима.

«В личном имени Елена заложены понятия ‘человек’, ‘женщина’ и, кроме того, указание на конкретную ‘вот эту’ личность», — справедливо отмечает В. А. Никонов, отстаивая понятийность собственных имен²².

В концепции максимальной значимости онимов собственно языковое значение подменяется энциклопедическим значением, или информацией, о называемом предмете. Между тем это два разных типа значения слов, о чем еще в прошлом веке писал замечательный отечественный филолог А. А. Потебня, предложивший для обозначения языкового значения термин «ближайшее значение слова», а для энциклопедического — «дальнейшее значение слова». «Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук... Но дело в том, что под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других

²² Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 55.

наук, — дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова»²³. Разумеется, лексикология как наука о словах и ономастика как учение об антропонимах, топонимах, космонимах и др. не могут заниматься обозначаемыми предметами и всеми энциклопедическими (полными, всесторонними) сведениями о них. На недопустимость смещения информации и значения указывает и наш современник, советский славист Н. И. Толстой: «Имя собственное несет некую, не для всех одинаковую, информацию («содержание»), которую не следует смешивать со значением (семантикой)»²⁴.

Несмотря на внешнюю контрастность концепций о минимальной и максимальной значимости собственного имени, в них легко усмотреть общее — отрицание обобщающей роли собственных имен. В первом случае в наличии понятия им отказывают прямо (а обобщение, как известно, совершается на базе понятия), в другом — косвенно, через избыточное «отягощение» их значения конкретным образом предмета.

Между тем значение собственных имен как единиц языка (чаще всего слов) столь же сложно и диалектично, как и значение нарицательных слов. И на имена собственные распространяется известное замечание В. И. Ленина о том, что «всякое слово (речь) уже обобщает»²⁵.

В современной теории слова признается, что значение слова — это то его содержание, которое приблизительно одинаково понимается и говорящим и слушающим и включает в свой состав три типа отношений: 1) денотативное (отношение значения слова к предмету: от лат. *denotare* — «отличать, обозначать»), 2) сигнификативное (отношение к понятию, лат. *significare* — «обнаруживать, давать, знать»), 3) структурное (отношение значения слова, а также всего слова к другим словам данного языка).

Имя собственное, будучи единицей языка — словом или функционально сходным с ним словосочетанием, обладает всеми названными типами отношений — денотативным, сигнификативным и структурно-языковым, однако их ка-

²³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958, т. I—II, с. 19.

²⁴ Толстой Н. И. Еще раз о семантике имени собственного. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970, с. 200.

²⁵ Ленин В. И. Полное собрание соч., т. 29, с. 246.

чество в собственном имени несколько своеобразно по сравнению с соответствующими компонентами: значения нарицательных слов, что и обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику и объединяет их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка. О номинативной, сигнификативной, а также структурно-языковой специфике собственных имен находим замечание в работах Л. А. Булаховского: «Те слова, что мы называем собственными именами, конечно, менее, чем слова нарицательные, способны быть средством обобщения; их задача как раз останавливать внимание на индивидуальном, извлекать его из множественного, противопоставлять множественному. Но и собственные имена как слова обобщают в том смысле, что указывают своей природой определенной части речи и т. п. на принадлежность понятия к той, а не другой сфере восприятия»²⁶.

Подведя итог рассмотрения имени собственного как языково-речевой категории, можно констатировать следующее. Собственные имена — это единицы языка-речи (слова и субстантивированные словосочетания), служащие для подчеркнуто конкретного названия отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и в функционировании. Назначение нарицательного — выражать понятие об определенном классе предметов и называть один или несколько конкретных предметов этого класса. Назначение имени собственного — называть определенный предмет, соотнося его с классом однотипных или родственных предметов. У нарицательного слова на первом плане — выражение понятия, на втором — обозначение предмета, у собственного имени на первом плане — выделение предмета, на втором — соотносительность предмета с ему подобными. Для нарицательного имени обязательно обозначение понятия и факультативно название конкретного предмета, для имени собственного обязательно название конкретного предмета и факультативна его (предмета) понятийная соотносительность.

²⁶ Булаховский Л. А. Введение в языковедение. М., 1953, ч. II, с. 17.

ГРАНИЦА МЕЖДУ НАРИЦАТЕЛЬНОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ

Вопрос о границе между нарицательной и ономастической лексикой — это вопрос о специфике онимов, о степени ее выраженности в разных видах собственных имен, об ономастических центре и периферии, о переходе нарицательных имен в собственные и собственных в нарицательные.

В современной науке существуют две точки зрения: 1) граница между нарицательными и собственными именами не абсолютная (Л. А. Булаховский, В. А. Никонов, А. А. Белецкий, И. И. Ковалик и др.), 2) эта граница абсолютна, поскольку никаких «промежуточных явлений между собственными и нарицательными именами не существует» (Ю. А. Карпенко). Видимо, правильное будет признать относительность границы между ними. Это справедливо как для синхронного, так и генетического (диахронического) плана. Можно привести сотни антропонимов (особенно прозвищ), топонимов (особенно микротопонимов), ктематонимов и других видов собственных имен, о которых трудно сказать, состоялся ли их переход в собственное имя или еще нет. *Длинный, Толстый, Губастый, Ротан, Синеглазка, Бормота* и под. — о людях, отличающихся большим ростом («длинный»), полнотой («толстый») и т. д.; *Семь дорог, Елочки, Солнечная полянка* и под. — о местах; где сходятся «семь дорог», растут «елочки», где имеется всегда освещенная «солнцем полянка». И дело здесь не в отсутствии контекста, а в том, что слово находится как бы на полпути от его прежнего качества к новому. И таких ситуаций бесчисленное множество. Нечеткость границ, принципиальная переходность языковых явлений, особенно в лексико-семантическом ярусе языка, подтверждают общезнаменитый тезис диалектики, предельно ясно сформулированный Ф. Энгельсом: «*Hard and fast lines* (абсолютно резкие разграничительные линии) несовместимы с теорией развития... Диалектика... признает в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности... Разумеется, для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение»²⁷.

²⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961, т. 20, с. 527—528.

Признание возможности промежуточного состояния слова (словосочетания) между классом нарицательных и собственных имен не должно служить основанием для отрицания их качественного своеобразия. Иногда промежуточное состояние принимается не для отдельных слов, а для целых классов, которые, по мнению авторов, находятся как бы в срединной зоне между полярными точками — подлинными апеллятивами и подлинными онимами. Так, известный советский лингвист А. А. Белецкий, исходя из того, что «лексика любого естественного языка не распадается на два резко очерченных и взаимоисключающих класса несобственных (нарицательных) и собственных имен, а характеризуется двумя полярными функциями — функцией классификации, или обобщения, и функцией индивидуализации, или превращения в личное (индивидуальное) имя», одну из задач своего исследования видел «в установлении лексических слоев, которые можно считать переходными, или промежуточными, между несобственными и собственными именами»²⁸. Одним из таких слоев он считал постоянные, или «врожденные», названия человеческих коллективов — фамилии, названия жителей (к а т о й к о н и м ы, названия жителей по месту жительства, — *москвич, пензенец, киевлянин*), э н т о н и м ы (*греки, славяне, марийцы, мошка* и др.) и предлагал для них общий термин — к о й к о н и м ы. Если можно решительно возразить против зачисления в категорию «промежуточных» фамилий (и считать их подлинными онимами) и названий жителей (и отнести их к нарицательным), то определить подлинное место этнонимов (названия наций, народов, народностей, племен и других этнических групп) пока не представляется возможным. Одни авторы относят их к ономастике, другие — к апеллятивной лексике. По своим функциональным особенностям этнонимы очень близки к названиям животных, растений, горных пород, минералов, химических элементов и тяготеют к апеллятивному массиву слов.

Характерно признание А. А. Белецкого, занимавшегося рассмотрением «промежуточных» и некоторых «несомненных» (ономастических) слоев лексики: «Мы должны прийти к выводу о том, что эти границы не могут считаться определенными, раз и навсегда и совершенно непререкаемыми»²⁹.

²⁸ Белецкий А. А. Указ. соч., с. 18.

²⁹ Там же, с. 19.

Особенно важно подчеркнуть, что эти границы не абсолютны в диахроническом плане. И это вполне естественно.

ОБЪЕМ И СОДЕРЖАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Какие предметы и явления (денотаты), помимо нарицательных слов, могут получать еще и собственные (индивидуализированные) имена? Ответ на этот вопрос частично уже дан выше — собственные имена присваиваются конкретным предметам, которые существуют как индивидуальные или мыслятся как целостные (люди, реки, горы, космические объекты).

Хотя каждый конкретный объект в принципе может быть выделен как индивидуальный и получить персональное имя, в действительности собственными именами «отмечаются» лишь «избранные» предметы и явления. Перечислить все «избранные» объекты — значит дать полный список их наименований. Такой индекс будет включать, если даже взять наименования лишь на одном из языков, миллионы названий.

Так, перечень только географических обозначений территории такой страны, как Швеция, составляет 12 миллионов. А все ли названия учтены? Ясно, что мы должны пойти иным путем — дать перечень основных категорий объектов, чаще других обозначаемых собственными именами.

Для обозначения всей совокупности ономастических названий известный советский языковед В. Н. Топоров употребляет выражение «ономастическое (топономастическое) пространство». Будучи очень нужным и удобным, по сути дела, оно представляет научный термин. Можно говорить об объеме ономастического пространства, его структуре, в частности о классах составляющих его названий, их большей или меньшей представленности, о строении разных разрядов ономастической лексики, естественности или искусственности обозначаемых объектов и т. д.

Рассматривая древнеиндийскую (палийскую) ономастику (Индии, Цейлона), В. Н. Топоров показал, что ономастическая лексика не есть что-то абстрактное и внеисторичное. Ономастическое пространство всегда конкретно. Оно полностью не совпадает, не «накладывается» друг на друга не только в историческом плане (в разные периоды жизни одного и того же народа), но и в национально-культурном: у каждого этноса обычно свое представление о собствен-

ных названиях и круге онимизируемых объектов. Так, в ономастическое пространство пали, по свидетельству В. Н. Топорова, «включаются названия географических объектов (как естественных, так и искусственных), сооружений разного типа, отдельных предметов (украшения, оружие, регалии, музыкальные инструменты и т. д.), разных точек и отрезков времени (дни, месяцы, эпохи, праздники, церемонии и т. д.), текстов и их частей, жанров, доктрин и т. д.; названия, относящиеся к объектам, понимаемым как индивидуальные личности (люди, боги, демоны, духи, животные и даже растения и т. д.) и как объединения личностей по профессиональному, конфессиональному, расовому, кастовому, возрастному и т. п. признакам; названия титулов и прозвища и т. д.»³⁰. Касаясь собственно содержательного плана, автор отмечает, что специфика палийской ономастики нагляднее всего проявляется не в топонимах и антропонимах, которые обязательно присутствуют в любом языке, а «в том, что свойство «быть собственным именем» распространяется на весьма широкую область названий предметов и явлений, которые обычно или весьма часто в других языках не становятся собственными именами или становятся ими лишь в особых случаях»³¹. Автор показывает зависимость «ономастического» восприятия действительности от мировоззрения: для буддийского мировоззрения характерно превращение в индекс собственных имен всего, что «связано с высшими авторитетами и ценностями в мире буддийских представлений — с Буддой и Каноном в первую очередь». В палийской традиции собственными именами считаются не только названия текстов или доктрин, но и афоризмы, вопросы, ответы, загадки, проповеди (из канонических текстов); титулы и прозвища, болезни, жертвоприношения, подаяния милостыни, чудеса, чары; украшения, камни, кристаллы; оружие; трон; музыкальные инструменты; утварь; месяцы, дни, праздники, церемонии; деревья и растения, животные (слоны, лошади, олени, шакалы и др.); боги, нимфы, духи и даже атрибуты мифологических персонажей и их эпитеты.

Ввиду исторической мировоззренческой и национально-этнической специфики ономастических представлений есть

³⁰ Топоров В. Н. О палийской топономастике. — В кн.: Ономастика Востока. Исследования и материалы. М., 1969, с. 33—34.

³¹ Там же, с. 46.

необходимость употреблять термин «ономастическое пространство» в двух смыслах: 1) как общелингвистическую категорию, т. е. как систему ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности (реальных и воображаемых); 2) как категорию определенного языка в тот или иной период его истории. Так, например, совокупность собственных имен, существующих в русском языке в настоящее время, составляет ономастическое пространство русского языка.

Общеономастическую теорию интересует типичный набор ономастических категорий (разрядов, групп, подгрупп), свойственный большинству языков (народов) в современный, а также в доступные изучению предшествующие периоды их развития (в идеале — с момента появления противопоставления лексики нарицательной и собственной).

В настоящее время у большинства народов мира ономастическое пространство, т. е. комплекс собственных имен всех разрядов, употребляемых народом в данный период, покрывает широкий и разнообразный круг предметов. Так, А. В. Суперанская в книге «Общая теория имени собственного» (в главе «Ономастическое пространство и классификация имен») помещает достаточно полную таблицу, содержащую обозначения классов называемых объектов и соответствующих им ономастических разрядов: люди — антропонимы; животные — зоонимы; растения — фитонимы; географические объекты — топонимы; явления природы — собственные имена ветров, стихийных бедствий; зоны космического пространства, небесные тела и их части — космонимы; точки и отрезки времени — хрононимы; праздники — собственные имена отдельных праздников; мероприятия, кампании — собственные имена отдельных мероприятий, а также названия учреждений, предприятий, обществ, средств передвижения, периодических изданий, документов и законов (документонимы), различных предметов, оружия (хремотонимы), товаров, машин и др. Это — реально существующие объекты. Кроме них, выделены: объекты, созданные фантазией людей, — мифонимы (демонимы, теонимы, мифотопонимы, мифохремотонимы и др.); объекты, существование которых предполагается, но не доказано, — гипотезионимы; объекты, созданные творчеством художника, — фиктонимы.

Приведенный перечень разновидностей собственных

имен, естественно, свойствен не всем языкам (народам) и не во все исторические периоды. Одной из задач сравнительно-типологического (синхронного и диахронического) изучения ономастического материала должно стать: 1) выделение предметно-номинативной общности родственных и неродственных языков, нашедшей отражение в единых (возможно, универсальных) ономастических категориях, 2) исследование закономерностей исторической эволюции этих категорий (поиск диахронических универсалий). Пока в этом направлении делаются еще первые шаги.

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ОТДЕЛЬНЫХ ЕГО РАЗРЯДАХ

Вопрос о месте ономастического материала в общей системе языка не получил единого решения. Еще больше несовпадений обнаруживают высказывания о строении, или организации, ономастического пространства и отдельных его разрядов.

Так, например, некоторыми лингвистами высказывается мнение, что основой языка является система нарицательных слов, которая представляет классификационную систему, охватывающую весь мир и имеющуюся в распоряжении человека. Вследствие этого, по мнению ученых, выдвигающих данное утверждение, значение рассматриваемой системы выходит далеко за пределы чисто языкового явления. В сущности, все системы знаков, используемые человеком, опираются на нее, она является основой мышления и поведения человека. Что же касается имен собственных, то они не составляют цельной системы и занимают периферическое место в пределах языка.

Одновременно с данной теорией существует и другая, согласно которой собственные имена не образуют самостоятельной ономастической системы, отличной от системы данного языка, а «включаются в нее». Так, В. Н. Топоров признает «промежуточное положение» имен собственных между обычными языковыми и «иероглифическими» элементами текста (иностранными словами и выражениями, аббревиатурами, символами специализированных языков и под.) и их «относительную самостоятельность»³². Задачу исследо-

³² Топоров В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики. — В кн.: Принципы топономики. М., 1964, с. 9.

вателя В. Н. Топоров, один из лингвистов, выдвигающих данную теорию, видит в том, чтобы определить степень автономности и степень, или «коэффициент», системности ономастических фактов, а также конкретные формы ее проявления. Под системой им понимается «совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно (предсказуемо) отражается на остальных элементах»³³.

Проявлением системных отношений в топонимии, антропонимии и других разрядах ономастической лексики считают зависимое употребление двух или нескольких собственных имен, например: *Малый — Большой, Старый — Новый, Белый — Черный, Ждан — Неждан, Александр — Александра* (женск. имя), а также наличие ономастических элементов, находящихся друг к другу в отношении производности, например: *Днепр — Днеприк, Иван — Иванушка, Петр — Петруша*, а также *Белое* (озеро), *Белая* (река), *Белица* (ее приток), *Бельск* (город на реке), *Бельское* (село) и т. д. при: *Черное, Черная, Черница* и т. д.³⁴.

Проявлением системности, к тому же своеобразно воплощаемой, являются случаи выработки «самостоятельной грамматики» ономастических единиц (ср.: нарицательные существительные *любовь, любви*, но антропоним *Любовь, Любви*; нарицательные существительные с предлогом *за лесом*, но топоним *Залес, Залеса, Залесу, Залесом*) и нередко в языках факты специализации грамматических категорий и средств (чаще всего суффиксов) в ономастической лексике: собственные имена — это имена существительные (или субстантивированные сочетания слов)³⁵, как правило, не изменяемые по числам (*Курск, Волга, «Тихий Дон»*), а также субстантивировавшиеся прилагательные:

Луговой, Верхние Ключи, Новые Выселки), нередко оформленные, как мы уже видели выше, однотипными словообразующими и формообразующими средствами (города *Комсомольск, Новокуйбышевск, Волжск, Сурск* и под., села *Ивановка, Терновка, Веселовка* и под.). Наблюдается специализация собственных имен и в определенных синтаксических функциях.

И тем не менее об ономастической лексике говорят обычно как о слабо организованной системе (когда берут ее во всей полноте), о «невысоком коэффициенте системности» ее материала. Очевидно, на первых порах естественнее было бы исследовать системные связи и особенно степень их упорядоченности не во всей ономастической лексике (ономастическом пространстве), а в отдельных ее разрядах — в антропонимии, топонимии, космоимии и т. д. По своей структурно-системной организованности отдельные участки ономастической лексики (например, личные имена, особенно формы «субъективной» оценки) могут не уступать обычной лексике языка, а иногда и превосходить ее. Например, многие личные имена (как мужские, так и женские) образуют уменьшительно-ласкательную форму с суффиксом *-енька* (*Васенька, Боренька, Катенька, Машенька, Танюшенька* и т. п.), а с суффиксом *-ка* пренебрежительные формы (*Васька, Борька, Катька, Машка, Танька* и т. п.). Заключение В. Н. Топорова о том, что в ономастике «разрыв между блоками системно организованных элементов несравненно больше, чем в языке в целом», можно принять лишь с оговорками, поскольку и «в языке в целом» немало участков и слоев (особенно в лексике) со слабой структурированностью и системностью.

Понимание ономастического сектора языка как системы, подчиненной в основных своих закономерностях ономастической «метрополии» языка, не умаляет самобытности ономастического материала и не отрицает возможности отыскать в нем такие виды и формы связей, которые либо отсутствуют вовсе, либо слабо представлены в ономастическом массиве языка. Задача состоит в том, чтобы, исследуя ономастику, не упускать из виду системные связи как в пределах ономастического пространства (между единицами одного разряда, между разными ономастическими единицами и разрядами), так и в масштабе языка в целом.

³³ Топоров В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонимии. — В кн.: Принципы топонимии. М., 1964, с. 15.

³⁴ Там же, с. 18. См. также: Воробьева И. А. К вопросу о системном характере топонимии (на материале географических имен Кузбасса). — В кн.: Краевед Кузбасса, вып. 4. Новокузнецк, 1971, с. 168—177; Бондалетов В. Д. Семиотическое изучение топонимии (названия населенных мест Пензенской области). — В кн.: Топонимия Центральной России. М., 1974, с. 70—78.

³⁵ Ср.: «Имена собственные присваиваются только предметам, поэтому именами собственными бывают только существительные и другие субстантивированные части речи» (Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1961, с. 146).

МЕТОДЫ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Славянская, как и вся европейская ономастическая наука, прошла, как и многие другие науки, три основных этапа¹:

1) д о н а у ч н ы й (до XIX в., в частности до использования сравнительно-исторического метода для объяснения возникновения топонимов, антропонимов, теонимов и др., например: любительские этимологии В. К. Третьяковского вроде *Норвегия* — из *Наверхия* (так как помещается «наверху» карты), *Италия* — из *Удалия* (поскольку она «удалена» от севера), *Британия* — из *Пристания* (здесь «пристали» кельты), В. Н. Татищева, Д. И. Иловайского и др.);

2) с т а н о в л е н и е ономастики как науки, но еще не ономастический (XIX — начало XX в.), представленный работами лингвистов, историков и географов, в частности А. Х. Востокова (Задача любителям этимологии. — Санкт-Петербургский вестник, 1812, вып. 2), Н. И. Надеждина (Опыт исторической географии русского мира. — Библиотека для чтения, т. 22, ч. 2. Спб., 1837), Н. П. Барсова (Материалы для историко-географического словаря древней Руси. Вильна, 1865), М. Морошкина (Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. Спб., 1867), И. Добровского, Я. Колара, Ф. Палецкого, Ф. Миклошича и др., а в конце XIX и начале XX в. — трудами А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, М. Фасмера, Я. Розвадовского, П. Скока, Ст. Младенова, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Л. С. Берга, С. К. Кузнецова, П. Л. Маштакова и др. Для этого периода характерно исследование ономастической, преимущественно

топонимической, лексики в ее исторической и географической «привязке» с учетом открытых сравнительно-историческим языкознанием фонетических законов;

3) н а у ч н ы й, или ономастический (с 20-х годов XX в. по настоящее время), характеризующийся осознанием ономастического материала как «особого разряда языка, наряду с лексикой, фонетикой, морфологией и т. д.»² (несмотря на то, что он «в целом восходит к лексике»³), и потому требующий того, чтобы его изучала самостоятельная наука. В контактах и дискуссиях лингвистов, историков и географов, изучающих географические названия — один из самых мощных массивов ономастики, зрело понимание топонимики и ономастики в целом по материалу и методам его изучения как науки не «ведомственной» (т. е. только лингвистической, только географической и т. д.), а комплексной. «Правильнее считать топонимику, — пишет известный топонимист-географ Э. М. Мурзаев, — самостоятельной наукой, которая использует методы и лингвистического, и исторического, и географического анализа»⁴. Определеннее и, на наш взгляд, точнее о предмете ономастики (в частности, топонимики), ее специфике и месте в кругу смежных дисциплин сказал советский лингвист Б. В. Горнунг: «В целом все собственные имена являются частью словарного состава языка и предметом лексикологии как лингвистической дисциплины. Как же можно отрицать исключительное и безраздельное право лингвистов изучать топонимы? Как можно от словарного состава языка отсечь какую-то часть и говорить: лингвистика может изучать одни части лексики и не должна изучать других ее частей... Право лингвистов на изучение топонимов как одной из категорий языка не снимает специфики развития топонимов, их смены, специфики географического распространения типов и т. д. Все это настолько зависит от внеязыковых факторов, что заставляет топонимиста быть не только лингвистом. Вместе с тем это дает право и историку, и географу, и этнографу заниматься топонимикой, но только при условии полного владения лингвистическими методами»⁵.

¹ См.: Р о с п о н д С. Перспективы развития славянской ономастики. — Вопросы языкознания, 1962, № 4, с. 9—11; К а р п е н к о Ю. А. История этимологического метода в отечественной топонимике. — В кн.: Развитие методов топонимических исследований, М., 1970, с. 9—14.

² Принципы топонимики. М., 1964, с. 132.

³ Там же, с. 131.

⁴ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 8.

⁵ Принципы топонимики, М., 1964, с. 125—126.

В современной ономастической науке, опирающейся на материалистическую диалектику, дающую общее направление научных поисков, используются следующие исследовательские методы: описательный, исторический, сравнительно-сопоставительный, ареальный, семиотический, стилистический, лингвopsихологический, статистический⁶. В конкретном ономастическом исследовании обычно применяется не один, а несколько методов (например, описательный и сравнительно-сопоставительный, описательный и статистический). Комбинация, а также дальнейшая детализация методов (за счет выбора той или иной частной методики) зависят от цели исследования и специфики анализируемого материала. Рассмотрим последовательно каждый из перечисленных методов исследования в применении его к анализу ономастического материала.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Описательный метод используется во всех общественно-исторических и естественных науках и стоит, пожалуй, на первом месте по широте применения. Этот метод, как и другие, предполагает соблюдение ряда требований: четкое представление об избранном предмете изучения (о системе антропонимов, топонимов и т. д.), последовательность описания, систематизации, группировки или классификации, характеристики материала (качественной, количественной) в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

В ряду других методов описательный является исходным. В значительной мере он определяет успех работы с использованием других методов, которые обычно «просматривают» тот же материал в новых аспектах.

Начальным этапом «описания» материала является его сбор, каталогизация, разумная систематизация, позволяющая видеть разные его части (виды, типы), самые общие отношения между ними, а также наиболее существенные их качества. Примером первичного описания, например топонимического (гидронимического) материала, могут служить списки рек, списки населенных пунктов, а при исследовании антропонимии — картотеки антропони-

⁶ Иной набор методов называет Н. В. Подольская. См.: Подольская Н. В. Указ соч., с. 84—86.

мов (фамилий, имен, псевдонимов). Нередко на основе этих материалов создаются словари (каталоги, индексы) с той или иной степенью осмысления включенного в них материала. Из публикаций этого рода можно назвать «Список рек Днепровского бассейна» П. Л. Маштакова (1913), «Словник гідронімів України» (1979), «Каталог рек Северного Приазовья» Е. С. Отина (1974—1975), «Гидронимию бассейна Оки» Г. П. Смолицкой (1976), словарь болгарских имен и фамилий («Речник на личните и фамилни имена у българите», 1969) Стефана Илчева, «Словарь английских личных имен» А. И. Рыбакина (1973) и др.

Например, в основу «Каталога рек Северного Приазовья»⁷ положены данные рукописных карт XVIII в., военно-топографической карты России середины XIX в., топографические карты 30—40-х годов XX в., полевые записи гидронимов диалектолого-топонимических экспедиций 1963—1972 гг., материалы анкетного опроса жителей, а также различных изданий по истории, исторической географии и геологии Донбасса и Северного Приазовья. Составитель устанавливает и показывает характер взаимозависимости различных водотоков в речной сети — притоки первого, второго, третьего и т. д. ряда. В перечни названий включены не только «правильные», но и явно искаженные (диалектные и т. п.) формы, а также все синхронические (одновременные) варианты и дублиеты, причем с приведением исчерпывающей «библиографии» гидронима (его географическая привязка, хронологические пометы, указания на сферу и широту употребления, информация о естественно-географических признаках гидрообъектов, а также сведения о них, интересные для историков, геологов и др.).

Иной характер описания видим в статье А. В. Супранской «Типы и структура географических названий»⁸, где приводятся сведения о двух больших группах топонимов: а) связанных с природно-физической (гидронимией, оронимией), б) с политико-административной географией (государства, провинции, области, районы, населенные пункты, улицы и др.). В структурном плане рассматриваются: А. Топонимы-существительные (I. простые: 1) суф-

⁷ Повідомлення української ономастичної комісії. Вип. 10—12. Київ, 1974—1975.

⁸ В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964, с. 59—118.

фиксальные — типа *Пушкино, Волжск, Мичурииск, Крапивна, р. Березина, Баймаково, Абдулино, Барановичи, Клиңцы* и др., 2) префиксальные: *Забайкалье, Приамурье*, 3) бессуффиксальные: *Калач, Изюм, Орел, Сестра*, а также *Никель, Асбест* и др., 4) генитивные (сочетание топонима в родительном падеже с номенклатурным термином) — *пик Ленина, мыс Дежнева, залив Академии, пролив Красной Армии*; II. сложные топонимы нескольких подтипов: *Красноград, Белгород; Гуляй-поле; Пятигорск, Двуречье; Волгоград, Солнцедар*; III. субстантивные сочетания: *Великие Луки, Лысье Горы; Берег Слоновой Кости; Ростов-на-Дону, Комсомольск-на-Амуре* и др.); Б. Топонимы-прилагательные (I. простые: р. *Белая, гора Бледная*, пос. *Донской, пик Заоблачный*; II. сложные: *Сухобезводное* (населенный пункт), *Военно-Грузинская* (дорога) и т. д.).

Описание всех разрядов имен собственных, т. е. всего ономастического пространства, дается в упоминавшейся выше работе В. Н. Топорова о палийской (древнеиндийской) ономастике — названия деревень (не менее 350), городов (более 200), рек (более 80 названий), а также имена людей (мужские, женские), богов, демонов и др., причем автора интересует структурный и морфологический тип названий, их соотношенность с апеллятивной лексикой, количественная представленность и др.

Иногда материал одного описания служит базой для проведения описания в совершенно ином аспекте. Так, по «Словарю русских личных имен» Н. А. Петровского (1966, второе изд. 1980) можно дать фонетическую и морфолого-грамматическую характеристику современных русских имен (здесь зафиксировано около 2580 имен — 1720 мужских и 860 женских).

В качестве примера такого анализа приведем результаты фонетической характеристики мужских и женских имен, при которой обращено внимание на: а) количество слогов, б) структуру конечного слога, в) место ударения в личном имени.

а) Мужские имена в исходной форме (им. п. ед. ч.) имеют от 1, (*Лев, Петр*) до 6 слогов (*Ексакустодиан*). Однако основную массу составляют трехсложные: *Александр, Алексей* (их 47%) и двусложные: *Виктор, Олег* (37%) — имена. Односложных имен — 6% (*Влас, Ждан*), четырехсложных — 9% (*Афанасий, Агрикола*), пятисложных — 0,7%, шести- и семи- — 0,05%.

И в женских именах видим от 1 до 6 слогов, но удельный вес разных слоговых моделей здесь иной: по 38% приходится на трехсложные (*Агния, Надежда*) и четырехсложные (*Валерия, Валентина* и др.), 16% — на двусложные (*Анна, Вера*), 7% — на пятисложные (*Леопедия, Олимпиада*), 0,7% — на шести- и семи- (*Аполлинария*) и лишь 0,1% — на односложные (*Руфь*).

В целом различия между слоговой структурой мужских и женских имен в форме им. п. ед. ч. составляют примерно 35%. Если же учесть, что у имен на согласный (*Иван, -а, -у...*) в косвенных падежах прибавляется еще один слог, то разница между мужскими и женскими именами по слоговой структуре уменьшается до 10%.

б) Более 96% мужских имен заканчиваются закрытым слогом (*Август, Игорь, Николай*) и лишь 4% — открытым (*Кузьма, Фока*), а почти 99% женских — открытым слогом на *-а*, а также (редко) *-и, -о* (*Галина, Изольда, Гали, Нелли, Моико*) и лишь 1% приходится на имена типа *Любовь, Юдифь, Мариам*. Следовательно, основным дифференциатором мужских и женских официальных (паспортных) имен в им. п. ед. ч. по фонетической линии (помимо разных основ для большинства мужских и женских имен) в русском языке является характер конечного слога.

в) Ударение в именах может находиться на 1—4-м слогах от конца слова, на 5-м и 6-м слогах не встречается. Наиболее типичным в исходной форме является ударение на предпоследнем (48%) и последнем (45%) слогах. Ударение на конце слова почти всегда у мужских имен, а на 3-м слоге от конца — у женских. Склоняясь, мужские и женские имена на согласный получают добавочный слог за счет гласного флексии, поэтому при обычной неподвижности ударения у личных имен слог «сдвигается» на один к началу слова. Получается, что в целом более 70% мужских и женских имен в современном русском языке имеют парадигмы с предпоследним ударным слогом. Среди нарицательных слов большую группу составляют существительные с подвижным ударением, нередко приходящимся на окончание.

Характер описания, его конкретные приемы, а также организация материала и его подача диктуются обычно целевой установкой исследования. Так, в книге О. Н. Трубачева «Названия рек Правобережной Украины» (1968), посвященной систематическому исследованию словообра-

зования, этимологии и следов древнего иранского, тюркского, иллирийского, фракийского, балтийского, славянского населения к югу от Припяти и Десны, сначала дается обратный словарь гидронимов (реки *Баба*, *Ворожба*, *Скиба*, *Стрымба* и др.), затем — словообразовательный комментарий к этому «полуфабрикату», потом — специальный этимологический комментарий (в алфавитном порядке: *Аджамака*, *Альта*, *Анчакрак*, *Арель* и т. д.), а итоги этнолингвистического описания и интерпретации гидронимов показаны на картах.

Описательный метод, как и другие методы исследования, исторически изменчив. Он расширяет границы своего применения, набор исследовательских приемов и процедур в зависимости от развития общелингвистической (и общенаучной) теории и практики.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Историзм — один из основных принципов научного анализа. Особенно важен исторический подход к ономастическому материалу, поскольку возникновение и вся последующая история имен собственных неразрывно связаны с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью. Не случайно, что первыми, кто заинтересовался собственными именами (личными и географическими названиями), были историки. Они показали важность ономастики для истории и превратили ее (особенно топонимику) во вспомогательную историческую дисциплину. В XIX в. видим преобладание ономастических работ, выполненных историками, географами и этнографами (Т. Войцеховский, Ф. Пекосинский, К. Кадлец — в Польше, А. Лонгюн — во Франции, В. Арнольд — в Германии, Н. М. Карамзин, М. Морошкин, Е. П. Карнович, И. Д. Беляев и др. — в России). Была осознана важность знания топонимов и для исторической географии. Н. Н. Надеждину принадлежат слова: «Топонимика — это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре»⁹. Он был убежден, что одним из первых источников изучения истории должна стать географическая карта: «Первой страницей истории

должна быть географическая ландкарта: должна, не только как вспомогательное средство, чтобы знать, где что случилось, но как богатый архив самих документов, источников».

Исторический подход подсказал широкое привлечение исторических, археологических, этнографических данных, а также анализ ономастической лексики в историческом (сравнительно-историческом и историко-сравнительном) аспекте.

Внедрению лингвистического метода в ономастику способствовали исследования таких советских ученых, как А. М. Селищев, А. И. Попов, В. А. Никонов, Б. А. Серебренников, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, А. А. Белецкий, Н. В. Бирилло, А. К. Матвеев, Ю. А. Карпенко. Из зарубежных ономастологов-историков выделяются работы славистов и индоевропейцев В. Георгиева, В. Ташицкого, С. Роспанда, Ф. Безлая, Л. Згусты и др.

При историческом исследовании ономастики можно идти двумя путями: 1) от прошлого состояния к настоящему (перспективный подход) и 2) от современности к прошлому (ретроспективный подход). Выбор пути обуславливает характер, количество и качество имеющегося материала (памятники письменности, данные географических карт — старых и новых, полевые обследования топонимов, антропонимов, списки населенных мест, метрические записи и т. д.).

Задачей исследователя, пользующегося историческим методом, является определение ономастических пластов по языкам-источникам (по языковой принадлежности). Например, в истории болгарских личных имен выделяют семь пластов: 1) имена славянские, встречающиеся и у других славянских народов (*Драго*, *Миро*, *Слав*, *Семко*); 2) фракийские и латинские (*Бизис*, *Дадас*, *Долес*, преобразованные в болгарские: *Бизо*, *Дадо*, *Доле*); 3) первоболгарские имена (*Джута*, *Жоте*, *Кедо*, *Пижо*, *Пушо* и др.); 4) разнообразные по языковому источнику христианские, или календарные, имена (с 865 года) — греческие, древнееврейские, латинские (*Ангел*, *Михаил*, *Максим* и мн. др.); 5) турецкие (*Султан*, *Демир*, *Каро*); 6) новые имена, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. (*Владилен* — Владимир Ильич Ленин, диктатура рабочих и крестьян (*селян*), *Пятилетка*); и, наконец, 7) имена, связанные с мод-

⁹ Надеждин Н. Н. Опыт исторической географии русского мира. — В кн.: Библиотека для чтения, т. 22, ч. 2. Спб., 1837.

ными предметами техники и культуры (*Грамофоника, Телефоника, Радиум* и др.)¹⁰.

Ономастологов-топонимистов интересует языковая (этническая) стратиграфия (лат. *stratum* — «настил», «слой» и греч. *γραφο* — «пишу») топонимов (чаще всего гидронимов) той или иной территории (страны, региона), история способов номинации, а также история отдельных слов (основ, корней) и формантов (суффиксов, окончаний и шире — «концов слов»). Особый интерес представляет установление этимологии собственного имени, его происхождения от апеллятивного слова или словосочетания (например, р. *Сопот* — от славянского **sop-otъ*, *sopěti*, р. *Черторой, Черторыя* — из **čьrto — rьja* (*ryjъ*).

В последнее время стали четко разграничивать «внутреннюю» (структурно-языковую) и «внешнюю» историю собственных имен. В первом случае исследователя интересует языковая история (типы образования онимов, их эволюция), во втором — соотносительность ономастических явлений с конкретными периодами общественной жизни народа (использование в послереволюционное время топооснов *советск-, октябр-, красно-*, аббревиатурных (*Днепрогэс, Шатурторф, БАМ*), производственных (*Апатиты, Медногорск, Лесозаводск*), а также идеологических и близких к ним лексем)¹¹.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД

Трудно найти два значительных региона или два социальных коллектива, которые бы не различались составом функционирующих в них ономастических единиц. Обычно не приходится говорить о существовании и последующем распаде «ономастического праязыка» и, следовательно, заниматься его реконструкцией (как это делается при обработке неонамастического массива генетически родственных языков). Например, топонимия нашего севера и юга, запада и востока не совпадает, хотя, разумеется, в ней есть и немало общего. Поэтому ономастологи (топонимисты, антропонимисты и др.) сопоставляют как родственные (близ-

кородственные, дальнородственные), так и неродственные ономастические системы. Метод их работы — сравнение (при наличии генетически единых черт) и сопоставление (при наличии типологически сходных, хотя и неродственных явлений). Сопоставлять можно как все ономастическое пространство, так и отдельные его зоны — антропонимию, космономию, топонимию, а также более мелкие их «участки», например: гидронию, ойконию, микротопонимию. Сопоставлению подлежат разнообразные явления плана содержания (дономастическая и ономастическая семантика, в частности, типы номинации ономастических объектов, семантические модели онимов, мотивы наименования людей, круг основ, корней, слов, используемый в качестве личных имен) и плана выражения (строение онимов, их словообразовательная структура, грамматические, фонетические, акцентологические показатели). Результаты сопоставления могут быть выражены в качественных и количественных (статистических) характеристиках.

В качестве примера сравнения однотипных и близкородственных ономастических систем можно взять русский, белорусский и украинский именники (состав личных имен и закономерности их функционирования).

Имея истонно единый общеславянский, затем восточнославянский, а с принятием христианства (988 г.) византийский фонд личных имен, русские, белорусы и украинцы, несмотря на общие антропонимические традиции и тенденции, выработали свои особенности, позволяющие говорить о русском, белорусском и украинском именниках как о самостоятельных системах.

Для каждого из исторических периодов в жизни восточнославянских народов характерен свой набор сходных и различительных черт, во многом совпадающий с предшествующим периодом, но и заметно отличающийся от него, поскольку ономастическая лексика в целом исключительно чутко реагирует на общественно-политические, социальные и культурные преобразования, настраивая свою систему и ее отдельные компоненты на оптимальное выполнение социального заказа.

Восточнославянские антропонимические системы можно изучать в синхронно-сопоставительном и сопоставительно-диахроническом аспектах. Каждый из них имеет свою специфику, а также научную и практическую ценность. Думается, начинать надо с синхронного описания именников,

¹⁰ См.: Илчев в Ст. Речник на личните и фамилии имена у българите. София, 1969, с. 9—11.

¹¹ См.: Суперанская А. В. Связь собственного имени с жизнью общества. — В кн.: *Linguistische Studien*. 30. Berlin, 1976, с. 60—71.

т. е. с рассмотрения состава личных имен и характера их функционирования в конкретный исторический период, а затем переходить к прослеживанию их динамики.

Для отработки методики сравнительного анализа генетически тождественных именников целесообразно сосредоточить внимание на сопоставлении русского, белорусского и украинского именников нашего времени, в частности на составе и употребительности современных официальных личных имен, оставляя пока в стороне их сокращенные и иные производные формы.

Фронтальное сравнение именников восточнославянских народов должно включать сопоставление: 1) всего состава имен, бытующих в данный период у изучаемых народов, — с показом сходства и различия в наборе имен и их «материальном» оформлении; 2) конкретных репертуаров имен: а) всех жителей того или иного населенного пункта или региона, б) новорожденных избранного хронологического среза (годового, пятилетнего, десятилетнего и т. д.), в) отдельных социальных групп и слоев общества; 3) статистической структуры именников, т. е. удельного веса и степени употребительности различных групп имен.

Для сравнения русского, белорусского и украинского именников можно воспользоваться методикой, апробированной на русском материале.

Сравнение именников жителей русских сел Пензенской области (с. Лермонтово и с. Веселовка, удаленные друг от друга на 100 км) показывает, что в них мужские именники сходны на 74%, а женские — на 71% (и соответственно различны на 26% и 29%).

Два районных центра (с. Терновка и с. Поим той же области), находящиеся в 50 км друг от друга, по составу и употребительности имен отличаются на 23%.

Следует, однако, подчеркнуть, что «расстояние» между именниками не обусловлено всецело степенью удаленности соответствующих населенных пунктов. Бывает так, что именники соседних сел «дальше» друг от друга, чем именники удаленных регионов. Например, «расстояние» в именах женского населения с. Ушинки и с. Большой Ижморы Земетчинского района Пензенской области равно 32%. В Ушинке часты имена: *Евдокия, Любовь, Марфа, Раиса*, в Большой Ижморе — *Александра, Антонина, Валентина, Екатерина, Мария* и др.

Не менее показательны сравнения именников новорож-

денных (берем, как правило, пятилетние срезы — за 1971—1975 гг.). Так, г. Сердобск Пензенской области и г. Ржев Калининской области отличаются в мужском именнике на 18%, в женском — на 21%. Примерно такое же «расстояние» в именниках новорожденных г. Сердобска и г. Полевского Свердловской области (18% в мужском и 20% в женском).

Сопоставление именника русских детей 1971—1975 гг. рождения г. Сердобска и белорусских г. Сморгони Гродненской области БССР обнаруживает более высокий уровень расхождений — 35% для мальчиков и 27% для девочек. В Сердобске более популярны, чем в Сморгони, имена: *Алексей* (на 5,7%), *Валентин* (на 5%), *Евгений* (на 2,7%), *Роман* (на 5%), *Юрий* (на 3,8%), *Ирина* (на 4,3%), *Любовь* (на 5,8%), *Марина* (на 2,2%), *Татьяна* (на 3,6%); в Сморгони, напротив, выше популярность имен: *Александр* (на 8,8%), *Виктор* (на 4,8%), *Иван* (на 2%), *Николай* (на 1,3%), *Сергей* (на 3,5%); *Алла* (на 3,6%), *Жанна* (на 2,5%), *Инна* (на 2,4%), *Наталья* (на 3,6%), *Ольга* (на 2,3%) и др. В Сердобске в названные годы использованы для наречения имена (причем некоторые довольно широко): *Артем, Герман, Григорий, Денис, Константин, Марат, Милан, Феликс, Юрий, Яков, Ярослав; Алена, Альбина, Анастасия, Вероника, Диана, Лада, Маргарита, Олеся, Снежана, Эльмира, Юлия*, а в Сморгони таких нет. Зато здесь видим имена, которыми не воспользовались сердобские родители: *Арнольд, Геннадий, Георгий, Иван, Иосиф, Кирилл, Леонид, Ренат, Станислав; Александра, Алла, Виктория, Зина, Инесса, Инна, Леопольда, Майя, Элеонора, Янина*.

Показатели, близкие к белорусско-русским, дает сравнение русского и украинского именников (городов Чернигова, Севастополя и Артемова Донецкой области).

При сопоставлении неродственных языков, имеющих материально не совпадающий набор имен, предметом сравнения оказывается общая структура именника (его объем, статистическая организация, закономерности употребления и т. п.). Сравнение имен русского и татарского населения показало, что в русских селах (обследовался регион Среднего Поволжья) репертуар употребляющихся имен и статистическая организация именников остаются во многом сходными. Напротив, репертуар татарских имен дает гораздо больший диапазон колебаний от села к селу. Что же касается статистической структуры татарского именника,

то, как и у русских, она в основном одинакова во всех обследованных татарских селениях.

Сопоставление статистической организации татарского именника с русским именником обнаружило, во-первых, сходство в удельном весе группы частых имен (у татар она составляет в среднем 75%, у русских — 80%), во-вторых, значительные расхождения в удельном весе первой пятерки, а также первого десятка частых имен: у русских первая пятерка наиболее частых мужских имен охватывает около 50%, у татар — 25% (в два раза меньше), у русских первый десяток мужских имен охватывает до 70—75% всех носителей, у татар — лишь 40% (почти в два раза меньше); у русских самая популярная пятерка женских имен приходится в среднем на 35% женщин, у татар — на 20%, а первый десяток частых имен у русских женщин охватывает 55%, у татарских — лишь 35%. Следовательно, в татарском именнике нагрузка на частые имена распределяется равномернее, чем в русском именнике.

Сопоставительное изучение именников разных народов делает наглядной и «измеримой» специфику каждой из национальных антропонимических систем.

Сравнительно-сопоставительные исследования антропонимии готовят базу для типологических классификаций широкого масштаба. Одна из таких попыток — выделение (например, И. В. Бестужевым-Ладой) на нашей планете девяти антропонимических зон. Русская антропонимическая система (с трехчленным обозначением человека — по фамилии, имени, отчеству) отнесена к третьей («северной») зоне. Вот ее характеристика «по наиболее общим категориям»: «3) Северная зона (Россия, Украина, Белоруссия). Влияние православной церкви подорвано в 1917 г. Выбор имен формально неограничен, но на практике обычаи, традиции и мода чрезвычайно сузили его. В отличие от первых двух зон («северо-западной», охватывающей Северную Америку, северо-западную германоязычную Европу, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, и «юго-западной», включающей Латинскую Америку и юго-западную романоязычную Европу.— В. Б.), личное имя дается только одно. Зато сохранено отчество»¹².

¹² Бестужев-Лада И. В. Исторические тенденции развития антропонимов.— В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 25.

Сравнительно-сопоставительные работы в синхронном и диахроническом аспектах, как в собственно лингвистическом, так и в лингвосоциологическом, психологическом и иных планах, должны будут подтвердить или опровергнуть всеобщий характер явлений, предположительно относимых к ономастическим универсалиям¹³.

АРЕАЛЬНЫЙ МЕТОД

Известно, что ономастическая лексика существует не только во времени, но и в пространстве. Пространственный момент ее бытия обусловлен, как и языка в целом, тем, что носители языка занимают какую-то территорию и живая речь звучит не в одном, а в разных местах. Но у одного из разрядов собственных имен — у топонимов — связь с пространственными объектами более тесная: они являются их обозначениями.

Географическая «привязанность» топонимов с давних пор находит отражение на картах. Однако факт фиксации топонимов на карте еще не означает, что топоним стал предметом изучения. По существу, на карте «сначала» обозначается топообъект (город, село, гора, река, море и т. д.) и уже «потом» приводится его название. И все же «связь» топообъекта и его названия не остается незамеченной. Интерес ученых-географов к топообъектам был распространен и на их обозначения. Поэтому вполне естественно, что первыми топонимистами стали географы и первые методы, с помощью которых изучались топонимы, были географические (картографические).

Географы выполнили немало работ по «привязке» топонимов к определенным объектам (особенно при пользовании древними памятниками письменности и старыми картами), по «соотнесению» названий с обозначаемыми предметами (особенно при «позитивности географических названий», т. е. при мотивированности наименования особенностями рельефа), по собиранию и систематизации географической номенклатуры (родовых названий типа: гора, холм, хребет, впадина, долина, река, ручей, протока и т. д.), а также по изучению ее отражения в географиче-

¹³ См.: Суперанская А. В. Ономастические универсалии.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 348—356. Она же. Универсалии языка и ономастические универсалии.— В кн.: Actes du XI-e congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 28. VI—4 VII 1972; 2, Sofia, 1975, с. 321—326.

ских названиях (изучены тополексемы со значением положительных и отрицательных форм рельефа, со значением «растительности», «животного мира», «частей тела», названий народов и т. д.). Показательны, например, названия работ Э. М. Мурзаева: «Народное слово и географическое имя», «К познанию топонимической терминологии Поволжья», «Трансконтинентальные ареалы местных географических терминов», «Формы рельефа в русской народной терминологии», «Части тела человека и животных в народной географической терминологии» и др. Несомненной заслугой географов следует считать выявление и оценку картографических источников для топонимического исследования, разработку общих и частных методов изучения топонимов, совершенствование картографического метода исследования различных топонимических ландшафтов (см. работы Е. М. Поспелова «Топонимика и картография», «Некоторые проблемы теории топонимической картографии», «Картографирование как метод исследования субстратной топонимики» и мн. др.). Можно сказать, что географы долгое время состояли «на службе» у топонимики, они помогли ее становлению и развитию как особой отрасли ономастических знаний.

В настоящее время вклад географов в ономастику, особенно в топонимику, продолжает расти. Ныне географы приступили к осмыслению того, что может дать сама топонимика их основной науке — географии. Один из сборников «Вопросы географии» назван — «Топонимика на службе географии» (М., 1979). Как показал анализ топонимических ареалов, по ним можно судить о ландшафтах прошлого (о наличии лесов в ныне безлесных местах, о некогда водившихся зверях — бобрах, джейранах, оленях), о древних транспортных путях, распространении промыслов, местах добычи полезных ископаемых, о времени заселения земель, языковой и этнической принадлежности поселенцев, их контактах с другими этносами). Так, в Белоруссии, на северо-западе Смоленской и Псковской областей, по данным В. А. Жучкевича, зафиксировано более 50 топонимов типа *Волок*, *Заволочье*, *Переволочка*, *Переходцы*, *Межа*, и почти все они приурочены к водоразделам — местам бывших волоков между Днепром и реками бассейна Балтийского моря¹⁴.

¹⁴ См.: Вопросы географии. Сборник сто десятый. Топонимика на службе географии. М., 1979, с. 50—56, 193.

Использование географического метода лингвистами началось во второй половине XIX в. и было связано с изучением диалектов (Й. Шмидт, Г. Венкер, Ф. Вредэ). Широкую популярность этот метод (получивший и другие названия — ареальный, изоглоссный, метод картографирования) приобрел в XX в. после публикации «Лингвистического атласа Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона (1902—1910), серии лингвистических атласов Италии, Румынии, Испании, Швейцарии, а также ряда диалектологических атласов территории СССР.

Не могли не воспользоваться лингвисты ареальным методом и для изучения ономастики. Массовое применение картографирования началось с топонимии (см., в частности, работы В. А. Никонова «География русских суффиксов» (1959), «История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии» (1960), «Пути топонимического исследования» (1964), А. С. Стрижака «Гидронимия среднеднепровского Левобережья» (1965), «Ономастика на Украине» (1966), а также проспект «Гидронимического атласа Украины» (1967).

Метод оправдал себя: составлены топонимические (гидронимические, оронимические, т. е. отражающие распределение собственных имен любого элемента рельефа земной поверхности, ойконимические и др.) карты и целые атласы, показывающие географию различных топооснов, морфологическую, словообразовательную и фонетическую структуру топонимов и т. п.

В меньшей мере применялся ареальный метод для изучения антропонимов, космонимов и других ономастических разрядов. Однако опыты показали, что и здесь он дает хороший эффект. В частности, картографирование (с последующим осмыслением ареалов и изоглосс) поддаются: а) антропонимические зоны, намеченные с учетом структуры наименования (И. В. Бестужев-Лада, например, на карте мира выделил 9 зон), б) ареалы функционирования различных групп антропонимов (имена греческого, римского, славянского, арабского и др. происхождения), в) зоны преимущественного распространения конкретных топооснов, топоформантов и т. п. (в составе личных, фамильных, прозвищных и иных наименований). Вполне возможны также различные типы антропонимических атласов.

Начата лингвогеографическая обработка космонимического материала (в 1965 г. в Венгрии появились первые работы в этом направлении Л. Мандоки, а в 1968 г. и в 1970 г. И. Эрдоди, в СССР в 1972 г. и в 1973 г. работы В. А. Никонова, в 1967, 1972, 1973 гг., исследования В. Д. Бондалетова, в 1971—1974 гг. и в 1981 г. работы Ю. А. Карпенко и др.).

В космонимии имеем редкую возможность собрать и положить на карту названия объектов (звезд, созвездий, планет), видимых целому полушарию. Данные по названиям Млечного пути у различных народов свидетельствуют о существовании нескольких огромных массивов (ареалов): «лыжный след» в тунгусо-маньчжурских языках (этот массив включает и обских угров), монгольский «небесный шов», дальневосточный «река» (китайский, японский, вьетнамский), ближневосточный «путь вора соломы» (арабский, иранские, южнотюркские, южнославянские, с XIV в. оно появилось у венгров)¹⁵.

Ареальный метод получает разнообразные модификации в зависимости от характера картографируемого и интерпретируемого материала. Варьируется он и в зависимости от того, лингвисты или географы пользуются им. Так, лингвиста больше интересует название, языковая форма, географа (географа-историка) — сама обозначаемая реальность. При разновидности акцентов и те и другие ведут нас, хотя и разными путями, к единой цели — познанию топонимии. Содружество лингвистов, географов, а также археологов, историков, этнографов может служить залогом успешного решения больших научных задач. Одной из них в настоящее время в нашей стране является создание «Топонимического атласа Центра» (ТАЦ) — комплексного по охвату топонимического материала и предназначенного для использования широким кругом географов, языковедов, историков и этнографов¹⁶.

¹⁵ Никонов В. А. Вопросы финно-угорской космонимии. — В кн.: Вопросы советского финноугроведения. Топонимика, фольклористика, литературоведение, археология, антропология, этнография. Саранск, 1972, с. 20.

¹⁶ См.: Поспелов Е. М. Содержание топонимического атласа Центра. — В кн.: Топонимия Центральной России. М., 1974, с. 34—58.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Использование семиотического метода (от термина семиотика — наука о знаках, их признаках и видах, системах и условиях использования) основывается на признании знакового характера ономастических единиц и системной их организации в пределах антропонимии, топонимии и т. д., а также в составе всего ономастического пространства конкретного языка в определенный период его существования. Задача состоит в определении набора знаков (онимов), их дифференцирующих признаков, способов их языкового выражения (в звуках, морфемах, словах, сочетаниях слов), конкретных видов проявления системных связей, в определении меры (уровня) системности ономастики в целом, отдельных ее разрядов, а также отдельных участков этих разрядов (например, в антропонимии — системность в личных именах, системная организация фамилий, прозвищ, псевдонимов, в топонимии — системные связи в названиях населенных мест, водных объектов и т. д.).

А. А. Реформатский в работе «Семиотика географической карты»¹⁷ назвал географическую карту своеобразным «информационным устройством». Она — хранитель и способ передачи информации. В ней, наряду с границами (природных зон, экономическими, политическими, этнографическими и т. д.), изоявлениями (изотермами, изобарами, изоглоссами), показом полезных ископаемых и других ресурсов, показом миграций населения, перелетов птиц и т. п., названы и собственно топонимические объекты: 1) гидрографические: океаны, моря, озера, пруды, водохранилища, реки, каналы, водопады и пр.; 2) орографические: горы, хребты, пики, ледники, долины, ущелья; 3) пути сообщения: дороги, шоссе, авиалинии; 4) социально-политические и культурные объекты: города, поселки, колхозы, совхозы, улицы, площади, бульвары, скверы и т. п. Карта, несмотря на всю ее схематичность, отражает «натуру», в частности живую топонимию и ее семиотическую сущность.

В последнее время семиотический метод стал распространяться на анализ как реальной, так и литературной онома-

¹⁷ Реформатский А. А. Семиотика географической карты. — В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964, с. 45—58.

стики. Лучше других обрабатывается этим методом топонимический, антропонимический и космонимический материал.

Покажем один из вариантов семиотического подхода к ономастике на примере ойконимии. В качестве объекта анализа возьмем ойконимию типичной области европейской части России — названия населенных пунктов Пензенской области (см. «Справочник административно-территориального деления Пензенской области», 1968, — здесь приведены официальные названия 10 городов области: Пенза, Кузнецк, Сердобск и др., 14 рабочих поселков, более 2100 сел, деревень, поселков).

Название населенного пункта (*Пенза, Лермонтово, Нижнее Аблязово, 1 Мая, Алексеевка Первая, Вторая Алексеевка, Александро-Васильевка, Волхон-Умет, Дым-Чардым, Дубровка-на-Узе, Большие Луга, Антоновские Хутора, Большой Красный Стан, Заря Новой Жизни, им. Розы Люксембург, Серп и Молот* и под.) в семиотическом плане является знаком, который, отличаясь от других знаков, способен выполнять указательно-выделительную функцию. В этом смысле они сравнимы с почтовыми индексами. В самом деле, в настоящее время для значительной массы населенных пунктов СССР достаточно знания почтового индекса, чтобы установить, о каком городе или селении идет речь: 284000 — Ивано-Франковск, 360000 — Орджоникидзе, 410000 — Саратов, 443000 — Куйбышев, 700000 — Ташкент, 712000 — Фергана.

Структура всех почтовых индексов СССР одинакова: все они состоят из шести цифр. Различия между ними — в неординарном комбинировании десяти цифр-знаков от 0 до 9. Совокупность всех индексов образует строгую систему. Замена хотя бы одной цифры меняет весь знак, делает его другим, соотносимым с иным объектом.

Структура слов-ойконимов, естественно, не похожа на структуру почтовых индексов. Иной оказывается и вся система ойконимии. Естественно сложившиеся совокупности названий населенных мест имеют менее однообразную структуру, менее строгие системные связи, чем специально созданная и математически рассчитанная система индексов. Меньшая строгость ономастической системы обусловлена еще и тем, что она выполняет, кроме указательной, и другие функции: идеологическую, эстетическую, этническую и др.

Выявляя семиотически существенные признаки слов-ойконимов, следует иметь в виду весь план выражения, т. е. всю совокупность языковых средств, используемых для выражения ойконимами их номинативно-идентифицирующей функции. В частности, необходимо установить:

1) полный набор разных слов (независимо от их происхождения, структуры, парадигматических и синтагматических связей и т. п.), используемых на избранной для анализа территории в качестве названий населенных пунктов;

2) весь набор грамматических категорий (грамматических значений и средств их выражения) и выделить из них те, которые оказываются, кроме основ, единственными различителями двух или большего количества ойконимов (типа *Степной, Степная, Степное*);

3) весь набор топонимических формантов и выделить из них те, которые на данной территории (или в данном коллективе) используются в роли единственных различителей слов-ойконимов (типа *Богдановка* и *Богданиха*);

4) весь набор словосочетаний с выделением всего того, что семиотически существенно (структура словосочетания, конкретный набор объединенных в словосочетания слов, их грамматические признаки, типы связи слов внутри словосочетания и др.);

5) все виды (модели) сочетания разных языковых средств (отдельных слов, формантов, грамматических категорий и др.), встречающиеся в ойконимии исследуемой зоны;

6) частоту (широту) применения каждого из средств и каждой из моделей сочетания (совмещения) средств и их роль в придании всей совокупности ойконимов информативно-системного характера.

Набор разных слов и их фонетическая организация. Для обозначения 2135 населенных пунктов Пензенской обл. использовано около 1300 разных слов (примерно 60% от числа обозначаемых объектов), употребленных либо в «изолированном» виде (*Александровка, Зубрилово* и др.), либо в сочетании с другими словами (*Новая Александровка, Новое Зубрилово*). «Экономия» слов создается благодаря повторяемости: а) слов в составных названиях (*Большая Садовка и Малая Садовка, Новая Александровка, Новая Екатериновка, Новая Козловка* и под.); б) одиночных слов, т. е. в результате своеобразной омонимии (в Пензенской области 13 *Николаевок*, 15 *Ивановок*, 16 *Алексеевок*, 26 *Александровок* и т. п.).

Слова-названия имеют разное фонетическое оформление (состав фонем, их количество, порядок следования и др.), разную морфологическую и словообразовательную структуру.

Длина слов колеблется от 3 (*Гаи, Ива, Луч, Ров* — всего 4 названия) до 16 фонем (*Краснознаменский, Новокададинское, Новокузёмкинский* — 3 названия). Основную массу названий составляют 7—10-фонемные слова.

По количеству слогов топонимы могут быть односложными (*Луч, Ров, Крым*), двусложными (*Вьша, Сура*), трехсложными (*Осино, Петровка, Каурец*), четырехсложными (*Абашево, Адамовка, Беликово*), пятисложными (*Адикаевка, Азарипино, Светлореченька, Краснознаменский*), шестисложными (*Паначулидзева, Сухопечаевка, Новозимаровский, Старополянское, Новокузёмкинский*) и семисложными (*Новокададинское*). Преобладающий тип — трех- и четырехсложный.

Ударение, как правило, фиксированное. По его месту в именительном падеже выделяются следующие акцентологические модели:

в односложных словах — одна модель: ударение на основе (*Рóв*);

в двусложных — две модели: 1) типа *Сура́* и 2) типа *Ба́йка*, т. е. с ударением на последнем и предпоследнем слогах;

в трехсложных — три модели: 1) типа *Ильми́нó*, 2) типа *Петрóвка*, 3) типа *Ки́кино*;

в четырехсложных — три модели: 1) типа *Бу́турли́нка*, 2) типа *Ада́мовка*, 3) типа *Бе́ликово*. Слов с ударением на последнем слоге не встретилось;

в пятисложных — три модели: 1) типа *Аргомако́во*, 2) типа *Алексе́евка*, 3) типа *Аки́мови́чино*. Слов с ударением на последнем и пятом от конца слоге не зафиксировано;

в шестисложных — две модели: 1) типа *Новозимарóвский* и 2) типа *Новокузёмки́нский*. Ударения на других слогах не отмечено;

в семисложных — одна модель: ударение на третьем от конца слоге — *Новокадади́нское* (всего один пример).

Наиболее частыми являются три модели: 1) с ударением на последнем слоге: *Сура́, Ильми́нó* — в дву- и трехсложных словах; 2) с ударением на втором от конца слоге: *Ба́йка, Петрóвка, Бу́турли́нка, Аргомако́во, Новозимарóвский* — в словах от 2 до 6 слогов; 3) с ударением на третьем

от конца слоге: *Ада́мовка, Алексе́евка, Сухопеча́евка, Новокадади́нское* — в 4-, 5- и 7-сложных словах. Можно полагать, что типичные акцентологические модели у ойконимов — своеобразный «сигнал» (хотя и не единственный), объединяющий их в особый класс слов. Однако звуковые различия большинства слов-названий настолько разнообразны, что каждое слово способно выступить знаком-различителем обозначаемой реалии.

Грамматические признаки топонимов. Подавляющая масса названий населенных мест — имена существительные и субстантивированные прилагательные. Прилагательные, не перешедшие в существительные, наблюдаем лишь в составных названиях (*Большая Садовка, Нижнее Аблязово, Татарский Канадей*).

В зависимости от принадлежности к грамматическому роду все топонимы (однословные и составные) распределяются по трем группам: 1) имеющие форму женского рода (около 52% — 776 примеров): *Победа, Отрада, Ивановка, Удаляя, Малая Садовка, Заря Новой Жизни*; 2) имеющие форму среднего рода (более 25% — 382 примера); 3) имеющие форму мужского рода (примерно 23% — 348 примеров). Преобладание слов женского рода идет за счет очень широкой продуктивности суффиксов-формантов *-к(а), -овк(а)* и под.: *Секретарка, Шиловка, Буденновка* и др.

По форме грамматического числа названия населенных мест делятся на две неравные группы: 1) названия в форме единственного числа — их более 95%, 2) названия во множественном числе и *pluralia tantum*: *Большие Хутора, Солонцы* и др. (их менее 5%).

Названий-существительных, которые различались бы лишь грамматическим родом (типа *кум — кума, супруг — супруга, Александр — Александра*), в Пензенской обл. не отмечено. Что касается субстантивированных прилагательных, то среди них имеется несколько пар и даже трехчленов, различающихся родовыми флексиями, например: селения *Луговой, Луговая, Луговое; Степной, Степная, Степное; Садовый, Садовая, Садовое; Октябрьский, Октябрьская; Майский, Майское; Смирновский, Смирновское; Дубовый, Дубовая; Веселый, Веселая; Красный, Красное; Заречный, Заречное* (всего их около 1%).

Ойконимов, различающихся лишь формой числа еще меньше: *Дубровка и Дубровки, Белозерка и Белозерки* (2 пары).

Род и число, редко выступающие дифференциаторами слов-ойконимов в «чистом» виде, довольно часто сопровождают дифференциаторы-форманты (ср.: село *Крыловка* и село *Крылово*, *Крюковка* и *Крюково*, *Лачиновка* и *Лачиново*, *Можарка* и *Можарово* и под. — более 20 пар; *Каргалей* и *Каргалейка*, *Кураан* и *Кураановка*, *Липовец* и *Липовка*; *Городок* и *Городище*).

Состав и функция топонимических формантов. Около 70% названий населенных пунктов Пензенской области имеют в своем составе топонимические форманты-суффиксы: *-к(а)* со своими производными *-овк(а)*, *-вк(а)*, *-инк(а)*, *-енк(а)*, *-анк(а)*: *Можарка*, *Ишимка*, *Уранка*, *Можаровка*, *Виляевка*, *Алексеевка*, *Ушинка*, *Головинка*, *Козинка*, *Преображенка*, *Студенка*, *Ольшанка* и др. (суффикс *-к(а)* с производными отмечен в 600 «изолированных» и составных названиях, что составляет около 40% учтенных наименований); суффикс *-ов(о)*: *Скуратово*, *Кадышево*, *Лермонтово*, *Ворошилово* и др. (около 10%), суффикс *-ин(о)*: *Пушанино*, *Пыркино*, *Ленино* и др. (около 10%), а также малораспространенные: *-ец* (*Липовец*, *Ржавец*), *-щин(а)*: *Наумовщина*, *Бельщина*, *-ух(а)*: *Княжуха*, *-их(а)*: *Бобриха*, *-ищ(е)*: *Ключище*, *-ье*: *Белогорье*.

Ограниченность состава топонимических формантов (все го их отмечено на территории области около полутора десятка, а наиболее продуктивных 5—6: *-к(а)*, *-овк(а)*, *-инк(а)*, *-ов(о)*, *-ин(о)*) и широкий круг основ, к которым они присоединяются, свидетельствуют об их слабой дифференциальной (указательной) функции. Они служат для отличия топонима-ойконима вообще (а не названия конкретного пункта) от нетопонимов. Топонимические форманты как бы «посвящают» обычные слова (основы) в топонимы. Только в этом смысле можно говорить об их дифференцирующей роли. В пределах топонимической (ойконимической) системы они не столько дифференциаторы, сколько у н и ф и к а т о р ы. Прав Ю. А. Карпенко, подчеркивая «сближающую» роль системы: «Топонимы одной и той же территории возникают в разное время, на разной — в зависимости от национального состава населения и иных исторических обстоятельств — языковой основе и образуются от разных лексем. Поэтому топонимы, хотя они и входят в какой-либо ряд, различны, так сказать, от рождения, независимо от необходимости отличаться друг от друга. И действие топонимической системы направлено прежде

всего не на то, чтобы отдалить топонимы друг от друга, а, как это ни парадоксально, на то, чтобы сблизить их между собой»¹⁸ (подчеркнуто мною. — В. Б.). Следовательно, система сближает слова-ойконимы не только функционально и грамматически (все они существительные, чаще всего — в единственном числе), но и в словообразовательном плане.

Составные наименования и их типы. Среди двусловных составных наименований следует различать две основные группы: 1) наименования с тождественным «стержневым» членом и противопоставленными определениями к нему: *Большая Садовка* и *Малая Садовка*, *Верхний Мывал* и *Нижний Мывал*, *Старый Валовой* и *Новый Валовой*; особую подгруппу образуют пары наименований, в которых одно из определений «пропущено», не прибавлено, т. е. «выражено» нулевой лексемой: *Козловка* и *Новая Козловка*, *Михайловка* и *Малая Михайловка*, *Мичкас* и *Большой Мичкас*; 2) наименования, в которых определения не являются логически противопоставленными, например: *Волчий Овраг* и *Каменный Овраг*, *Красный Дол* и *Мокрый Дол*, *Красный Октябрь* и *Десятый Октябрь* и под. (среди таких наименований немало идеологических).

В плане выявления системно-семиотических связей наибольший интерес представляют наименования первой группы — с бинарными противопоставлениями дифференцирующих элементов.

В качестве дифференциаторов чаще всего используются:

1) пара слов: *старый* — *новый* (*Старая Кашитановка* — *Новая Кашитановка*, *Старые Озерки* — *Новые Озерки*, *Старая Яксарка* — *Новая Яксарка*);

2) пара слов: *большой* — *малый* (*Большая Андреевка* — *Малая Андреевка*, *Большое Пермиево* — *Малое Пермиево*, *Большие Верхи* — *Малые Верхи*);

3) пара слов: *верхний* — *нижний* (*Верхний Катмис* — *Нижний Катмис*, *Верхняя Елюзань* — *Нижняя Елюзань*, *Верхние Дубровки* — *Нижние Дубровки*);

4) пары слов, указывающих на национальную (иногда бытовую) принадлежность жителей данных селений: *русский* — *татарский*, *русский* — *мордовский* (*Русский Шелдаис* — *Татарский Шелдаис*, *Русская Пенделка* — *Татар-*

¹⁸ Карпенко Ю. А. О синхронической топонимике. — В кн.: Принципы ономастики. М., 1964, с. 52.

ская Пенделка, Русский Ишим — Мордовский Ишим, Русский Камешкир — Мордовский Камешкир и др.);

5) счетные слова и цифровые знаки: *Первое отделение — Второе отделение, Первая Александровка — Вторая Александровка, Сумы 1-е — Сумы 2-е, Мокшаны I, II, III, IV* (ср. *Пенза I, Пенза II, Пенза III, Пенза IV, Пенза V* — железнодорожные станции гор. Пензы).

К приведенным примыкают наименования, включающие в свой состав слова, указывающие на геофизические приметы соответствующих поселений (*Каменный Овраг — Сосновый Овраг, Лесной Вьяс — Напольный Вьяс*), а также оттопонимические (либо шире — отономастические) прилагательные: *Знаменская Пестровка — Никольская Пестровка* (обе в Иссинском районе), *Казанская Арчада — Никольская Арчада — Покровская Арчада* (все три в Каменском районе), *Покровская Варезжа — Львовская Варезжа* (обе в Пачелмском районе).

Удельный вес наименований с приведенными выше «ходовыми» определениями неодинаков.

Всего названий со словом *старый*, *-ая*, *-ое*, *-ые* в Пензенской области — 35, а со словом *новый*, *-ая*, *-ое*, *-ые* — более 90. Бинарную соотношенность «старый — новый» имеют 26 пар (из них 23 в пределах одних и тех же районов!), кроме того, в 9 парах соотношенность лексически не выражена: *Козловка и Новая Козловка, Иваньирс и Новый Иваньирс* (не представлено слово *старый*, *-ая...*). Преобладание определения *новый* (почти в 3 раза больше, чем *старый*) вызвано: 1) наличием значительного числа идеологических наименований типа *Новый Мир, Новый Свет, Новый Труд, Новый Путь*; 2) «пропуском» (не использованием!) определения *старый* в парах наименований типа: деревни *Козловка и Новая Козловка* (обе в Лопатинском районе), *Екатериновка и Новая Екатериновка* (обе в Лунинском районе), *Зубрилово и Новое Зубрилово* (обе в Тамалинском районе); 3) тем, что старое село, имя которого перенесено на новое поселение, находится за пределами изучаемой области (заселение Пензенской области шло в основном в XVIII и XIX вв.), т. е. член бинарной оппозиции мог «остаться» на прежней территории. Заметим, что системный анализ может натолкнуть на поиски соответствующих населенных пунктов.

Названий со словом *большой* — 29, со словом *малый* — 30. Всего соотносимых пар — 25, из них 19 пар лексически

выраженных (*Большая Андреевка — Малая Андреевка, Большая Чернавка — Малая Чернавка* и под.), 4 пары с «пропущенным» членом *большой* (*Михайловка и Малая Михайловка* Камешкирского района, *Скрябино* и *Малая Скрябино* Колышлейского района, *Фатуевка* и *Малая Фатуевка* Мокшанского района, *Аншлейка* и *Малая Аншлейка* Никольского района) и 2 пары с «пропущенным» словом *малый* (*Большой Мичкас* и *Мичкас* в Никольском районе, *Большая Александровка* и *Александровка* в Колышлейском районе). Нетрудно заметить, что соотношение *большой — малый...* более строго и «реально», чем соотношение *старый — новый*. Показателен и такой факт, что из 25 бинарных пар с *большой — малый* 24 пары находятся в пределах одних и тех же районов.

Еще более строго соотношение между определениями-дифференциаторами *верхний* и *нижний*. Всего названий со словом *верхний* в области 13, со словом *нижний* — 11. Соотнесено 10 пар: *Верхний Ломов — Нижний Ломов, Верхний Мывал — Нижний Мывал, Верхняя Матчерка — Нижняя Матчерка, Верхний Катмис — Нижний Катмис* и др. Без соответствия осталось *Нижнее Аблязово...* вследствие переименования в 1949 г. села *Верхнее Аблязово* в село Радищево (в честь великого революционера-демократа А. Н. Радищева).

В целом же названий, включающих бинарные соответствия, по сравнению с обычными составными названиями немного.

Из приведенного системно-семиотического обзора можно сделать следующее заключение.

1. Названия населенных мест (городов, сел, деревень и др.) той или иной области (ойконимы) представляют собой в известной мере упорядоченную совокупность языковых знаков.

2. Упорядоченность знаков (слов, сочетаний слов) проявляется на всех уровнях языка: а) фонетическом (основная масса топонимов 7—10-фонемная, ударение чаще всего на втором и третьем от конца слоге), б) грамматическом (ойконимы — это почти всегда имена существительные или субстантивированные прилагательные, имеющие в 95% форму единственного числа), в) словообразовательном (ограниченный набор формантов, а также способов, типов и моделей словообразования). Есть основания говорить о некоторых характерных признаках топонимической лексики

как относительно автономной семиотической системы. В этой системе есть высокоорганизованные участки, основанные на бинарных противопоставлениях образующих их элементов.

3. Топонимическая (ойконимическая) система такой территории, как административная область, является «сборной», состоящей из более мелких систем (региональных — районных, сельсоветских и иных ареально-линейных систем). В то же время она сама является частью более общей топонимической системы данного народа (языка), а может быть, и группы родственных народов и языков.

4. Предпринятый анализ семиотических связей ойконимов одной области нельзя считать законченным. Он должен быть продолжен через подключение топонимии Пензенской области к топонимии других областей, сначала соседних, а затем ко всей топонимической сети СССР.

5. Следует учитывать и взаимосвязи между топонимами и апеллятивной лексикой, которая является системой более крупного масштаба, чем топонимическая.

Попытка семиотической интерпретации антропонимии (традиционной и новой, в частности, русских имен, фамилий первых советских десятилетий) содержится в статье Б. А. Успенского «Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе (к работе А. М. Селищева «Смена фамилий и личных имен»)»¹⁹.

Семиотический метод, обещающий нам познать строение и функционирование ономастических «информационных устройств», очень молод и еще не располагает богатым набором процедур анализа. Его применение обычно ограничивается рассмотрением системных связей, чаще всего в области топонимии, в том или ином синхронном срезе. Семиотический аспект динамики ономастических систем пока не привлек к себе внимания исследователей. Между тем возникновение, история и взаимодействие ономастических систем (родственных и неродственных) в ходе их исторического развития не могут быть по-настоящему поняты без анализа их с позиций семиотики.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Может показаться, что собственные имена с их «гипертрофированной номинативностью» являются простыми знаками (этикетками) и неинтересны для стилиста. Однако это не так. Достаточно вспомнить об именах персонажей в художественной литературе и фольклоре, чтобы представить себе огромное по своим размерам «второе ономастическое пространство», анализ которого требует применения, наряду с другими методами, особого стилистического метода с множеством разнообразных лингвостилистических, литературоведческих, а также комплексных филологических методик и приемов. «Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеристических функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы», — указывал акад. В. В. Виноградов²⁰.

Ономатолога-стилиста привлекает широкий круг проблем: функции собственных имен в художественном произведении (номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая), специфика литературной ономастики, зависимость состава имен и их функций от литературного направления (классицизм, сентиментализм, романтизм, символизм, реализм и т. д.), особенности отбора и употребления имен в прозе, поэзии, драматургии (в комедии, трагедии, драме, водевиле), виды литературных антропонимов, топонимов и т. п. (условные поэтические имена, имена-маски, имена-символы, «говорящность» нейтральных имен, имена-намекы на антропонимы прототипов), их роль в построении художественного образа, способы и приемы видоизменения реальных собственных имен для достижения экспрессивно-стилистической и художественной выразительности, роль собственного имени в типизированном отражении действительности, собственное имя как средство создания сатиры и юмора, а также множество других видов мотивированного употребления всех без исключения разрядов собственных имен.

Для определения источника литературного собственного имени (реально оно или создано автором), его художествен-

¹⁹ В кн.: Ученые записки Тартуского университета. V, 1971, вып. 284, с. 481—492.

²⁰ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 38.

но-изобразительного назначения, стилистического оттенка в каждом конкретном употреблении (в контексте, ситуации) приходится пользоваться дополнительными исследовательскими приемами (например: а) сопоставлением имени прототипа и литературного персонажа: дочь Кочубея звали *Матреной* — в «Полтаве» Пушкина она названа *Марией*; *Шатилов*, сослуживец Грибоедова по полку, в «Горе от ума» стал *Репетиловым*; Руфим *Дорохов* (друг Лермонтова) послужил Л. Н. Толстому основой образа и фамилии *Долохова*; мать Л. Н. Толстого *Мария Николаевна Волконская* — прототипом княжны *Марьи Болконской*; б) сравнением нескольких редакций произведения (в драме Л. Н. Толстого «Власть тьмы» в первоначальном варианте были имена *Аксинья*, *Андрей*, в промежуточном — *Надежда*, *Тимофей*, в окончательном — *Анисья*, *Никита*); в) свидетельствами самих писателей (об имени и фамилии *Василия Теркина*, например, см. в книге: Т в а р д о в с к и й А. Как был написан «Василий Теркин». М., 1952). С методом стилистического анализа имен в художественных текстах подробнее можно познакомиться по статьям, посвященным ономастике произведений А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, а также ряда советских писателей. См. библиографию С. И. Зинина и А. Г. Степановой «Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре»²¹.

Однако стилистическое разнообразие имен художественной литературы в конечном счете идет от стилистического богатства ономастики в жизни. Известно огромное количество так называемых «неофициальных» антропонимов (*Маша*, *Машенька*, *Машутка*, *Машка*, *Муля*...), топонимов («своих», неофициальных наименований сел), народных (диалектных) космонимов и т. д., которые отличаются от соответствующих «официальных» форм разговорностью, стилистической маркированностью, особой сферой употребления. Весь этот разнородный и исключительно тонкий («оттеночный») материал требует анализа стилистическим методом. В частности, актуально изучение состава и стилистиче-

²¹ В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 330—354. См. также: Б е л е н ь к а я В. Д. Топонимы в лексической системе языка. М., 1969, глава IX «Опыт стилистического анализа топонимии», с. 91—98; К а р п е н к о Ю. А. Ономастика в художественной литературе. — В кн.: Ономастика. Проблемы и методы. М., 1978, с. 169—188.

ских функций ономастической лексики (и более сложных ономастических образований — типа «полных» наименований человека по фамилии, имени, отчеству или разных видов «неполных» наименований — по фамилии и имени, имени и отчеству и т. д.) в различных функциональных стилях литературного языка — официально-деловом, научном, публицистическом, разговорном. Такой анализ может быть и синхронным, и диахроническим. Полную же картину стилистических возможностей ономастики национального языка можно будет увидеть после изучения ее функционирования во всех формах его существования — в литературном языке, обиходно-разговорной речи, просторечии, территориальных и социальных диалектах. Особую область, как мы видели, составляет ономастика языка художественной литературы.

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД

Сто лет тому назад талантливый ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ Н. В. Крушевский писал: «Вследствие закона ассоциаций по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, благодаря закону ассоциаций по смежности те же слова должны строиться в ряды»²². Дальнейшие исследования показали разнообразие ассоциаций между словами и их отдельными разрядами (частями речи, семантическими группами, стилистическими пластами, антонимами, синонимами, омонимами и т. д.), лингвопсихологическую объективность ассоциаций (несмотря на индивидуальный характер их проявления), различную их силу (устойчивость и частоту реакции на слово-стимул), а также возможность сопоставления психолингвистических данных с результатами изучения языка другими методами.

Наиболее популярным методом исследования «элементов языкового мышления» (Бодуэн де Куртенэ) в настоящее время является а с с о ц и а т и в н ы й эксперимент. Разнообразный по конкретным методикам и объекту изучения, он имеет одну суть — испытуемому дается слово-стимул и предлагается реагировать на него первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием. Данные, получаемые в ходе таких психологических экспериментов (а они долж-

²² К р у ш е в с к и й Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 65.

ны быть значительными по охвату испытуемых), признаются объективными и оформляются в виде так называемых «ассоциативных норм» для носителей того или иного языка. Возрастные, профессиональные, культурно-образовательные, индивидуально-личностные и т. п. факторы, безусловно, влияющие на «выбор» той или иной реакции, «снимаются» массовостью, а также многократностью экспериментирования. Основная ассоциативная закономерность «пробируется» довольно отчетливо и может быть выражена в числовых показателях.

Опыты над собственными именами с целью выявления их ассоциативных связей друг с другом, а также с аппеллятивной лексикой пока проведено немного. Лингвистов и психологов интересовали и продолжают интересоваться явно «понятийные» слова — нарицательные существительные, глаголы, прилагательные, наречия.

Различают ассоциации парадигматические (ответ на слово-стимул словом-реакцией той же части речи: *стол — стул, высокий — низкий, говорить — сказать*) и синтагматические (ответ на слово-стимул словом-реакцией другой части речи, например: *небо — голубое, говорить — ясно*). Так, в английском языке, как установил Д. С. Палермо, имена существительные вызывают обычно парадигматическую ассоциацию (в 77% случаев), а переходные глаголы — синтагматическую ассоциацию (в 58% случаев).

Однако если в списках слов-стимулов, как правило, не предусматриваются имена собственные, то в «ответной» части (слова-реакции, слова-ассоциации) они встречаются, и этот материал, получаемый в качестве «попутного» продукта, для нас имеет исключительную ценность.

Недавно в нашей стране вышли «Словарь ассоциативных норм русского языка» и «Словник асоціативних норм української мови»²⁸. В русском словаре отражены результаты психолингвистического эксперимента, в котором приняты участие испытуемые в возрасте 16—50 лет, имеющие высшее и незаконченное высшее образование (в основном студенты), для которых родным языком является русский, во втором — результаты ответов студентов-украинцев (г. Львова). Вот

²⁸ Словарь ассоциативных норм русского языка/Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977; Бутенко Н. П. Словник асоціативних норм української мови. Львів, 1979.

некоторые показатели экспериментов. На слова: *бежать* (в эксперименте участвовало 709 человек), *большой* (217), *бумага* (698), *взять* (215), *войти* (732), *гулять* (581), *друг* (209), *жизнь* (217) и ряд других не «вспомнилось» ни одно имя собственное. Напротив, на слова-стимулы *бабушка* (624) — их «отозвалось» 5: *Васильевна, Киев, Надя, Наташа, Юркина* (все по одному разу); *билет* (621) — 3: *Москва — Лондон, «Современник»; война* (209) — 4: *Вьетнам, Великая Отечественная, Израиль, Хиросима; голова* — 2: *Дом Советов*, как у *Юлия Цезаря*; слова же *город, деревня, площадь, фамилия, девочка, дядя, газета, журнал, картина, кино, книжка, литература*, т. е. обозначения типичных топообъектов, людей, предметов материальной и духовной культуры, вызывают в памяти десятки имен собственных. Приведем их (из русского словаря):

город (237): *Алма-Ата, Москва* — по 10 ответов, *Ленинград* — 4, *на Неве, Рига* — 2, *Горький, Джамбул, Минск, на Северном полюсе, Томск* — по 1 разу;

деревня (708): *Калуго-Соловьевка* — 9 ответов, *Ведрица* — 5, *Золотая Сопка, Лужки, Пушки, Хатынь* — 2, в *Англии*, где скучал *Евгений*, где скучал *Онегин*, *Красные маки, Лермонтов, Николаевский, Родина, Романовка, Терновка, Ходорово* — 1;

площадь (761): *Красная* — 187, *Революции* — 89, *им. Ленина* — 42, *Минина* — 23, *Свободы* — 17, *им. Смирнова* — 15, *Победы* — 10, *Ленина, Мира* — 7, *Тевелева* — 6, *Восстания, Комсомольская* — 4, *Дзержинского, им. Маркса, Павших, Театральная* — 3, *Маяковского, Москва, Толстого* — 2, *Богдана Хмельницкого, Кремль, Ленинского комсомола, памятник Ленину, Первое мая, Пушкина, Советская, Советского Союза, Согласия, Хабаровск, Юбилейная* — 1 (всего 30 наименований);

фамилия (697) — антропонимы идут после таких активных слов-аппеллятивов, как *имя* (224), *моя* (97), *имя-отчество* (23), *красивая* (21) и под., наряду со словами: *большая, девичья, знаменитая, некрасивая* — *Петров, Савельева* (по 3 ответа), *Иванов, Леонтьев, Седых, Степанов* — 2, *Богатова, Ветрепуш, Голицын, Гусева, Дубровский, Карпушин, Киреев, Кузьмина, Назарова, Новиков, Соколов* — 1.

Слово-стимул *картина* (614) вызвало такие ономастические ассоциации: *Репина* — 26, *Шишкина* — 13, *Репин* — 10, *Айвазовский* — 7, *Васнецов, Левитан, Рембрандт, Шишкин* — 5, *«Бурлаки на Волге», Эрмитаж* — 4, *«Девятый*

вал», Рафаэль, Третьяков, «Явление Христа народу» — 3, Айвазовского, «Аленушка», Брюллова, Левитана, Ленинград — 2, Ван-Гог, Васнецова, Коро, «Незнакомка», Перова, Тициан, Третьяковская галерея — 1.

Слово-стимул *район*, наиболее распространенные значения которого принадлежат к числу географических терминов, получило 580 «ответов», причем 98 из них содержали названия районов, а также городов, улиц — всего 68 разных названий: *Витебский* — 17, *Октябрьский* — 16, *Кузнецкий* — 9, *Советский* — 8, *Печерский* — 7, *Железнодорожный*, *Ленинский* — 6, *Москвы* — 4, *Смоленский* — 3, *Браславский*, *Витебска*, *Евлах*, *Киевский*, *Комсомольский*, *Краснинский*, *Краснооктябрьский*, *Ленинский*, *Орджоникидзевский*, *Тракторозаводский*, *Увельский* — 2, *Амлинский*, *Аргонинский*, *Бабынинский* — 1. Заметим, что большая часть их имеет однообразное оформление — прилагательные на *-ый (-ий)*.

Данные украинских экспериментов в принципе (типологически) совпадают с русскими.

Определенное сходство в основных типах ассоциаций обнаруживают не только родственные (русский и украинский), но и неродственные (например, русский и киргизский) языки.

Имеются работы, в которых изложены результаты целенаправленного изучения свободного восприятия собственных имен, в частности эксперимента по «субъективной оценке употребительности топонимов в речи» (анализу подвергнуты 140 названий, входящих в школьный курс географии, а также в топонимические словари, составленные М. С. Боднарским и В. А. Никоновым, — слова *Австралия*, *Австрия*, *Азия*, *Африка*, *Волга*, *Верона*, *Дербент*, *Кавказ*, *Крым*, *Ленинград*, *Моздок*, *Москва*, *Обь*, *Палех*, *Сахалин*, *Сибирь*, *Урал* и др., являющиеся собственными названиями континентов, государств, столиц, крупных рек, островов и городов, а также более мелких топообъектов), эксперимента по установлению денотатов имен (путь от имени к обозначаемому: *Байрон* — поэт, *Москва* — город, река, гостиница, ресторан, *Аврора* — крейсер, богиня, личное имя, кинотеатр), по выявлению свободных ассоциаций (например, на имя *Ромео* «отзывалось» *Джульетта*, на топонимы *Австралия* — слово-образ *кенгуру*, *Крым* — *море*, *отдых*) и т. д. Такой эксперимент проведен в Москве, Ташкенте и Чимкенте. Руководитель эксперимента А. В. Суперанская, обобщив

его результаты, приходит к следующему выводу относительно активности владения топонимами и «реальности вхождения этих слов в словарный состав языка»:

1. В активном употреблении у каждого человека имеется ограниченное число имен.

2. Активный фонд известных человеку имен зависит от его профессии и местожительства.

3. В этот фонд входят также топонимы, важные для культуры данного региона.

4. Общий фонд активной ономастической лексики бывает един для значительных территорий и коллективов, но степень активности конкретных единиц различна на отдельных территориях и в разных социальных и профессиональных коллективах²⁴.

Интересны также заключения о роли модели в восприятии малознакомого имени, роли контекста, о дополнительных ассоциациях (коннотациях) имен собственных, о специфике некоторых ономастических ассоциаций (*Киев — Украина*, *Нижний Тагил — Урал*, *Ханой — Вьетнам*) и др.

Имена собственные, «свободные», по мнению многих лингвистов, от семантики и вследствие этого от парадигматической (обычно смысловой) и синтагматической ассоциации, являются большим соблазном для тех, кто, опираясь на концепцию «звукового символизма», хотел бы иметь дело с чистым экспериментальным материалом, в котором «предметное» значение (в силу семантической «опустошенности» собственного имени) не перекрывает ассоциативно-экспрессивного. Проводятся опыты по оценке «благозвучности» как реальной, так и литературной ономастики. Например, стараются дать ответ, «почему *Халтюпкина* — фамилия с отрицательной для носителя русской речи экспрессией»²⁵, «почему *Свидригайлов* — неприятная фамилия, *Перепендеев* — смешная...» Почему фамилия *Чичиков* близка к указанному, а фамилии *Чацкий*, *Арбенин*, *Кирсанов*, *Иртенев* и под. «оченно резко противопоставляются первой группе имен»²⁶.

²⁴ См.: Суперанская А. В. Экспериментальные методы изучения восприятия имен. — В кн.: Actes du XI-e congrès..., 2. Sofia, 1975, с. 327—338.

²⁵ См.: Горнфельд А. Г. Об одной фамилии у Льва Толстого. — В кн.: Горнфельд А. Г. О русских писателях. Спб., 1912, т. I, с. 255—261.

²⁶ Магазаник Э. Б., Ройзензон Л. И. Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия; к инструментовке собственных имен

Интерес к поиску эвфонии (благозвучия) и какофонии (неблагозвучия) поддерживается писателями и особенно поэтами, которые не только чувствуют звучание слов («хороших» и «плохих»), но умеют передать свое восприятие этих слов (их звучания!) читателям (слушателям). Начиная составлять словари-справочники фонетического значения личных имен, а также литературных антропонимов²². Так, *Александр* получает характеристику — «нечто хорошее, большое, мужественное, активное, простое, красивое, величественное, радостное, храброе, могучее»; *Андрей* — «хорошее, активное, яркое, радостное, громкое, храброе, могучее»; *Валентин* — «хорошее, красивое»; а *Геннадий* — «маленькое, горячее, быстрое, безопасное, низменное, яркое, короткое»; *Петр* — «плохое, маленькое, женственное, слабое»; *Галина* — «простое, красивое, яркое»; *Надежда* — «большое, сильное, храброе, могучее».

Литературные антропонимы: *Ассоль* — «это нечто хорошее, светлое, простое, красивое, гладкое, легкое, яркое, округлое, громкое»; *Виринея* — «нечто нежное, радостное, короткое»; *Зарема* — «нечто сильное, шероховатое, радостное, громкое»; *Фёкла* — «плохое, маленькое, нежное, женственное, темное, пассивное, сложное, слабое, горячее, медленное, шероховатое, низменное, тусклое, печальное, тихое, короткое, трусливое, хилое, медлительное»; *Федора* — «плохое, маленькое, нежное»; *Фома* — «это нечто плохое, темное, пассивное, слабое, отталкивающее, шероховатое, тяжелое, грустное, страшное, тусклое, угловатое, печальное, тихое, короткое, злое, хилое, медлительное».

В специальной и популярной литературе описываются эксперименты, свидетельствующие о различном восприятии текста в зависимости от варьирования в них собственных имен (см., например, статью А. А. Леонтьева «Слова «холодные» и «горячие»²³), к участию в решении лингвопсихологических задач по ономастике приглашаются читатели журналов, в публикациях, посвященных мотивам выбора имен, почти всегда отмечается как один из существ-

венных (а иногда как решающий) фактор благозвучия имени²⁴. Вопрос этот считается важным не только в теоретическом, но и в практическом отношении (в частности, рекомендациями психолингвистов пользуется внешнеторговое объединение «Автоэкспорт»: автомобиль «Жигули» имеет экспортное название «Лада»).

В настоящее время рано говорить о символическом значении звуковой стороны собственных имен как о несомненном и доказанном явлении. Предстоит тщательная проверка степени надежности получаемых результатов, в частности более строгий учет воздействия на восприятие слова (имени) множества факторов — структурно-языковых, контекстно-речевых, социально-культурных, психологических и др. Оценивать имена только по звукам и их сочетаниям (скажем, в русском языке: *л* — звук женственный, нежный, добрый; *ж* — плохой, грубый, некрасивый, шероховатый, тяжелый, опасный, злой...) без учета указанных выше факторов — значит упрощать исследовательскую задачу. Общеизвестны многочисленные факты различного восприятия «одного и того же звука» в разных контекстах, например звука *ч* в стихотворении «Анчар» (входя в состав слова *анчар* — «дерево смерти», приобретает «зловещую» окраску-ассоциацию и распространяет ее на другие слова с этим звуком: «*мрачный*», «*черный*») и звука *ч* в романсе «Очи черные», где он воспринимается «положительно»³⁰.

Приверженцы концепции звукового символизма уточняют свои положения, вовлекая в сферу изучения «природные» (естественные) языки, сопоставляя их между собой, пытаясь обнаружить звукосимволические универсалии (субъективные и объективные)³¹. Думается, что успех этой концепции в изучении ономастического материала будет достигнут тогда, когда удастся общезыковые фоновые символические универсалии сочетать с тонким знанием звуковых ассоци-

в русской художественной литературе. — В кн.: Вопросы ономастики. Самарканд, 1971, с. 60—72.

²² См.: Журавлев А. П. Символическое значение языкового знака. — В кн.: Речевое воздействие. Проблемы прикладной лингвистики. М., 1972, с. 81—104; Он же. Фонетическое значение. Л., 1974; Он же. Звук и смысл. М., 1981.

²³ Наука и жизнь, 1974, № 4, с. 77—78.

²⁴ См., например, замечание самаркандских ономастологов: «Здесь уместно сказать, что более половины опрошенных вообще отмечают роль эвфонии в их наречении» (Ройзензон Л. И., Магазаник Э. Б. О мотивах выбора имени. — В кн.: Вопросы ономастики. I. Труды Самаркандского государственного ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 214. Самарканд, 1971, с. 30).

³⁰ Магазаник Э. Б., Ройзензон Л. И. Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия..., с. 63—65.

³¹ См.: Левчик и В. В. Звуковой символизм у природных мовах. — Мовознавство, 1979, № 1, с. 46—55; Он же. Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.

ций национальных языков в конкретный период их развития. Обсуждаемая проблема не только психолингвистическая, но и социолингвистическая. И методы ее решения должны учитывать это.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД

Использование статистического метода основано на том, что у объекта изучения, помимо его качественной стороны, имеется сторона количественная. В настоящее время количественные (математические, квантитативные, статистические) методы получили широкое применение во всех областях науки, в том числе и в языкознании. Применима лингвостатистика и в ономастике. Ее содержание здесь разнообразно — от простейших подсчетов количества имен и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого ономастического разряда и закономерностей его развития. Приведем наиболее типичные примеры (результаты) работы этим методом.

1. Исследователь приводит 5 самых частых имен, полученных новорожденными в узбекских семьях (г. Самарканд, 1965 г.): мальчики: *Алишер, Фуркат, Бахтияр, Баходир, Шурхат*; девочки: *Нигора, Насиба, Надира, Гульнора, Дилором*.

2. Исследователь дает весь список: а) мужских и б) женских имен с указанием числа и процента носителей каждого имени; в качестве последующего шага может быть выделение пяти, десяти или большего количества популярных имен. Например, в Минске за 1964 г.: *Александр* — процент носителей 15,7, *Сергей* — 13,4, *Игорь* — 11,3, *Андрей* — 6,8, *Владимир* — 6,0, *Олег* — 5,9, *Валерий* — 4,0, *Виктор* — 3,0, *Дмитрий* — 3,3. Для уменьшения элемента случайности вместо годовых «срезов» можно брать срезы в 10, 20, 30 и более лет («глубина» среза зависит от имеющихся материалов, а также задач исследования).

Необходимо различать изучение: а) имен новорожденных, б) имен жителей (как национально однородных, так и разнородных) населенного пункта (региона, коллектива), так как это разные антропонимические объекты и они имеют разные статистические показатели.

3. Исследователя интересует фонетико-морфологическая сторона антропонима, в частности вокальный или консонантный

исход мужских и женских имен у тюркоязычных народов. Подсчеты (В. А. Никонов) показывают, что в среднем из 1000 новорожденных каждого пола получили имена, оканчивающиеся на гласный звук (1965—1967 гг.): татары (г. Казань) — мальчики — 4, девочки — 876; башкиры — мальчики — 28, девочки — 870; узбеки (г. Самарканд) — мальчики — 91, девочки — 769. Статистика помогла уяснить состояние процесса размежевания мужской и женской подсистем тюркского именника по грамматической линии.

4. Статистическое выражение могут получать результаты лингвосоциологических исследований ономастики (например, данные о склонении — не склонении корейских фамилий в русском языке: письмо *Сергею (Пак или Паку)*, жду (*Пак или Пака*) *Сергея Ивановича* и т. п.).

Т а б л и ц а 1

Отвечающие	Общее количество	Склоняют	Не склоняют	Колеблются
Филологи	90	26	46	18
Нефилологи	97	32	60	5

5. Собственные имена, как правило, принадлежат к существительным, обладающим в своем большинстве категориями рода, числа, падежа, а личные имена — одушевленности, лица. Предстоит статистическая обработка текстов разных стилей, чтобы определить в каждом из них долю падежей собственных имен в целом и каждого из их разрядов, а также их синтаксические функции (собственное имя в роли подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства, в роли обращения, в составе сравнения, в фразеологизме и т. д.). Первые подсчеты показывают, что в языке художественной литературы на долю трех падежей — именительного, родительного и винительного — приходится от 70 до 80% всех имяупотреблений, а наиболее типичная функция имени собственного в предложении — быть подлежащим.

6. Общеизвестна ценность частотных словарей языка писателей. Статистической обработке подлежит и ономастический сектор произведения, в частности все виды именованный персонажа. Зная, что в «Поднятой целине» М. А. Шоло-

хова *Варя* названа именем собственным 115 раз в восьми вариантах именования (*Варя* — 56, *Варька* — 21, *Варюха-Горюха* — 12, *Варвара* — 8, *Варюха* — 7, *Варя Харламова* — 5, *Варька Харламова* — 3, *Горюха* — 3), можно будет приступить к стилистической интерпретации этой закономерности, отражающей разнообразные речевые ситуации и взаимоотношения персонажей.

7. Статистическая методика позволяет решать и такие ономастические задачи, как составление списков рекомендательных фамилий, имен, а также конструировать слова-названия для новых товаров (словесные товарные знаки). Так, в Швеции в 1957 г. 7¹/₂ млн. людей имели одну из трех фамилий *Андерссон*, *Юханссон* и *Карлсон*. После того как в 1963 г. был принят закон, направленный на уменьшение «однофамильности», вычислительная техника составила рекомендательные списки, включающие 50 тыс. фамилий. Без статистических операций невозможно кодирование имен собственных для ввода их в память электронно-вычислительной машины³².

8. Перед ономатологами стояла и продолжает стоять сложная проблема сравнения исследуемого объекта (например, состава личных имен и их употребительности в различных социальных группах общества, в различных населенных пунктах, в различные хронологические срезы и т. п.), причем сравнить надо не отдельные имена, а всю их совокупность с такой же совокупностью. В. А. Никонов предложил для сравнения именников «метод расстояний» и реализовал его на материале женских имен России XVIII в. «Этот метод, — как характеризует его автор, — трудоемок, но по существу несложен. После перевода абсолютных данных в средние (на тысячу носительниц имен) нетрудно вывести разницу употребительности по каждому имени. Сумма разниц по всем именам и охарактеризует «расстояние» между двумя именниками»³³. Метод В. А. Никонова можно назвать количественным, так как степень различия (или сходства) выражается в числовых показателях.

Стремление несколько упростить, а главное, дополнить количественный метод В. А. Никонова сопоставлением качественной, а также структурной сторон именников привело

³² См. сб.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970, с. 75—83.

³³ Никонов В. А. Женские имена в России XVIII века. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 128.

к появлению «количественно-качественного метода»³⁴. Покажем его сущность на примере сопоставления именников двух хронологических срезов, отстоящих друг от друга на 100 лет.

Для анализа берем не годовые, а десятилетние срезы. Делается это для уменьшения элемента случайности, довольно заметного при годовых выборках имен. В качестве первого (исходного) среза взят именник новорожденных в русских семьях г. Пензы 1861—1870 гг., в качестве второго — именник 1961—1970 гг. Предметом наблюдения и описания являются: 1) количество мужских и женских имен в каждом из анализируемых срезов; 2) конкретный состав (перечень) имен в первом и втором срезах; 3) состав общих («сквозных») имен и их употребительность в каждом из срезов; 4) виды различий между именниками сравниваемых периодов: состав и удельный вес «старых» имен, «новых» имен, а также различия в употребительности «сквозных» имен; 5) статистическая организация именника: процент имяносителей, носящих: а) все частые имена, б) десятку наиболее частых имен, в) пятерку самых частых имен; 6) состав частых имен, а также первого десятка и первой пятерки в каждом из контрольных срезов; 7) темпы обновления качественной и количественной (статистической) стороны именника.

Мужские имена. За 10-летие, с 1861 по 1870 г., в Пензе в русских семьях родилось 2762 мальчика. Им было дано 126 разных имен: *Агафон* — 1 чел., *Агафопод* — 1, *Адам* — 1, *Александр* — 167, *Алексей* — 156, *Ананий* — 1, *Анатолий* — 3, *Андрей* — 100, *Андреян* — 2, *Андромон* — 1 и др.

За десятилетие, с 1961 по 1970 г., в Пензе родилось 23 165 мальчиков, которым дано 68 разных имен — на 59 имен меньше, чем в 1861—1870 гг., хотя число новорожденных возросло более чем в 8 раз. Среди имен 60-х годов XX в. видим: *Алевтин* — 2 чел., *Александр* — 3042, *Алексей* — 720, *Альберт* — 31, *Анатолий* — 394, *Андреян* — 1, *Андрей* — 1499, *Андреян* — 1, *Антон* — 26, *Аркадий* — 18 и др.

³⁴ Бондалетов В. Д. Женские личные имена в конце XIX века. — В кн.: Ономастика Поволжья. 3. Материалы 3-й конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973, с. 118—125; Он же. Русский именник прежде и теперь (К сопоставительно-диахроническому изучению состава и употребительности личных имен). — В кн.: Русская ономастика. Рязань, 1977, с. 17—30.

Накладывая именные первого и второго срезов, обнаруживаем:

а) в первом срезе: 1) «старые» имена, которые не повторяются во втором срезе (некоторые из них совсем вышли из обихода), 2) «сквозные» имена, повторяющиеся (обычно с иным удельным весом) в срезе 1961—1970 гг.;

б) во втором срезе: 1) «новые» имена, отсутствующие в срезе 1861—1870 гг., 2) «сквозные» имена, сохранившиеся от прошлого века.

Таким образом, спектры анализируемых именников состоят из сходных и несходных компонентов. Обратимся к их рассмотрению.

В группе «старых» имен оказалось 86 единиц, они обслуживают 316 чел., что составляет 11,442% общего числа новорожденных мальчиков в 1861—1870 гг. Это: *Агафон* — 1 чел., *Агафод* — 1, *Адам* — 1, *Ананий* — 1 и др.

В группе «новых» в срезе 1961—1970 гг. — 28 мужских имен, они даны 4718 мальчикам (20,368% новорожденных). Как и среди «старых» имен первого среза, здесь видим имена, обслуживающие единичных носителей (например, *Алевтин*, *Андиан*, *Артем*, *Владен*, *Гарри*, *Карл*, *Ролан*, *Святослав*, *Феликс*, *Ярослав*), и имена «весомые» (например, *Валерий* — оно дано 1150 мальчикам, *Игорь* — 1135, *Олег* — 1127 и др.).

Таблица 2

Сравнение употребительности «сквозных» мужских имен

Имя	1861—1870 гг.			1961—1970 гг.		
	Кол-во носит.	% носит.	На сколько % больше	Кол-во носит.	% носит.	На сколько % больше
<i>Александр</i>	167	6,046	—	3042	13,75	7,129
<i>Алексей</i>	156	5,851	2,543	720	3,108	—
<i>Анатолий</i>	3	0,108	—	394	1,700	0,592
<i>Андрей</i>	100	3,650	—	1499	6,479	2,829
<i>Андреан</i>	2	0,075	0,071	1	0,004	—
<i>Антон</i>	1	0,036	—	26	0,112	0,076
И т. д.	—
Итого:	2446	88,560	52,133	18447	79,632	43,203

Исчезновение «старых» имен и включение в именные «новых» имен — самый заметный показатель обновления именника. И все же наиболее результативные процессы обновления именника проходили в зоне «сквозных» имен. Всего их в контрольных срезах оказалось 40 (вдвое меньше, чем «старых», и почти вдвое больше, чем «новых»). Пособлюющую основную сложность при сравнении именников представляют общие имена (но обычно имеющие разное число и разный процент носителей), приводим схему их обработки (таблица 2).

Если представить схематически весь спектр именников, т. е. все составные части их различия и сходства, то получается следующая картина.

Таблица 3

Количественно-качественное сравнение именников

Спектр именников	Годы		
	1861—1870	1961—1970	
I. Различия:			
	а) «старые» имена	11,5%	—
	б) «новые» имена	—	20,5%
в) расхождения в употребительности «сквозных» имен	52,0%	43,0%	
II. Сходство	Всего:	63,5%	63,5%
		36,5%	36,5%
Итого:	100%	100%	

Как видим из таблицы 3, мужской именной 1961—1970 гг. повторяет именной столетней давности лишь на 36,5%. Удельный вес различий между ними почти вдвое выше — 63,5%. Значит, за истекшее столетие мужской именной в Пензе обновился почти на две трети.

Мы вместо суммарного «расстояния», каким оперировал В. А. Никонов, выделяем все компоненты различий, а именно: а) состав и удельный вес «старых» имен, б) состав и удельный вес «новых» имен, в) состав «сквозных» (общих)

имен и удельный вес расхождений в их употребительности. Все это дает в руки исследователя такие сведения о качественной и количественной сторонах именника, которые легко могут быть интерпретированы в социально-культурном аспекте.

Так, рассматривая «старую» часть именника 1861—1870 гг., видим, что перед нами все без исключения канонические имена: *Агафон, Агафопод, Адам, Ананий* и др. Каноническими являются также и все «сквозные» имена.

Обращаясь к «новой» части именника 1961—1970 гг., замечаем, что она неоднородна и включает в себя 4 пласта: 1) подлинно новые имена (*Владлен, Ролан*), а также новые формы прежних имен (например, *Андиан*); 2) славянские и древнерусские «воскрешенные» имена: *Вадим, Владислав, Всеволод, Игорь, Олег, Руслан, Святослав, Станислав, Ярослав*; 3) имена, заимствованные в новое время (преимущественно за годы Советской власти): *Альберт, Артур, Гарри, Герман, Карл, Роберт, Спартак, Феликс, Эдуард*; 4) имена, встречавшиеся в дореволюционное время, но не оказавшиеся в Пензе в срезе 1861—1870 гг.: *Аркадий, Артем, Валерий, Виталий, Денис, Роман*.

По такой же схеме идет сравнение женских именников.

Некоторые обобщения и выводы по мужскому и женскому именникам

1. За 100 лет мужской именник в г. Пензе сохранился на 36,5%, а женский на 25,5% (расхождения между именниками 1861—1870 гг. и 1961—1970 гг. соответственно составили 63,5 и 74,5%). Следовательно, мужской именник оказался более стабилен, чем женский.

2. Качественную преемственность между именниками прошлого и настоящего создают «сквозные» имена (среди мужских имен их было 40%, среди женских — 35%).

3. Самые заметные несовпадения именников разных хронологических срезов — различия в их репертуаре: наличие «старых» имен для первого среза и «новых» для второго. Однако в общей массе расхождений репертуарные различия сравнительно невелики (в женском именнике они составили $\frac{1}{3}$ долю, а в мужском еще меньшую — $\frac{1}{4}$ долю).

4. Главное различие между именниками — несовпадение удельного веса носителей «сквозных» имен: в мужском именнике различия этого рода составили $\frac{3}{4}$ всех расхожде-

ний, в женском — $\frac{2}{3}$ всех расхождений. Следовательно, основной путь и способ обновления именника — не смена репертуара имен, а изменение «моды» на прежние имена, увеличение или уменьшение их употребительности (популярности).

5. Репертуар мужских имен за столетие сократился (с 126 до 68), а женских имен увеличился (с 87 до 123): среди женских имен «новых» (разных видов) оказалось 80, среди мужских — лишь 28 имен; напротив, число «старых» имен в мужском именнике выше (86 имен), чем в женском (52 имени). Увеличение репертуара женских имен — одна из особенностей развития именника советского периода.

6. Несмотря на то что «старых» имен больше среди мужских имен, удельный вес обслуживаемых ими носителей у мужчин оказался вдвое ниже (11,9%), чем у женщин (25%). Значит, «старые» мужские имена (не повторенные через 100 лет) и в XIX в. были более редкими, чем женские.

7. Несмотря на малочисленность в мужском репертуаре «новых» имен, процент обслуживаемых ими носителей не только не уступает, а даже несколько превосходит женский (20,5% и 18,5%). Таким образом, новизна мужского именника связана не столько с количеством новых имен, сколько с их более активным использованием. Женский именник охотнее идет на увеличение числа ономастических единиц.

Сложность процесса обновления именника

Располагая материалом за все десятилетия, с 1861 по 1970 г., мы решили проверить скорость изменения именника за 10, а также за 20 лет. Оказалось, что именник 1911—1920 гг. отошел от именника начала XX в. (1901—1910 гг.) — за 10 лет — у мужчин на 16%, у женщин на 20%; именник 1951—1960 гг. обновился по сравнению с именником 1921—1930 гг. — за 20 советских лет — у мужчин на 33%, у женщин на 50%. Итак, в среднем за 10-летие мужской именник обновляется на 16—17%, а женский — на 20—25%. Если бы этот процесс шел поступательно, без возврата к прежним именам (т. е. без повторения «моды» на них), то полное обновление мужского именника произошло бы за 60 лет, а женского — за 40—45 лет. Однако этого нет. Следовательно, скорость обновления именника за столетие не есть простая сумма его изменений за десятилетия.

Статистическая структура именника в XIX и XX вв.

Анализ изменений именника за 100 лет обнаружил наличие определенной тенденции к его стабильности — к сохранению «сквозных» имен, к их периодической повторяемости. Еще отчетливее стабильность статистической структуры именника⁹⁵.

Деление числа новорожденных 1861—1870 гг. (1762 мальчика) на количество мужских имен этого десятилетия (126 имен) дает средний коэффициент одноименности (СКО) — им оказывается число 22. Имена с числом носителей 22 и выше — частые имена этого десятилетия, имена с числом носителей ниже 22 — редкие имена.

В срезе 1861—1870 гг. все частые имена (у мальчиков их было 20) обслуживали 88% носителей, первый десяток частых имен — 67%, а пятерка самых частых имен — 42%. Все частые женские имена (их было 23) обслуживали 81% новорожденных девочек, десяток имен — 55%, пятерка самых частых имен — 38%. См. таблицу 4. Через столетие наблюдаем во многом сходную картину (см. правую часть таблицы 4).

Таблица 4

Статистическая структура мужского и женского именников

Группы частых имен и % носителей	1861—1870 гг.		1961—1970 гг.	
	Мужск.	Женск.	Мужск.	Женск.
Все частые имена десятилетия	88	81	82	83
Десяток наиболее частых имен	67	55	68	72
Первая пятерка самых частых имен	42	38	48	47
Все редкие имена	12	19	18	17

Следовательно, при очевидном обновлении репертуара имен, при заметном изменении удельного веса носителей

⁹⁵ См.: Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения. — В кн.: Ономастика и норма, М., 1976, с. 12—46.

«сквозных» имен относительно стабильной остается статистическая организация именника: в среднем 80—85% носителей всех частых имен, 55—70% носителей первого десятка имен, 40—45% носителей пятерки самых популярных имен.

Поскольку на долю частых имен обычно приходится более 80% новорожденных, многое может дать количественно-качественный анализ этих наиболее результативных имен. Приведем с указанием ранга (места) мужские имена: 1861—1870 гг.: 1. Иван, 2. Василий, 3. Николай, 4. Петр, 5. Михаил, 6. Александр, 7. Алексей, 8. Федор, 9. Сергей, 10. Андрей, 11. Дмитрий, 12. Павел, 13. Владимир, 14. Степан, 15. Григорий, 16. Георгий, 17. Константин, 18. Семен, 19. Яков, 20. Данил; 1961—1970 гг.: 1. Сергей, 2. Александр, 3. Владимир, 4. Андрей, 5. Юрий, 6. Валерий, 7. Игорь, 8. Олег, 9. Михаил, 10. Вячеслав, 11. Евгений, 12. Алексей, 13. Дмитрий, 14. Виктор, 15. Николай, 16. Геннадий, 17. Анатолий, 18. Виталий. Обращают на себя внимание следующие моменты:

1. Все частые имена (за исключением «старого» Степан и «новых» Игорь, Олег, Виталий) относятся к «сквозным». Они обеспечивают как номинальную, так и — в известной степени — количественную преемственность именника.

2. В первой пятерке и первом десятке наиболее употребительных имен произошли существенные изменения. Полностью обновился состав первой пятерки (Иван, Василий и Петр ушли за пределы частых имен, имя Михаил перешло на 9-е место, Николай — на 15-е). В пятерку 1961—1970 гг. вошли: Сергей, Александр, Владимир, Андрей, Юрий. А ведь на ее долю приходится 48% носителей! Иначе стала выглядеть и вторая пятерка. Из нее одни имена перешли в первую пятерку (Сергей, Александр, Андрей), другие оттеснены за пределы десятка (Алексей) или даже за черту частых имен (Федор).

3. Перестали быть частыми, кроме уже упомянутых четырех имен: Иван, Василий, Петр, Федор, еще 8 имен: Павел, Степан, Григорий, Георгий, Константин, Семен, Яков, Данил. Новыми в группе частых оказались 11 имен: Владимир, Юрий, Валерий, Игорь, Олег, Вячеслав, Евгений, Виктор, Геннадий, Анатолий, Виталий. Особенно замечателен путь древнерусских имен Олег и Игорь: они заняли свои места во второй пятерке частых имен, начав... с нуля (в срезе 1861—1870 гг. они не значились вовсе).

Не менее выразительно сравнение и женских частых имен.

Количественно-качественный метод изучения личных имен оправдывает себя как при сопоставлении одновременных срезов, так и при сравнении хронологически разных срезов. Он позволяет измерить не только «расстояние» между именниками, но, как мы видели, определить и охарактеризовать слагаемые этого общего «расстояния».

Знание статистических параметров мужского и женского именников, включая и темпы их развития, позволяет провести сравнение их между собой, а также сравнение русского именника с именниками других, антропонимически родственных и неродственных народов, т. е. осуществить сопоставительно-типологические исследования.

Статистический метод в своих различных модификациях приложим ко всем разрядам ономастической лексики³⁶. Он — хорошее добавление к рассмотренным выше «качественным» методам.

³⁶См.: Су пер а н с к а я А. В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы г. Москвы. — В сб.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964, с. 119—134; Н и к о н о в В. А. Фоностатистические схемы гидронимии Уганды. — В сб.: Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969, с. 50—64 и другие труды этого автора.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АНТРОПОНИМИКИ

В 1967 г. В. А. Никонов сетовал: «В нашей стране антропонимики как науки пока еще нет. Есть россыпь фрагментарных работ немногих разрозненных исследований»¹. Эти горькие слова были сказаны не для умаления заслуги русских и советских антропонимистов, а для того, чтобы привлечь внимание к отстающему участку и как можно скорее вывести его из застоя. Для поддержания уверенности в успехе автор напомнил о топонимике. «Пример топонимики, 10 лет тому назад находившейся у нас в таком же состоянии, а теперь занявшей свое место в мировой науке, убеждает, что есть все возможности покончить и с отставанием русской антропонимики»². А через семь лет этот страстный пропагандист антропонимики, как и всей «грозди» ономастических наук, уже констатировал: «На глазах складывается советская антропонимическая наука. Чтобы она прочно стала на ноги, потребуется еще очень много труда»³.

Советская, в особенности русская, антропонимика формируется не на пустом месте. Она имеет великолепный фундамент в виде разнообразных материалов (опубликованных и рукописных) и источников. Это памятники письменности религиозно-культового содержания (Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, святцы, ономастиконы и под.); документы исторического и юридического содержания (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1952—1964, т. I—III и др.); памятники народно-разговорного языка (Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка

¹ Никонов В. А. Личные имена в современной России. — Вопросы языкознания, 1967, № 6, с. 102.

² Там же, с. 103.

³ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 5.

XVII столетия. М., 1965; Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969 и т. п.); переписные и ревизские списки («Писцовые книги», «Ревизские сказки», «Переписные книги», «Актовые книги» и др.); таможенные книги (Таможенные книги Московского государства XVII столетия. М.—Л., 1950—1961, т. I—III); десятины — документы, связанные с учетом военно-служилого населения (свыше 400 десятиен, охватывающих период почти в 150 лет — с 1556 по 1696 г. — и покрывающих около 100 городов Русского государства); разнообразные научные (исторические, географические, демографические и др.) сочинения; этнографические и фольклорные записи; деловая документация (акты гражданского состояния, метрические записи, похозяйственные книги), а также возрастающий приток антропонимического материала, собираемого ономастическими и диалектологическими экспедициями последних десятилетий.

Особую ценность представляют словари, содержащие систематизированный антропонимический материал. Одним из первых справочников подобного типа был словарь, составленный М. Я. Морозкиным «Славянский именовслов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке» (СПб., 1867). В 1903 г. появился «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова. В 1974 г. был посмертно опубликован большой труд акад. С. Б. Веселовского «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии», представляющий справочник по именам, прозвищам и фамилиям Северо-Восточной Руси XV—XVII вв., основанный на огромном количестве опубликованных и неопубликованных источников.

Большим событием в антропонимике было появление в 1966 г. «Словаря русских личных имен», составителем которого был Н. А. Петровский (второе стереотипное издание. М., 1980). В этом справочнике рассмотрено около 2600 личных имен, бытующих или бытовавших в русских семьях.

Столь же интересны для антропонимики первые попытки создания словарей русских фамилий. На страницах научно-популярного журнала «Русская речь», начиная с 1976 г., публикуются материалы В. А. Никонова «Из словаря русских фамилий» (см.: Русская речь, 1976, № 1—6, 1977, № 2—6, 1978, № 1—6, 1979, № 1—6, 1980, № 1—5, 1981, № 1—3, 6, 1982, № 1). В 1972 г. был издан адресованный учащимся популярный этимологический словарь «Русские фамилии» Ю. Федосюка.

Большой и очень значимый материал по антропонимике, истории и значению антропонимов собран в исследованиях А. М. Селищева, В. И. Чернышева, Б. А. Успенского, А. Н. Мирославской, С. И. Зинина, Л. М. Щетинина и др.

По-своему важным для изучения антропонимии нашего времени и прошлых эпох является художественная литература.

История русской антропонимии еще не написана, но уже создаются ее первые наброски (см. «Очерк истории русской антропонимии» в кн.: Антропонимика (Библиографический указатель литературы на русском языке). Ташкент, 1968, составитель и автор вступительной статьи С. И. Зинин)⁴.

Истоки русской ономастики восходят к средневековой лексикографии, которая уже с XIII в. включала имена собственные в общие словари и «толковала» наряду с обычными (апеллятивными) словами. Так, в «Речи жидовьскаго языка» XIII в. (последующие списки — вплоть до XVIII в.) собственные имена составили более двух третей всех словарных статей⁵. Ономастическую лексику находим в «Толковани именовъ по алфавиту» Максима Грека (XVI в.) со списками более позднего времени⁶, в «Лексиконе славеноросском и имен тлъкование» Памвы Беринды (1627 и 1653 гг.), в разговорниках и азбуковниках XVI и XVII вв., а также в многочисленных месяцесловах (святцах) того времени, в частности за 1564, 1580, 1600, 1623, 1648 и другие годы (изданы в Москве, Остроге, Вильне, Евю, Львове).

В составе ономастиконов, месяцесловов, азбуковников и других видов словарей (как самостоятельных произведений, так и «приплетаемых» в качестве приложений к другим трудам) включались следующие виды и разновидности

⁴ См. также главу «Из истории изучения русской антропонимии» в кн.: З и н и н С. И. Введение в русскую антропонимию (Пособие для студентов-заочников). Ташкент, 1972.

⁵ См.: К о в т у н Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.-Л., 1963, с. 112; Б о н д а л е т о в В. Д., З а к а з ч и к о в а Т. А. Русская антропонимия XVI—XVII вв. (на материалах словарей-ономастиконов и деловых документов). — В сб.: Питання східно-слов'янської лексикографії XI—XVII ст. Київ, 1979, с. 72—73.

⁶ См.: К о в т у н Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975.

антропонимов: личные имена, фамилии (или их прообразы), прозвища, этнонимы

Среди личных имен основную массу составляли религиозные имена (onomastica sacra), имена апостолов и евангелистов: *Петр, Павел, Матфей, Лука, Марк, Иоанн*; ангелов и архангелов: *Хероним, Серафим, Михаил, Гавриил* и др.; святых — общечтимых (греческих, римских и др.): *Иоанн Предтеча, Илия Пророк, Мария Египетская* — и российских (русских): *Борис, Глеб, Ольга, Владимир, Александр Невский* . . . и почитаемых в отдельных местах: князь *Петр* и княгиня *Феврония муромские, Прокопий и Иоанн устюжские* и др.

Характер и полнота толкования антропонима зависели от назначения словарей, имеющих целью разъяснение религиозной литературы, ее персонажей, ономастической символики. Например, в «Речи жидовского языка», в соответствии с греческой и латинской традицией, «толкуются» мужские и женские имена через их перевод или приведение эпитетов: *Петръ* — раздрѣшая, *Павелъ* — съвѣтникъ, *Анна* — слава, благодать (всего 76 словарных статей).

Более полным является словарь Максима Грека «Толкование именамъ по алфавиту» (XVI в.), ср. также его «Сословие именъ по азъ вѣди о стыхъ боушихъ в святцах о толковании словенска языка», в котором помещено около 500 имен. Большая часть из них греческого происхождения: *Аггелъ* — вѣстникъ, *Афанасеи* — бессмертный, *Александръ* — помощь мужемъ, *Архиппъ* — начальник конемъ. Есть имена латинские и еврейские, причем автор с большой точностью указывает их источник: *Сивиръ*, по-латински *Северус*, а толкуется тяжекъ, норovy, высокоумливъ: *Авакумъ*, еврейска пословица, толкуется отецъ востанию. Иногда Максим Грек уточняет этимологию, указывая другой язык-источник: *Дометиянъ*, домашникъ, а пословица римска, не греческа.

Если приведенные и им подобные случаи можно квалифицировать как первичную этимологизацию слов-имени (этимология равна его переводу), то объединения М. Греком однокорневых слов в одну словарную статью и их суммарное объяснение можно принять за прообраз современной научной этимологии с учетом всего ряда генетически общих слов. Напр.: *Викторъ, Викентии*, римска имена, и обоимъ единъ тлъкъ побѣдитель; *Селивестръ* да *Силуянъ*, да *Селиванъ*, римска имена и всѣмъ единъ тлъкъ лѣсникъ, силва бо у них лѣсъ, роща. О научной добросовестности

автора свидетельствуют словарные статьи, где он признается, что значение имени ему неизвестно: *Сергеи*, римска пословица, а тлъкуется невѣдом мнѣ.

Большим событием в изучении ономастической лексики, в том числе и антропонимии XVII в., было издание в 1627 г. труда Памвы Беринды «Лексиконъ славеноросский и именъ тлъкование». Во второй части этого «Лексикона» даются «имена власные людей, горъ, пагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ оурочищъ розмаитыхъ диалектовъ...». Здесь приведено большое количество «именъ свойственныхъ» еврейского, греческого, латинского, сирийского, халдейского и других языков: *Бонифаций*, добротворецъ, еллинска: *вонифатий; Виталий*, лат., животный; *Борисъ*, от евр. ворис — вѣтръ с полночи, князь России. Достоинства Словаря, его широкая распространенность оказывали влияние и на антропонимическую практику того времени.

В XVIII в. антропонимы привлекали к себе внимание филологов, историков (в основном имена древнерусских князей, названия племен), писателей, историков церкви. Так, М. В. Ломоносова интересовали функции имен собственных, как и слов вообще, в поэзии: имя собственное, по его мнению, может быть переведено и «внушает разные идеи, и это свойство следует использовать в поэзии», названия жителей или уроженцев той или иной местности, по его терминологии, «отечественные, или родину значащие имена» (в «Материалах к Российской грамматике» им приведено около 100 таких названий вместе с производящими основами: *Москва* — *Москвитин*, *Кострома* — *Костромитин*, *Португалия* — *-ец*, *Франция* — *-уз*, *Польша* — *-як*, *Италия* — *-янец*, *Швейцария* — *-ар* и др.); этот пласт слов Ломоносовым исследован с точки зрения словообразования⁷.

В XIX в. проблематика антропонимических исследований расширяется. Н. М. Карамзин интересуется социальной сферой функционирования славянских «неканонических» имен (он отмечает, что еще при Иване Грозном сановники в государственных бумагах могли называться *Дружинами, Тишанами, Истомами, Неудачами, Хозяевами* «единственно с прибавлением христианского отчества»), временем появления фамилий, отчество, вопросом семантики суффикса *-ич*

⁷ См.: Ломоносов М. В. Российская грамматика. — Полн. собр. соч. Труды по филологии. М. - Л., 1952, т. VII.

и т. д. Е. Болховитинов в статье «О личных собственных именах славянороссов» (1813) занимается составом имен по происхождению («природными» названиями: *Пирогостя, Межимира, Борислава, Родислава, Властемира, Прибыслава, Примыслава* и др., «варяго-русскими»: *Рюрик, Игорь, Олег, Аскольд*), рассматривает обычаи «при крещении давати имена подобные святым» (в Византии и других странах), соотношение трех типов имен: первого — «природного» или варяго-русского, второго — христианского и третьего — «отеческого», их употребление (трехсловным именем могли называться «только князья, бояре, посадники», встречались и четырехсловные, по образцу римлян, данные по «свойству, деяниям или случаю»: *Владимир, Федор Всеволодович Мономах*), образование и употребление отчеств, «полуимен» (типа *Петрай, Ивашко*)⁸.

И. И. Срезневский обследовал минеи XI—XIII вв. и на их основе составил (в 1863 г.) «Древний русский календарь», включив в него 328 мужских и 43 женских имени и сделав к ним некоторые примечания. Тогда же появляется большое исследование М. Я. Морошкина «Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке», которое явилось «прекрасным стартом» русской антропонимики и до сих пор не утратило своего значения.

В 90-е годы XIX столетия некалендарными и календарными именами древнего периода занимаются А. Балов (1893 и др.), Н. Д. Чечулин (1890, 1891), Н. Н. Харузин (1899), их же интересуют «великорусские фамилии и их происхождение» (А. Балов), а также народные прозвища. В это время талантливый историк русского языка Н. М. Тупиков создает свой «Словарь древнерусских личных собственных имен», который был опубликован в 1903 г. (после смерти автора) и отмечен Ломоносовской премией.

Неутомимые собиратели русской антропонимии (языковеды, этнографы, историки) были убеждены в исключительной ее ценности для изучения жизни и истории народа. Они могли бы подписаться под словами, сказанными М. Я. Морошкиным: «Где молчат хроники и исторические памятники, там начинает говорить одно слово, там, где безмолвствуют

саги, начинают повесть собственные имена»⁹. Эта уверенность исследователей поддерживалась авторитетом Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и других выдающихся отечественных филологов, утверждавших, что собственные имена возникли из нарицательных и их изучение может быть полезно для этимологии, словообразования, истории лексики и русского языка в целом.

Ономастическая теория, в частности антропонимическая проблематика XIX столетия, довольно полно изложена в трудах М. Я. Морошкина и Н. М. Тупикова. Она достаточно широка, разнообразна, остра и в дальнейшем послужила фундаментом исследований (особенно в историко-социальном плане) для антропонимистов советского времени.

Антропонимическая ситуация в СССР в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции характеризовалась, с одной стороны, сохранением проверенного жизнью прежнего, в своем большинстве канонического именника, с другой стороны, небывалой свободой как в самом акте наречения (в выборе существовавших имен), так и в имятворчестве. И эти противоречивые тенденции не могли остаться незамеченными исследователями. Наряду с фиксацией новых антропонимов (имен и фамилий) и их социально-культурным и лингвистическим осмыслением обостряется интерес к прошлому русской антропонимии. То же наблюдается и в топонимии.

Из всех лингвистов-ономатологов самой яркой фигурой, отразившей лингвоономастическую проблематику 20—30-х годов, был, несомненно, Афанасий Матвеевич Селищев (1886—1942). В 1939 г. он опубликовал большую работу «Из старой и новой топонимии», в которой дан глубокий историко-лингвистический и социальный анализ прежней топонимии (в основном в границах Московской губернии) и топонимии, вызванной к жизни Великим Октябрем, отразившей «основные черты содержания современной эпохи, диктатуры рабочего класса, социалистического строительства, новой техники»¹⁰.

⁹ Морошкин М. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867, с. 6. См. также: Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

¹⁰ Селищев А. М. Из старой и новой топонимии. — В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968, с. 88.

⁸ См.: Болховитинов Е. О личных собственных именах. — Вестник Европы, М., 1813, ч. LXIX, с. 16—20.

Поскольку «в огромном большинстве случаев пункты поселений названы по имени лица — по личному имени или прозвищу, по фамилии», А. М. Селищев в ходе их анализа (семантического, словообразовательного, стилистического) привлекает и антропонимический материал, занятия которым, видимо, предшествовали собственно топонимическому исследованию.

В 30-е годы А. М. Селищев собирал антропонимический материал, анализируя живые процессы в антропонимии своего времени. Тезисы этой работы были опубликованы (на немецком языке) в 1934 г., а вся статья под названием «Смена фамилий и личных имен»¹¹ увидела свет в 1971 г. Вероятно, уже в 30-е годы была подготовлена и другая, теперь широко известная статья А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» (1948)¹²; напечатанная после смерти автора его учеником В. К. Чичаговым.

Работы А. М. Селищева отличает высокая лингвистическая культура, историзм, сочетание структурно-языкового и экстралингвистического подхода, богатство материала, понимание языкового своеобразия ономастической лексики и генетической связи ее с лексикой апеллятивной. Четко выраженный социально-исторический аспект, сочетающийся с тщательным лексико-семантическим, структурным, словообразовательным анализом, характерен для этого выдающегося советского ученого, вооруженного новой методологией, учитывающей внутриязыковую и внеязыковую специфику функционирования и развития языка и его ономастического отдела. Эти качества А. М. Селищева повлияли прежде всего на его ономастического преемника В. К. Чичагова, а затем и на других исследователей, определив основные принципы и направления советской ономастической школы.

Книга В. К. Чичагова «Из истории русских имен, отчеств и фамилий» (1959), посвященная русской антропонимии XV—XVII вв., была первым развернутым описанием истории русской трехчленной системы именованья (фамилия, имя, отчество) и послужила канвой и в известной мере образцом для последующих занятий русской исторической

антропонимией. Приняты в основном его определения главных антропонимических единиц и их вариантов¹³.

60-е и 70-е годы XX в. характеризовались активизацией ономастических и в первую очередь антропонимических и топонимических исследований, расширением их проблематики и фактической базы, уточнением принципов и методов работы.

Тематику антропонимических исследований последнего двадцатилетия можно объединить в пять основных направлений: общеономастическая (общепантропонимическая) теория, история русской антропонимии, современная русская антропонимия, антропонимия в русской художественной литературе и фольклоре, прикладные вопросы антропонимики.

1. **Общеономастическая (общепантропонимическая) проблематика** рассматривает специфику собственного имени (антропонима) как языковой категории (см. работы А. А. Реформатского, В. А. Никонова, А. В. Суперанской, А. А. Белецкого, А. Д. Зверева, С. И. Зинина), структуру его значения (см. работы А. А. Реформатского, В. А. Никонова, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, И. И. Ковалика, О. И. Фояковой и др.), степень мотивированности семантики антропонима, а также его «способность быть именем собственным» (см. работы В. Н. Топорова, Н. И. Толстого, А. В. Суперанской), функции антропонимов в языке, в речи (см. работы И. В. Бестужева-Лады, О. С. Ахмановой, А. А. Белецкого), а также в художественной литературе (см. работы В. А. Никонова, М. В. Карпенко), социальную обусловленность антропонимов (см. работы В. А. Никонова, Н. А. Белька, В. Д. Бондалетова, Л. М. Щетинина, С. И. Зинина и др.), виды антропонимов, отличительные черты имен, фамилий, отчеств, прозвищ, псевдонимов (см. работы А. Д. Зверева, Н. Н. Ушакова, Г. Я. Симиной, В. Г. Дмитриева, Т. И. Сурковой), способы и средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в именах (см. работы В. Д. Бондалетова, Е. Ф. Данилиной и др.), официальные и неофициальные формы антропонимов, их стилистическую дифференци-

¹¹ Селищев А. М. Смена фамилий и личных имен.— Уч. зап. Тартуского университета, V, 1971, вып. 284, с. 492—500. Публикация Б. А. Успенского.

¹² См.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968, с. 97—128.

¹³ См.: Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.). М., 1959, с. 5—7. Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию (Пособие для студентов-заочников). Ташкент, 1972, с. 9—17.

ацию (см. работы Н. А. Петровского, А. В. Суперанской, Б. А. Успенского и др.), продуктивные способы образования фамилий и имен в русском языке (см. работы Н. М. Шанского, А. В. Суперанской, Л. М. Щетинина и др.), антропонимию в территориальных и социальных диалектах (см. работы В. В. Палагиной, П. Т. Поротникова, В. И. Тагуновой, В. Д. Бондалетова и др.), методы изучения антропонимов (см. работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова), вопросы лексикографического описания антропонимической лексики (см. работы В. А. Никонова, Ю. А. Федосюка, С. И. Зинина, Н. А. Петровского), вопросы ономастической (антропонимической) терминологии (см. работы Н. В. Подольской, А. В. Суперанской, С. И. Зинина).

2. История русской антропонимии получила отражение в исследованиях, в которых говорится о ее периодизации (см. работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской), появлении христианских имен и их адаптации (см. работы В. А. Никонова, А. А. Угрюмова, А. И. Толкачева, Б. А. Успенского), взаимодействие неканонических («прозвищных») и канонических имен в разные исторические периоды (см. работы А. Н. Мирославской, С. И. Коткова, В. В. Палагиной, С. И. Зинина и др.), истории формул именования человека (см. работы В. А. Никонова, А. Н. Мирославской, С. И. Зинина), истории отчеств, их функциональных и словообразовательных разновидностей (см. работы С. И. Зинина, Г. Я. Симиной), истории фамильных прозвищ (фамилий), их источников, структурно-словообразовательных типов, социальной обусловленности и дифференцированности (см. работы В. А. Никонова, Н. М. Шанского, О. Н. Трубочева, Н. А. Баскакова, С. И. Зинина, Ю. А. Федосюка, Л. М. Щетинина), советском периоде в истории русской антропонимии как принципиально новом этапе ее развития (см. работы В. А. Никонова, В. Д. Бондалетова, А. В. Суперанской, А. В. Сусловой).

3. Современная русская антропонимия и представлена следующим кругом тем и аспектов исследования: состав мужских и женских личных имен, бытующих у русского населения в настоящее время, — общее количество имен, число имен активного употребления в отдельных городах, селах, регионах, коллективах и т. д. (см. работы Н. А. Петровского, В. А. Никонова, А. В. Сусловой, Л. М. Щетинина, В. Д. Бондалетова и др.), статистическая

структура имени (см. работы В. А. Никонова, В. Д. Бондалетова), фонетическая, словообразовательная и грамматическая характеристика русских имен (см. наблюдения А. В. Суперанской, Б. А. Успенского, Л. П. Калакуцкой и др.), группы личных имен по их происхождению — имена канонические, старые неканонические, имена-неологизмы, новые имена западноевропейского происхождения (см. работы В. А. Никонова, Л. М. Щетинина, А. А. Угрюмова), оценочные формы имен, закономерности их образования и употребления (см. работы Н. М. Малечи, Е. Ф. Теплова, Е. Ф. Данилиной, Г. А. Силаевой, В. А. Флоровской), русские имена у народов Советского Союза (см. работы Н. П. Бутенко, Г. М. Василевича, М. Ф. Семеновы, Р. Ш. Джаралгасиновой, М. А. Косничану, Г. А. Меновщикова, А. Н. Мирославской, П. Я. Скорика, А. В. Смоляк и др.), количественный состав русских фамилий (см. работы В. А. Никонова), их структурные и словообразовательные, а также «семантические» типы (см. работы Н. М. Шанского, С. В. Фроловой, Ю. А. Федосюка, Л. М. Щетинина), группы русских фамилий по языковому источнику — с русскими, тюркскими, финно-угорскими и другими основами (см. работы О. Н. Трубочева, В. А. Никонова, Н. А. Баскакова, В. Ф. Барашкова, А. И. Толкачева, И. Г. Добродомова), частотность фамилий, география их распространения (см. наблюдения В. А. Никонова, В. И. Тагуновой, В. П. Тимофеева, Л. М. Щетинина), фамилии официальные и «уличные» (см. работы В. А. Никонова, Т. А. Исаевой, Г. Я. Симиной и др.), состав и формы русских отчеств (см. работы Н. А. Петровского, Г. Я. Симиной, А. А. Угрюмова), функциональные, структурные, словообразовательные и семантические разновидности прозвищ (см. работы Н. Н. Ушакова, П. Т. Поротникова, Е. В. Ухмылиной и др.).

4. Антропонимия в русской художественной литературе и фольклоре рассматривается в следующих основных аспектах: функции и специфика литературных антропонимов (см. работы В. А. Никонова, М. В. Карпенко, М. И. Черемисиной, Л. И. Андреевой, Г. А. Силаевой), связь антропонимической системы художественного произведения с системой его образов (см. работы С. А. Копорского, П. Я. Черных, М. И. Черемисиной, С. И. Зинина и др.), способы и приемы создания и подачи литературного антропонима (см. работы В. А. Никонова, С. И. Коткова, Л. М. Щетинина, Э. Б. Ма-

газаника, В. Н. Михайлова, М. В. Карпенко, Т. Н. Кондратьевой), зависимость ономастики художественного произведения от литературного направления (см. работы С. А. Копорского, В. А. Никонова, М. С. Альтмана, К. Б. Зайцевой, Г. А. Силаевой, В. Н. Михайлова), взаимодействие собственных имен и апеллятивов в художественном тексте (см. работы В. А. Никонова, П. Я. Черных и др.), создание ономастического словаря писателя и отдельного художественного произведения (см. работы А. В. Федорова, О. И. Фояковой, Т. Н. Кондратьевой и др.).

5. Прикладные вопросы антропонимии: орфография, орфоэпия, транслитерация, проблема перевода имени собственного (особенно литературного антропонима), составление справочников имен собственных, имена собственные и культура речи (см. работы А. А. Реформатского, А. В. Суперанской, Н. И. Толстого, Л. В. Успенского, Б. А. Старостина, П. А. Дмитриева, Л. П. Калауцкой, В. Э. Сталтмане и др.).

Последнее двадцатилетие в советской антропонимике, как и во всей ономастике, характеризуется коллективными усилиями в решении актуальных проблем, что наглядно проявляется в проведении многочисленных ономастических конференций, совещаний, семинаров и в издании ряда сборников научных трудов. Среди конференций назовем I Всесоюзное совещание «Личное имя» (Москва, 1968), пять Поволжских ономастических конференций (1967—1974), I Международную конференцию «Перспективы развития славянской ономастики» (Москва, 1976). Следует сказать и об активном участии советских антропонимистов в Международных ономастических конгрессах (София — XI конгресс, 1972; Берн — XII конгресс, 1975; Краков — XIII конгресс, 1978). В 70-е годы изданы сборники «Антропонимика» (М., 1970), «Личное имя в прошлом, настоящем, будущем» (М., 1970), «Этнография имен» (М., 1971), «Ономастика Поволжья», вып. 1—4 (1969—1977), «Ономастика и норма» (М., 1976), «Русская ономастика» (Рязань, 1977), «Историческая ономастика» (М., 1977), «Перспективы развития славянской ономастики» (М., 1980). См. также: «Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 г.» (М., 1976), «Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971—1975 гг. с приложением за 1918—1962 гг.» (М., 1978), «Ономастика. Проблемы и методы (Материалы к

XIII Международному ономастическому конгрессу), Сборник обзоров (М., 1978).

В эти же десятилетия появляются работы по русской антропонимии за рубежом (Б. О. Унбегауна, В. Васченко, Б. А. Беклунда, М. Бенсона, Ст. Роспонда, Т. Скулины, Р. Якобсона и др.), см.: В а с ч е н к о. Библиография по русской антропонимике (работы, изданные за рубежом с 1860 по 1969 г.) (в книге «Восточнославянская ономастика», М., 1972), а также «Библиография. Обзор зарубежной ономастической литературы» (в книге «Историческая ономастика», М., 1977).

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Ученые XIX и начала XX в. всю историю русской антропонимии делили на два периода: 1) дохристианский — когда в ходу были собственно славянские, языческие имена; 2) христианский — когда право наречения имени стало принадлежать церкви и подавляющую массу имен составили канонические имена. Границей этих периодов стал 988 г. — год крещения Киевской Руси и принятия вместе с официальной христианской (православной) религией греко-византийских имен.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новый этап в социальной, политической и культурной жизни России. Это событие оказалось переломным и в истории русской антропонимии. 20 января (2 февраля) 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР опубликовал декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, по которому вводился свободный выбор имен и объявлялась законной гражданская регистрация рождений вместо церковного крещения. Так начался новый период в антропонимии России, продолжающийся и теперь. А. В. Сулова и А. В. Суперанская, принявшие традиционное деление до-революционной истории русской личной антропонимии на два периода (этапа), советский период, естественно, отнесли к третьему этапу. Они пишут: «В истории русских личных имен выделяются три этапа — дохристианский, когда использовались самобытные имена, созданные на восточнославянской почве средствами древнерусского языка; период после крещения Руси, когда церковь стала насаждать вместе с христианскими религиозными обрядами иноязычные

имена, заимствованные византийской церковью от разных народов древности; и новый этап, начавшийся после Великой Октябрьской социалистической революции и ознаменованный проникновением в русский именослов большого числа заимствованных имен и активным имятворчеством»¹⁴. Из деления всей истории русской, а также белорусской и украинской личной антропонимии на указанные три периода по существу исходят почти все современные исследователи восточнославянской ономастики.

Приведенная периодизация обладает многими достоинствами. Она опирается на реальные социально-исторические и ономастические факты, отличается большой четкостью и простотой. Однако это лишь самая общая периодизация, причем не всей антропонимии, а лишь истории имен.

Попытка периодизации русской антропонимии в совокупности всех ее компонентов (имя, отчество, фамилия), а также способов именования человека предпринята В. А. Никоновым¹⁵. Его «предварительная схема», охватывая историю русской антропонимии «от начала до 1917 г.», предусматривает пять периодов: по X в.; с X по XIII в.; с XIV по XVII в.; от Петра I до реформы 60-х годов XIX в.; с 1861 г. по 1917 г.

Нам представляется в настоящее время более оправданным весь обозримый путь русской антропонимии разделить на четыре основных периода:

1. С древнейшей поры до конца X в. — дохристианский период восточнославянской антропонимии, до крещения Киевской Руси в 988 г. Владимиром;

2. С XI по XVII в. — период «борьбы» исконно славянских (восточнославянских и русских) имен с византийско-греческими, их русификации и перехода к системе канонических имен; в этом периоде две части: с XI по XIII в. — использование канонических имен при явном функциональном господстве неканонических имен и традиционных формул именования; с XIV по XVII в. — господство канонических имен, начало формирования и использования трехчленной формулы именования, включающей лексический

¹⁴ Сусллова А. В., Суперанская А. В. Указ. соч., с. 42 и след.

¹⁵ Nikonow V. A. Die Periodisierung der russischen Anthroponomie von den Anfängen bis 1917 (vorläufiges Schema). — Sowjetische Namenforschung. Berlin: Akademie-Verlag, 1975, S. 103—115.

материал как восточнославянской, так и канонической антропонимии.

3. С начала XVIII в. до 1917 г. — период монопольного господства канонических имен, окончательного складывания и широкого распространения на все слои общества трехчленной формулы именования человека; это национальный досоциалистический период в истории русской антропонимии.

4. Советский период (с 1917 г. по настоящее время) — период деканонизации (дехристианизации) традиционного имени, полного утверждения как юридически обязательной единой трехчленной формулы именования; этот период характеризуется также переходом на трехчленную систему именования, сложившуюся в русской антропонимии всего советского народа как новой исторической общности людей.

В предлагаемом членении тысячелетнего пути нашей антропонимии учитываются наиболее существенные черты каждого из периодов, а также ее доминирующие тенденции: типичная модель именования человека, состав антропонимов, особенности функционирования всей антропонимической системы в различных социально-коммуникативных ситуациях, ведущие тенденции ее развития в каждый из исторических периодов. Разумеется, и наша периодизация носит предварительный характер, поскольку не все периоды изучены в достаточной мере, особенно в системно-функциональном отношении.

1. Дохристианский период

Судя по скудным свидетельствам исторических памятников VI—X вв. (преимущественно греко-византийских), летописи, посвященной древнему периоду Руси, а также на основании сравнения родственных славянских языков, можно предполагать, что до X в. и в X в. у восточных славян (предков русских, украинцев, белорусов) основной антропонимической единицей было личное имя. Оно использовалось во всех слоях древнерусского общества и входило в состав как простых (однословных), так и составных именований человека.

Подавляющую часть антропонимического фонда составляли имена родного языка, образованные из апеллятивных слов и их сочетаний: простые имена типа *Мал* — древлянский князь (945 г.), *Блуд* (972 г.), *Боз* (*Бос*) — вождь антов

(VI в.); сложные имена типа *Всеволод, Мстислав, Станислав, Судислав, Доброгост, Межьмир*¹⁶, *Хвалибуд*, а также двусловные типа *Волчий хвост* — воевода Киевского князя Владимира (984 г.); позднее к ним прибавились скандинавские: *Игорь, Олег, Ольга, Глеб* — это так называемые династические имена.

Так как распространение христианских имен было процессом длительным и «христианские имена стали у нас употребляться более или менее часто не раньше XII века» (А. И. Соболевский¹⁷), то об именах дохристианской поры обычно судят по более поздним фиксациям в памятниках XI, XII, XIII, XIV вв., по их отголоскам в антропонимии XV—XVII вв., когда они еще используются довольно широко, по их «отложениям» в фамилиях (*Жданов, Нежданов, Большов, Большаков* и под.), по неофициальной антропонимии (прозвища) разных периодов, включая и современный. Конечно, реконструировать весь набор древнерусских имен X века вряд ли возможно. Всегда есть опасность ошибочно перенести в глубокую историю то, что создано позднее. Так, вряд ли правомерно допустить, что в X в. у наших предков непременно были все те «личные имена и прозвища, которые приводятся А. М. Селищевым в его 19 группах имен «по значению основы», выделенных на материале XI—XVII вв. (по «Словарю древнерусских имен собственных» Н. М. Тупикова):

1. Обстоятельства появления нового члена семьи (найден, подкинут, взят у других). Выражение ожидания и неожиданности появления нового члена. Чувство родителей: *Найден, Прибыток, Жданко, Неждан, Бажен, Любим...*

2. Профилактика: *Бессон, Горе, Грязной, Мертвой, Невзор, Негодяй, Неудача, Нелюб...*

3. Семейные отношения. Порядок и время рождения: *Первой, Второй, Третьяк, Субота, Неделя, Вешняк, Поздняк, Домаха, Домец...*

4. Внешний вид. Физические недостатки: *Беззуб, Безнос, Брюхан, Глазатой, Головач, Горбач...*

5. Свойства: *Баламут, Булгак, Быстрой, Ведун, Веселой, Несмеян, Неупокон, Плакса...*

¹⁶ См.: Роспонт С. Структура и классификация восточнославянских антропонимов. — Вопросы языкознания, 1965, № 3, с. 3—21.

¹⁷ См.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб., 1910, с. 228.

6. Социальное и экономическое положение: *Холоп, Боярин, Селянин, Мещанин, Гольтепа...*

7. Профессия. Занятия. Должность: *Гончар, Кожевник, Кузнец, Десярь, Коновал, Быкодер, Швец...*

8. Пришельцы. Место жительства: *Несвой, Ненаш, Инозем, Казанец, Каргополец, Ростовец, Муромец...*

9. Церковные отношения и элементы: *Аминь (Федор Шубачев Аминь, московский посол в Орде, 1348 г.), Богомаз, Грешной, Грех, Двокрещен, Поп, Распопа...*

10. Насмешливые клички: *Беспортошник, Болван, Олух, Ончутка, Семихвост, Кривой колпак...*

11. Животные: *Баран, Барсук, Бык, Векша, Кобель, Кобылица, Конь, Корова, Рыжая корова...*

12. Птицы: *Воробей, Ворона, Гагара, Галка, Галчонок, Голубь, Дрозд, Дятел, Кур, Курица, Орел...*

13. Насекомые. Пресмыкающиеся: *Блоха, Гнида, Жук, Змейка, Комар, Комарка, Мураш, Муха...*

14. Рыба: *Ерш, Леишь, Окунь, Осетр, Рыба (Ивашко Рыба Аверкиев), Сом, Судак, Щука...*

15. Растения: *Арбуз, Береза, Дуб, Калина, Капуста, Кочень, Колос, Корень, Орех, Репа, Хрен...*

16. Пища: *Блин, Борщ, Говядина, Гуща, Каша, Коврига, Колоб, Лепеха, Оладья, Сахар (Ивашко Сахар, крестьянин, 1495 г.), Сусло, Тюря, Горячие щи...*

17. Имена и прозвища по разным предметам: *Алмаз, Атлас, Башмак, Веревка, Гвоздь, Голенище, Горшок, Гроб, Дорога, Камень, Кнут, Кошель, Палка, Чулок, Шуба...*

18. Татарские имена: *Алай, Ахмат, Казыл, Касим, Кизилбай, Кипчак, Мамай...*

19. Имя народа: *Варяжко, Гречанин, Казарин, Немчин, Русин, Татаринко, Черемисин...*

Было бы антиисторичным относить к древнекиевской поре IX—X вв. имена, связанные с социальным и экономическим положением людей средневековья, с названием новых профессий, татарские имена *Мамай, Мурат* и другие, имена, образованные от названий народов, с которыми русские вступили в контакты после X в., имена, образованные от названий предметов сравнительно позднего происхождения.

Основная масса приведенного А. М. Селищевым материала, судя по датировке, приходится на XIV—XVII вв. Примеры, относящиеся к XI—XIII вв., хотя и согласуются

с показателями X в., все же не могут служить надежной иллюстрацией антропонимии древнего периода.

О личной антропонимии дохристианского периода, а также первых столетий после принятия христианства некоторое представление могут дать этнографические свидетельства прошлого. В одном из азбуковников XVI в. читаем: «Первых родов и времен человеци... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец и мать отrotchати изволят: или от взора и естества, или от времени, или от вещи, или от притчи... Такожде и словене прежде крещения их даяху имена детям своим сице: *Богдан, Божен, Первой, Второй, Любим* и ина таковы. Добра же суть и та»¹⁸.

В целом же, не рискуя восстанавливать фонд древневосточнославянских имен в их конкретном составе и фонетико-морфологическом и словообразовательном облике, можно полагать, что, не регламентируемый религиозными канонами, он был подвижным, разнообразным и немалочисленным. Подобное мнение высказывает и С. И. Зинин: «В X—XIII вв. в качестве личных имен применялись самые разнообразные слова бытового языка»¹⁹. Примерно то же было и до христианизации Руси. «До принятия христианства у родителей была значительно большая свобода выбора имени ребенку, а сам выбор имени характеризовался причинами внешними, порой случайными, или стремлением родителей вложить в имя, как в талисман, свои лучшие пожелания в будущей жизни ребенка. По этим причинам разряд личных имен у восточных славян, по всей вероятности, был очень многочисленным и разнообразным»²⁰.

Предположительный характер носит и утверждение об употреблении в дохристианский период отчеств. Вероятность их в X в. основана, во-первых, на том, что в списке русских послов 945 г. при именах некоторых из них находятся отчества, а под 968 г. значится воевода «по имением *Прътичь*», во-вторых, на факте фиксации их в источниках, относящихся к XI и XII вв. Все ранние отчества, как правило, от неканонических имен: 1018 г.— посадник *Костянтин*, сын *Добрынь*; 1021 г.— *Брячислав*, сын *Изяславль*;

¹⁸ Карпов А. Азбуковники, или алфавиты, иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878, с. 177—178. Ср.: Успенский Л. В. Ты и твоё имя. Имя дома твоего.— Л., 1972, с. 37.

¹⁹ Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию..., с. 51.

²⁰ Там же, с. 44.

1055 г.— *Изослав Ярославль*, князь Киевский; 1057 г.— *Вячеслав*, сын *Ярославль*; 1064 г.— *Вышата*, сын *Остромирь*; 1097 г.— *Сновид Изечевичь*, конюх; 1102 г.— *Прельсти Ярославец Святополчичь Ярослав Ярославича*; 1138 г.— *Юрий Володимеричь Мономахъ*. Однако в XII в. встречаются отчества и от заимствованных христианских имен: 1151 г.— *Изяслав Давыдовичь*, 1157 г.— *Андрей Боголюбский Юрьев*, сын *Долгоруково* и др.

Итак, дохристианская антропонимия восточных славян имела развитую систему имен и частично уже могла использовать двучленную (имя плюс отчество) форму наименования.

2. Период с XI по XVII в.

700-летний период восточнославянской, а с XIV в. русской (великорусской) антропонимии не был однородным по своему содержанию, ведущим тенденциям и материальному составу антропонимикона. С XI по XIII в., несмотря на официальное принятие христианства, продолжал существовать, функционировать и развиваться неканонический фонд имен. Многие из «личных имен и прозвищ», приведенных А. М. Селищевым в 19 тематических группах «по значению основы», использовались в это время. Подтверждением широкого употребления исконно славянской личной ономастики в XI—XIII вв. служат и новые материалы, в частности берестяные грамоты, найденные в 50—60-е годы нашего века в Новгороде и Пскове. Не прекращалось возникновение и использование неканонических антропонимов (в виде подлинных и «вторых», «мирских», «прозвищных» имен, в составе «вторых» отчеств, или полуотчеств, и фамилий) и в XIV—XVII вв.

И тем не менее с 988 г. антропонимическая ситуация в Киевской Руси изменилась: под влиянием церкви стали распространяться предусмотренные церковным канонами и календарем христианские имена. Они не могли сначала конкурировать с родными для славян именами как в количественном, так и в «качественном» отношении: образованные от нарицательных слов греческого, латинского, древнееврейского и других языков, они воспринимались как непонятные, странные, трудные для произношения.

О составе церковных имен, их облике (написании и произношении) в первые три века жизни у восточных славян

можно судить по древним минеям XI—XIII вв., систематизированным акад. И. И. Срезневским и изданным под названием «Древний русский календарь. По месячным минеям XI—XIII вв.» (1863). Приведем несколько сокращенный перечень перечисленных И. И. Срезневским имен, располагая их по алфавиту. Этот своеобразный свод имен поможет представить их характер, специфику оформления.

Мужские имена:

Авдий (Аудий), Аверкий, Авив, Авраимий, Авъкт, Агав, Агапий, Агафаггел, Агафоник, Агафонуд, Агъгъй, Адриан, Азадьак, Азарий, Акакий, Акепсима, Акила, Акрит, Акундин (Акиндин), Александр, Алексей, Алуций (Алиций), Алфъов, Амбросий, Амвакум, Амплий, Амфилогий (Амфилохий), Ананий, Анастасий, Андрей (Андръй, Аньдръй)...

Борис;

Вавула (Вавила), Вакх, Варлам, Варнава, Варфоломъй, Василий, Василиск, Вит, Венедикт, Венедим, Власий, Влахер, Вукол, Вяцеслав;

Гаврил (Гавриил), Галактион, Георгий, Гервасий, Герман, Гльб, Гордий, Григорий, Гурий, Гъртун (Гортун);

Давыд, Далмат, Дамиан (Демьян), Данил, Дий, Дим (род. пад. Дими, Дима), Диомид, Дионисий...

Евсевий, Евтропий, Еладий, Елеуферий, Елиазар, Елисей, Елпидифор, Емилиан, Енуарий, Епафродит, Епистим, Епифан, Еразм, Ерей, Ермей (Ермий, Ермий, Еремий), Ермоген, Ермолай, Ермон...

Захарий, Зиновий, Зосима;

Иакинф, Иасон, Игнатий, Иезекииль, Иеремий, Иерофъй, Измаил, Иларий, Иларион, Илья, Иоаким, Иоан, Иоаникий, Иов, Иоиль, Ион...

Калиньник, Калиопт, Карп, Келесий, Ксарь (Кесарий), Киприан, Кирик, Кирьяк, Киф, Клеоник, Климент, Козьма (Кузьма), Конъдрат (Кондрат, Кодрат), Корнилий, Константин, Крискент, Ксенфонт...

Лавр, Лазорь, Лампад, Ларион (Иларион), Лаурентий, Лев, Леонтий, Леукий, Ликиан, Логгин (Логин), Лука, Лукилиан, Луп;

Магнисий, Макарий, Максим, Малахий, Мамонт (Мамант), Мануил, Мардарий, Марк, Маркел, Мартин, Мартиниан, Матьфей (Матфъй, Матфей), Мелетий, Мемънон, Менахъдр, Меркурий (Мъркурий)...

Назарий, Нарсис (Наркис), Наум, Нафал, Неадий, Нео-

нил, Нестер, Никандр, Никей (Никомидий), Никита, Никифор; Никола...

Омилиан, Онисим, Онисифор, Оръст (Орест), Осиф; Павел (Павъл, Паул), Памфул, Панкратий, Папил (Папул), Перамон, Парфений, Патапий, Патрикий, Пафнотий, Петр, Пигасий...

Роман, Руф;

Сава, Саваот (Саваит), Саватий, Савелий, Савинаиан, Самон, Самсон (Самьсон), Самуил, Сафроний, Севастиан, Селивестр, Септимин, Сергей, Симон (Симеон, Симъон), Синькрит, Сисой, Созонт...

Таврион, Тарасий, Тарх (Тарак), Татт, Тереньтий (Терентий), Тимон, Тимофей, Тит, Трофим, Труфон, Тухик, Тухон (Тихон);

Уар, Устин;

Фадъй, Фалелъй, Фауст, Феогн (Феогин), Феодор, Феодосий, Феодот, Феодул, Феостирикт, Феостух, Феофан, Феофилакт, Фесалоникий, Феуроний, Феликс, Филимон, Филипп, Фирс, Флегонт...

Харитон, Харламний, Хионий, Христофор. (Во всем списке 328 имен.)

Женские имена:

Агапия, Агафия, Агрипина, Акулина (Акулина), Анастасия, Антонина (Антоньина), Аньна;

Варвара, Василиса, Васса, Въра;

Евдокия, Елена, Елисавета (род. пад. Елисавети), Евгения, Еуламния, Еупраксия, Еуфимия, Еуфростыния (Еуфросиния);

Зоя;

Ирина, Ириния, Иулия (Иулияния);

Катерина, Кръстина;

Любъвь;

Марина, Мария;

Надежа;

Олимпия;

Пелагия, Пистома;

София, Сусана;

Татьяна;

Улиана, Улита;

Фекла, Феодора, Феодосия, Феоктиста, Фотинья;

Хиония. (Во всем списке 43 имени.)

Христианские имена документируются уже с начала XI в. Так, в Лаврентьевской летописи под 1015 г. находим:

Георгий, отрок князя Бориса; под 1033 г.: князь *Евстафий* Мстиславич; под 1018 г.: посадник *Костянтин*. Ср. также в «Остромировом евангелии» (1056 г.): в крещении *Иосиф*, мирьски *Остромир*. Христианских имен не сколько больше в XII в.: *Софья* Ярославна (1157), *Фома* Назарович (1182), князь *Давыд* Ольгович (1190) — в Ипатьевской летописи. Однако, по заключению Н. М. Тупикова, в XI—XII вв. «христианские имена, хотя и давались при крещении, но в общежитии (а отсюда и в письменности) употреблялись редко... С XIII в. употребление христианских имен заметно расширяется»²¹.

Особенно значительное расширение удельного веса христианских имен приходится на XIV в. и последующие века. XIV в. можно считать переломным в борьбе некалендарных и календарных имен: христианские имена начинают превалировать в документах официального характера, имена дохристианские все более оттесняются на второй план, хотя еще долго будут служить русским людям в качестве «вторых» личных имен и еще больше и шире — в качестве базы для образования многих русских фамилий.

Переломный характер XIV в. в истории русской антропоники отражен в нижеприведенной таблице 5, составленной на основании анализа нехристианских и христианских имен в таких значительных по объему источниках, как Лаврентьевская летопись, Первая Новгородская летопись, Новгородские грамоты на бересте, «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова.

Сложность ономастической ситуации рассматриваемого периода — взаимодействие двух антропонимических систем, их взаимная адаптация и интерференция, возникновение «гибридных» моделей именования. Одно из проявлений гибридности — обычай иметь два имени (христианское и «мирское») и одновременно использовать их для называния лица. Первоначально двуименность встречалась у князей, бояр и духовных лиц (се аз князь великий *Гаврил*, нареченный *Всеволод*; князь *Федор*, а мирьскы *Мьстислав*; в крещении *Андрыян*, а княже *Святослав*; во святѣм крещении *Полагья*, а княже *Сбыслава*; в крещении *Иосиф*, а мирьскы *Остромир*), причем обычно в торжественной ситуации, с XIV в. этот обычай подхватывается более низкими сословиями (*Максим*, а мирское имя *Станимир*, сын священни-

Таблица 5

Источники	Век	Имена нехристианские		Имена христианские	
		число	процент	число	процент
Лаврентьевская летопись	до X	41	100,0	—	—
	XI	65	77,4	19	22,6
	XII	93	68,9	42	31,1
	XIII	55	39,3	85	60,7
	XIV	5	9,6	47	90,4
1-я Новгородская летопись	до X	40	100,0	—	—
	XI	36	69,2	16	30,8
	XII	91	65,9	47	34,1
	XIII	108	42,7	145	57,3
	XIV	13	7,3	164	92,7
Новгородские грамоты на бересте	XI	4	57,1	3	42,9
	XII	51	55,4	41	44,6
	XIII	46	41,8	64	58,2
	XIV	28	12,6	195	87,4
Словарь Тупикова	XI	4	—	1	—
	XII	67	71,3	27	28,7
	XIII	68	66,0	35	34,0
	XIV	61	32,4	127	67,6

ка — 1310 г.; дьяк *Алексьйко*, нарицаемый *Владьчко* — 1377 г.; *Иван Волк Курицын*, дьяк московский — 1492 г.). В XV в. князья, как правило, называются одним именем (или только христианским, или только «мирским»), низшие слои — «двумя именами сразу»; в случаях употребления «в простом народе» двух антропонимов «русское имя иногда уже теряет свое главное значение и становится как бы прозвищем»²².

Второй период русской антропоники характеризовался расслоением в социальном плане. Уже летописцы подметили «княжеский» характер таких имен, как *Святослав*, *Святополк*, *Вечеслав*, *Мстислав*, *Изяслав*, *Ярослав*, *Ростислав*, *Володимир* (*Володимер*), *Всеволод*, а также *Олег*, *Игорь*, *Борис*, *Глеб*, *Брячислав*, *Всеслав*. В дальнейшем социальная дифференциация даст о себе знать в форме имен (*Петр*, *Иван* — для бояр и дворян, *Петрушка*, *Ивайка* — для простого народа), в форме отчеств (право называться с *-вичем*

²¹ Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 4.

²² Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 8.

имели только привилегированные слои общества ²³), в факте одновременного появления и закрепления фамилий у представителей разных социальных слоев. «В России княжеские, а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в., помещичьи — формировались в XVI—XVII вв.; фамилии же горожан, за исключением именованного купечества, еще не установились окончательно и в начале XIX в., даже фамилии духовенства созданы только в XVIII и первой половине XIX в., а подавляющее большинство крепостных крестьян и до середины XIX в. еще не имело фамилий» ²⁴.

Пожалуй, самым важным событием в антропонимии XI—XVIII вв., касавшимся всех без исключения слоев общества, было постепенное вытеснение большей массы исконно славянских и русских имен и освоение (адаптация) в фонетическом, грамматическом и особенно в словообразовательном отношении небольшого числа канонических имен. Это событие имеет много аспектов. Один из них — функциональное различие между каноническими и неканоническими именами на каждой из стадий их взаимодействия. Особенно интересны их взаимоотношения на заключительном этапе, когда произошел переход функционирования (равноправного или дифференцированного) неканонических и канонических имен к утверждению единой системы канонических имен.

Вопрос о функциях некалендарных имен сложен. Его неправомерно сводить к проблеме «официальности — прозвищности», как это нередко делается. Нельзя согласиться, например, с итоговой формулировкой В. К. Чичагова: «Следовательно, все русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) имели в XV—XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена, за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имен, имели значение личных имен» ²⁵.

Исконная антропонимия любого народа включает в себя не однородный в функционально-стилистическом отношении

материал. В нем всегда есть нейтральный слой и слои «повышенный» и «сниженный». Нейтральный слой — это основная масса имен. «Повышенный» — это социально-престижные имена и формы именования. «Сниженный» — это разного рода «прозвищные» обозначения человека, воспринимаемые как менее почтительные. И такое расслоение, видимо, было всегда, только разной была его степень, а также форма выражения. Трудно представить себе древнего славянина, грека, римлянина с стилистически монотонными именами. О славянских именах-прозвищах мы не имеем сведений. Римские и греческие прозвища известны. Приведем некоторые из них (в переводе на русский язык): «Насмехающийся» — прозвище М. Красса, деда триумвира; «Рожденный в Азии» — прозвище Л. Корнелия Сципиона; «Флейтист» — Птоломей XI, отец Клеопатры (умер в 51 г. до н. э.); «Остроумный» — римский всадник П. Волумний; «Долгорукый» — Артаксеркс I; «Мясник» — император Опилий Макрин (прозван за кровожадность).

Славянские антропонимы как дохристианской, так и христианской поры (в частности, XI—XVII вв.) имели не одну функцию — быть только именем или только прозвищем. Даже в XV—XVII вв., когда их теснили насаждаемые церковью и государственной администрацией церковные имена, они могли выступать и в функции личного имени (например, *Первушка*, *Одинец*, *Третьяк* у крестьян Кирилло-Белозерского монастыря ²⁶), и в функции прозвища, и в роли имени-характеристики, и в функции имени-уточнителя, и как наследственные именованья с дальнейшим переходом в отчества и фамилии ²⁷.

Доказательством равноправного функционирования некалендарных антропонимов с календарными служат нередкие случаи их недифференцированного использования. Так, в новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. вполне обычны записи вроде: «За Курбатом, да за Меншиком, да за Федором, да за Шерапом за Васильевыми детьми Глодав

²³ См.: Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886, с. 35 и след.; Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов-на-Дону, 1966, с. 41—45; Бондалетов В. Д. Ономастика и социолингвистика. — В сб.: Антропонимика. М., 1970, с. 18—21.

²⁴ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974, с. 17.

²⁵ Чичагов В. К. Указ, соч., с. 26.

²⁶ См.: Бахвалова Т. В. Функционально-семантическая классификация некалендарных имен (на материале белозерских памятников). — В кн.: Филологические науки. Лингвистика. XXV Герценовские чтения. Краткое содержание докладов. Л., 1972, с. 38—41.

²⁷ См.: Тагунова В. И. Прозвищные имена в Муромских памятниках письменности XVII—XVIII веков. — В сб.: Лексика современного русского языка. Уч. зап. Рязанского пед ин-та, т. 40. М., 1967, с. 32—48.

деревни...; за Неклюдом, да за Жданом, да за Дмитрием, да за Савельем за Ондреевыми детьми Пажинского, да за Остальцом за Федоровым, да за Третьяком, да за Первушкой деревни Пажина» и др. Некалендарные имена неодновременно исчезали в разных сословиях (социальная асинхронность) на разных территориях (пространственная асинхронность). Неодинаково шло их «выпадение» и в зависимости от их «индивидуальных» свойств: имена «прозвищной» семантики и стилистики оставляются раньше, имена нейтральные и «повышенные» (вроде *Бажен, Ждан, Дружина, Воин*, близкие к калькам с византийских имен: *Богдан, Боголеп, Тихомир, Вера, Надежда, Любовь*) сохраняются дольше, в ряде мест вплоть до XVIII столетия. Существующий до сих пор некогда общерусский, хотя и с большой свободой варьирования, фонд некалендарных личных имен (*Нечай, Истома, Любим, Смирной, Менишк, Третьяк, Первуша, Первой, Путило, Пятой* и др.) перестает быть общерусским: конкретный состав неканонических имен разных территорий, как правило, не совпадает, причем локальными бывают не 2—3 имени, а 20, 30 и даже 40. Например, только в десятье Московского уезда 1578—1586 гг. встретились имена: *Армянин, Бездан, Волга, Гренка, Дербыш, Который, Курган, Мансур, Озорной, Петеля, Рувной, Севера, Стародуб, Строилю, Сулеш, Сурьянин, Туко, Башлык, Исуп, Ищук, Кляпник, Незван, Рюма, Сарый, Текал, Уриень*; в десятье Нижнего Новгорода 1618 г. — *Блуд, Копыря, Шигалей*; только в г. Кашине (1622) — *Голочел*; только в Боровске (1622) — *Медведь* и т. д.²⁸ Не совпадает и степень употребительности имен. В первом десятке наиболее употребительных некалендарных имен г. Воронежа в XVII в. находились: *Бориско, Богдан, Любимко, Владимирко, Милован, Первушка, Третьяк, Ждан, Истома, Худяк*, в г. Муроме их состав и частотность (ранг) иные: *Богдан (Богдашко), Дружина (Дружинка), Милюта (Милютка), Потешко, Томилко, Посник (Посничко), Баженко, Безсонко, Первушка, Девятка*²⁹.

Об угасании некалендарных имен и темпах этого процесса в XVII в. красноречиво говорят сведения по Воронежу: в 1629 г. эти имена составляли еще 14% всех используе-

²⁸ Заказчикова Т. А. К изучению географии неканонических имен в XVI—XVII веках. — В кн.: Русская ономастика. Республиканский сборник. Рязань, 1977, с. 41 и след.

²⁹ Тагунова В. И. Указ. соч., с. 35.

мых имен, а в 1696 г. — лишь около 5% (данные Н. К. Фролова).

К концу XVII в. 90—95% имен — канонические. Каков их состав? Частотность? Какой облик они приобрели к этому времени? Ответим на эти вопросы, опираясь на анализ такого массового по охвату различных территорий источника, как десятни.

Самыми частыми мужскими именами были: *Иван, Федор, Василий, Григорий, Петр, Андрей, Семен, Степан, Михаил, Никита*³⁰. Частота их употребления в известной мере «программировалась» святыми. Вместе с тем следует отметить, что такие частые в святцах имена, как *Александр, Гавриил, Давид, Лука, Савва* и некоторые другие, имели относительно небольшое число носителей. Еще реже из рекомендуемых месяцесловами-святцами употреблялись имена: *Аввакум, Авраам, Вавила, Гурий, Дорофей, Евтихий, Иоаким, Марк, Моисей, Парамон, Пимен*, а также многие другие.

Православный месяцеслов действовал как высоко авторитетный канон. Казалось бы, это обстоятельство должно было обеспечивать сходную употребительность имен на разных территориях страны. Между тем факты показывают наличие как сходства, так и заметного различия в именных списках разных мест. Широкою географию распространения, судя по данным десятен, имели имена: *Иван, Федор, Василий, Григорий, Андрей, Семен, Петр, Никита, Степан, Михаил, Яков, Данило, Илья, Алексей, Афанасий, Тимофей, Дмитрий, Юрий, Николай, Борис, Матвей, Леонтий, Гаврила, Осип, Кузьма, Максим, Сергей* (они, в частности, встретились во всех тверских десятнях 1622 г. и десятнях многих других городов). Однако степень употребительности (популярности) этих имен была не везде одинаковой. Так, в г. Атемаре Пензенского края (десятиа — 1669—1670 гг.) и г. Торжке (близ Твери) из 10 самых частых имен 8 было общих, но их места в пределах десятка совпали лишь у трех имен: *Иван* — 1-е место, *Федор* — 2-е и *Степан* — 7-е;

³⁰ С. И. Зинин приводит несколько иной перечень популярных имен в городах России XVII в.: *Иван, Алексей, Василий, Григорий, Никита, Андрей, Петр, Степан, Федор*. См.: Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию..., с. 76. См. также данные Н. К. Фролова по г. Воронежу за 1673 г.: *Иван* — 279 человек из 2473 поименованных, *Федор* — 160, *Василий* — 88, *Григорий* — 80, *Семен* — 78, *Яков* — 60, *Михаил* — 54, *Степан* — 39, *Андрей* — 38, *Никифор* — 34.

другие имена имеют расхождение: *Григорий* — соответственно 3-е и 9-е места, *Андрей* — 4-е и 5-е, *Василий* — 5-е и 4-е; имена *Борис* и *Петр* в Торжке вообще оказались за пределами первого десятка. Естественно, были имена и менее широкой распространенности. Например, только в десятке по г. Кашину встретились имена: *Аверкий*, *Авдаким*, *Июда*, *Карп*, *Константин*, *Ларивон*, *Лука*, *Лукьян*, *Миня*, *Парфений*, *Полухт*, *Самсон*, *Спиридон*, *Тит*, *Трифон*, *Фрол*, только в Твери — *Артемий*, *Левка*, *Протасей* (такие «локальные» списки можно бы назвать и для других городов Тверского края).

Обращает на себя внимание большая вариативность календарных имен — словообразовательная, морфологическая, фонетическая. В одном контексте можно встретить такие формы, как *Дмитрий*, *Дмитрей*, *Дмитрейко*, *Дмитрик*, *Демка*, *Митя*, *Митька*, *Митяй* и др., *Петр*, *Петрок*, *Петрош*, *Петрушка*, *Петка* и др., *Иаков*, *Яков*, *Якав*, *Яковец*, *Якош*, *Якуш*, *Якушка*, *Яшка*. Словообразовательное богатство календарных имен во многом обязано активным словообразовательным способам, типам, моделям и конкретным образцам исконно русских имен.

Однако пробивает себе дорогу такая категория, как официальность-неофициальность антропонима, и она не проходит мимо личного имени. Уже в конце XVII в. на официальную форму претендует церковно-каноническая, а также одна из близких к ней народных форм. Замечается дифференциация по этой линии и некоторых словообразовательных вариантов. Так, формы *Иван*, *Ивашко* воспринимались как более принятые в документах, а *Иванко*, *Иванец*, *Иванис*, *Иванта*, *Ваня* и другие — как «менее документальные»³¹, поэтому от них как от «полуимен» постепенно отказывались составители официальных бумаг. Показателен такой факт. В дозорной книге 1615 г. по Воронежу указано 1013 человек с христианскими именами, из них только 64 названы полными именами (38 имен), а в аналогичном описании того же города 1673 г. 2120 человек из 2473 названы 403 полными именами (всего имен 423). Так формируется официальная номенклатура для социально-правового выделения индивидуума.

³¹ Закащикова Т. А. Русская антропонимия XVI—XVII вв. (На материале памятников деловой письменности.) Автореферат канд. дис. М., 1979, с. 16—17.

Широко представлены в XIV—XVII вв. двучленные именованья, включавшие: а) имя плюс собственно отчество (оно образовывалось тем или иным суффиксом от христианских имен: *Ярославль*, *Ярославль*, *Ярославов*, *Ярославович*, *Кузьмич*, *Фомич*, *Андреевич*, *Ярославна*, *Кузьминична*, *Андреевна* и под.); б) имя плюс прозвищное отчество, или полуотчество (оно образовывалось от некалендарных русских имен: ...*Третьяков сын*, *Замятин сын*, *Третьяков*, *Замятин*). Поскольку в качестве имени в этот период выступали как календарные, так и некалендарные имена, а в качестве второго компонента — различные патронимические, прозвищные, семейные прозвания, образуемые от календарных и некалендарных антропонимов и функционально подобных им слов, то двухкомпонентные обозначения человека показывались весьма разнообразными по структуре. Н. К. Фролов только в дозорной книге 1615 г. по Воронежу выделил 15 видов таких структур:

1. Личное имя христианское (далее ЛИ хр.) + отчество (О) или семейное прозвание (СП) от хр. имени на -ов, -ин: *Андрюшка Петин*, *Васка Агеев* (от 9% до 65% в зависимости от сословия).
2. ЛИ хр. + О или СП от нехр. имени: *Гаврило Дьяков*, *Ивашко Коньшин* (от 22% до 59%).
3. ЛИ хр. + СП на -ово(-ого): *Терех Бородатого*, *Никонко Слепово* (2%).
4. ЛИ хр. + прозвище (П) на -ой: *Осипка Толстоногой*, *Тренка Картавой* (2—5%).
5. ЛИ хр. + П: *Ивашко Борбоша*, *Иванко Болдырь*, *Родинко Шелудяк* (2—15%).
6. ЛИ хр. + оттопонимное (Т) имя на -ской, -ой: *Трофимко Брянской*, *Мосейко Завражной* (2%).
7. ЛИ хр. + Т на -анин, -енин, -ец, -итин: *Минка Торусенин*, *Кирюшко Пустотинец*, *Ивашко Коломнетин* (2—10%).
8. ЛИ нехр. + Т на -енин, -як: *Ненашко Ряшенин*, *Нежданко Мещеряк* (1%).
9. ЛИ нехр. + Т на -ской, -цкой: *Вторушко Быковской*, *Худячко Добросоцкой* (1%).
10. ЛИ нехр. + СП от Т: *Томилко Угличининов*, *Нелюбко Рязанцев* (1—2%).
11. ЛИ нехр. + СП от хр. имени на -ов, -ин: *Несветайко Алексеев*, *Куча Минин* (2—7%).

12. ЛИ нехр.+ СП от нехр. имени: *Богдан Последов, Помет Тупакин* (3—18%).

13. ЛИ нехр.+ П на -ой: *Найденко Рябой, Путилко Вислоухой* (2%).

14. ЛИ хр.+ П от названия профессии, занятия: *Петрушка Солодовник, Сава Седельник* (2—30%).

15. ЛИ нехр.+ П от названия занятия: *Томилко Котельник, Третьячко Чеботарь* (1%).

Входили в употребление, особенно в XVII в., и трехчленные структуры. Они были еще разнообразнее, чем двучленные. Трехчленные, а также двучленные антропонимические обозначения в ходе длительного и многократного апробирования выделили из себя наиболее простые и информативные, дав начало такой категории, как фамилия.

Вопрос о времени возникновения фамилий, их признаках (обязателен ли такой признак для фамилии, как ее наследование?), методика определения фамилий, в частности отграничения их от внешне сходных с ними отчеств и дедичеств (названий по деду), ~~один из сложнейших~~ в русской ономастике. Им занимались Н. М. Тупиков, А. М. Селищев, В. К. Чичагов, В. А. Никонов и ряд других ученых. В пределах выделенного нами второго периода в истории русской антропонимии фамилии сформировались, как уже было сказано ранее, у князей, бояр и дворян, а у остальных сословий они либо отсутствовали вовсе, либо только зарождались. В. А. Никонов в статье «До фамилий» пишет: «Фамилии дворян в России сложились относительно быстро с первой половины XVI по вторую половину XVII в., когда дворянство уже господствовало экономически и политически (по переписи 1678 г. 57% всех крестьянских дворов в стране принадлежали дворянам). К началу XVIII в. у всех помещиков уже есть фамилии. В большинстве они образованы от отчества, в основе которых — имя отца, церковное или нецерковное: наряду с *Васильевыми, Ивашевыми — Третьяковыми, Барановыми*. Среди них редки фамилии по названиям владений (частые, например, у польской шляхты). Духовенство еще и в середине XVIII в. почти не имело фамилий... У купцов фамилии начали возникать еще в XVI в., но только у крупнейших»³².

Итак, к XVIII в. русская антропонимия подошла с более или менее определенным и устойчивым фондом употре-

бительных канонических имен, богатой системой их словообразования, сложившейся трехчленной формулой именования, которая, однако, еще не была официальной и общей для всех классов и слоев русского общества.

3. Период с начала XVIII в. до 1917 г.

Значительные перемены в русской антропонимии как социально-языковой и юридической категории происходят в XVIII в. Ее регламентацией стала заниматься государственная власть в ее высшей инстанции. В 1701 г. Петр I специальным указом запретил в документах употребление «полуимен»: «На Москве и в городах Царевичам и Боярам и Окольничим и Думным и Ближним и всех чинов людям Боярским и крестьянам к Великому Государю в челобитных и в отписках и в приказных и домовых во всяких письмах Генваря с 1 числа 702 года писаться целыми именами с прозваниями а полуименами никому не писаться»³³.

Однако соблюдение этого указа не было последовательным: в отдельных случаях еще допускались в деловые бумаги полуимена вроде *Емелька, Ванька, Никитка*. Более того, отмечаются факты употребления в функции личного антропонима даже нехристианских имен (например, в синодиках, которые, как известно, велись церковью, названы роды: *попа Худобы, Постника Лопатина, Богдана Серебрянаго, Истома Стародубца, Третьяка Лаврентьева сына* (Муром, 1713 г.), *Постник Лодыгин, Любим Немцов, Смирной Отрепьев, Замятня Хонин* (Кострома, 1765 г.)³⁴. И хотя единичное использование неканонических имен еще пройдет по всему XVIII и даже XIX в. (см. в «Русской родословной книге» записи: *Воин (Доримедонт) Васильевич — 1742 г.*, его дети: *Василий Воинович — 1796 г.*, *Павел Воинович — 1800 г.*, *Анастасия Воиновна — 1789 г.*), все же в этот период мирские имена уже сошли со сцены, оставив о себе память как в ранее созданных фамильных прозваниях патронимического происхождения, так и в возникавших на протяжении всего XVIII и XIX вв. фамилиях горожан и крестьян. Что касается собственно прозвищ, то они не вышли из обихода с исчезновением неканонических имен и, как известно, функционируют и возникают в наше время.

³³ Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830—1834, т. 1—45, с. 181.

³⁴ См. Тагунова В. И., Указ, соч., с. 36.

³² Никонов В. А. Имя и общество, с. 168—169.

Победа церковного именователя и юридическая регламентация форм имен («полуименами никому не писаться») создавали впечатление, что с XVIII в. в России установился единый для всех сословий именовщик, который, будучи строго регламентированным церковью, практически не развивается. Между тем, как доказал В. А. Никонов, «с окончательным вытеснением нецерковных имен к концу XVII в.... история личных имен в России не прекратилась, в ней продолжалась борьба, опосредованно отражая социальные процессы»³⁵. Изучением именовщика XVIII и XIX вв. начали заниматься лишь недавно, поэтому к настоящему времени проанализирован небольшой материал, относящийся в основном к европейской части России (В. А. Никонов, В. И. Тагунова, Л. М. Шетинин, С. И. Зинин и др.). Познакомимся с составом имен, используемых в XVIII, а также в XIX и начале XX в., статистической организацией мужского и женского именовщиков, его социальной и стилистической дифференциацией, особенностями изменения.

Для того чтобы представить антропонимию (именник) различных синхронных срезов и особенно ее динамику, нужны сплошные обследования за длительное время в пределах одной территории или населенного пункта. Но найти город, по которому бы имелись метрические записи из года в год, почти невозможно. Приходится брать город, который хотя бы приближался в этом отношении к идеалу и, кроме того, отвечал другим требованиям — был типичным по составу населения, географическому положению, своему историческому и культурному развитию. Таким, по нашему мнению, является Пенза, возникшая в 1663 г. и разделившая судьбу многих русских городов европейской части России. Антропонимию Пензы мы и берем для «лабораторного» исследования. Этот город удобен еще и тем, что по нему сохранилась «Строельная книга», составленная в 1665 г., в которой широко представлена антропонимия (имена, прозвания по отцу, фамилии) первых жителей города. В частности, здесь зафиксировано около 200 мужских имен (на 2164 человека); подавляющее большинство их — канонические имена, известные и по другим территориям страны: *Абакумко, Авдокимка, Авдюшка, Аверкейка, Агапка, Агафонка, Адамка, Акимка, Акишка, Аксенька, Александр, Алексей, Алферка, Алфимка, Амелка (Емелька), Андрей,*

Андронка, Андрюшка, Анофрей, Антипка, Антропка, Анцыфорка, Архипка, Афонасий и т. д. Многие из этих имен, правда, записанные в полной форме, видим у детей и внуков первопоселенцев города — в книгах Пензенской духовной консистории 1758—1760 гг., 1761—1768 гг. и других лет.

Вот материал сплошных выборок имен с 1761 по 1768 г.

За указанные 8 лет детей мужского пола записано 740, разных имен у них — 90. Приведем их с указанием числа и (через тире) процента носителей: *Авдей* 1 — 0,135, *Аган* 1 — 0,135, *Агафон* 1 — 0,135, *Александр* 20 — 2,702, *Алексей* 27 — 3,648, *Андрей* 32 — 4,324, *Антип* 1 — 0,135, *Антон* 2 — 0,270, *Арсентий* 1 — 0,135, *Афанасий* 9 — 1,216, *Борис* 4 — 0,540, *Василий* 50 — 6,756, *Виктор* 1 — 0,135, *Гаврила* 16 — 2,162, *Герасим* 2 — 0,270, *Георгий* 1 — 0,135, *Григорий* 30 — 4,054, *Гурий* 1 — 0,135, *Данила* 2 — 0,270, *Дементий* 2 — 0,270, *Деонисий* 1 — 0,135, *Димитрий* 16 — 2,162, *Дормидонт* 1 — 0,135, *Евграф* 2 — 0,270, *Евстафий* 1 — 0,135, *Елисей* 2 — 0,270, *Емельян* 2 — 0,270, *Егор* 17 — 2,297, *Еремей* 1 — 0,135, *Ермолай* 1 — 0,135, *Ефим* 7 — 0,945, *Ефрем* 2 — 0,270, *Евсей* 1 — 0,135, *Захар* 3 — 0,405, *Иван* 122 — 16,486, *Игнатий* 5 — 0,675, *Илья* 5 — 0,675, *Иуда* 1 — 0,135, *Иосиф* 1 — 0,135, *Исайя* 1 — 0,135, *Карп* 1 — 0,135, *Кондратий* 3 — 0,405, *Кирилл* 3 — 0,405, *Козьма* 12 — 1,621, *Лаврентий* 1 — 0,135, *Лев* 5 — 0,675, *Лука* 3 — 0,405, *Лукьян* 3 — 0,405, *Матвей* 15 — 2,027, *Мина* 1 — 0,135, *Миней* 1 — 0,135, *Мирон* 1 — 0,135, *Митрофан* 2 — 0,270, *Михаил* 31 — 4,189, *Максим* 3 — 0,405, *Мефодий* 1 — 0,135, *Назар* 1 — 0,135, *Наум* 1 — 0,135, *Никита* 11 — 1,486, *Никифор* 5 — 0,675, *Николай* 30 — 4,054, *Осип* 1 — 0,135, *Павел* 6 — 0,810, *Панфил* 2 — 0,270, *Петр* 54 — 7,297, *Платон* 1 — 0,135, *Порфирий* 2 — 0,270, *Прокофий* 2 — 0,270, *Сева* 1 — 0,135, *Семен* 19 — 2,567, *Сила* 1 — 0,135, *Самсон* 1 — 0,135, *Сергей* 18 — 2,432, *Сидор* 1 — 0,135, *Степан (Стефан)* 30 — 4,054, *Терентий* 1 — 0,135, *Тимофей* 8 — 1,081, *Тихон* 3 — 0,405, *Трофим* 2 — 0,270, *Увар* 1 — 0,135, *Февраль* 1 — 0,135, *Федор* 26 — 3,513, *Федот* 8 — 1,081, *Филипп* 4 — 0,540, *Финоген* 1 — 0,135, *Фома* 4 — 0,540, *Фрол* 3 — 0,405, *Флор* 1 — 0,135, *Яков* 11 — 1,486, *Ян* 1 — 0,135.

Делением числа именователей (740 чел.) на количество имен (90) получаем средний коэффициент одноименности (СКО), он равен 8 чел. Имена с числом носителей 8 и более

³⁵ Никонов В. А. Имя и общество, с. 43.

относим к частым именам. Их оказалось 23, они обслуживали в этом восьмилетии 612 чел., что составляет 82,7% всех новорожденных. Среди частых выделяем первую пятерку самых популярных имен: *Иван, Петр, Василий, Андрей, Михаил* — она обслуживает 289 чел. (39,0% имяносителей) и вторую пятерку: *Григорий, Николай, Степан, Алексей, Федор* — 143 чел., 19,3%. Десяток наиболее частых имен (две первые пятерки) в 1761—1768 гг. обслуживал 432 мальчика, что составляло 58,3% имяносителей. Остальные 13 имен из числа частых: *Александр, Семен, Сергей, Егор, Гаврила, Димитрий, Матвей, Козьма, Никита, Яков, Афанасий, Тимофей, Федот* — обслуживали 180 чел., или 24,3%.

На 627 девочек 1761—1770 гг. рождения использовано 53 имени. Приведем их: *Агафья* 15 — 2,392, *Аглая* 1 — 0,159, *Аграфена* 4 — 0,637, *Агриппина* 14 — 2,232, *Акулина* 20 — 3,189, *Александра* 8 — 1,275, *Анна* 46 — 7,336, *Анисья* 10 — 1,594, *Афимия* 5 — 0,797, *Варвара* 19 — 3,030, *Василиса* 3 — 0,478, *Васса* 8 — 1,127, *Вера* 4 — 0,637, *Дарья* 22 — 3,508, *Домна* 6 — 0,956, *Евдокия (Авдотья)* 52 — 8,293, *Ева* 1 — 0,159, *Екатерина* 24 — 3,827, *Елена* 9 — 1,435, *Елизавета* 1 — 0,159, *Ефимия* 6 — 0,956, *Ефросинья* 2 — 0,318, *Зиновия (?)* 1 — 0,159, *Ирина* 24 — 3,827, *Лукерья* 3 — 0,478, *Мавра* 11 — 1,754, *Манефа* 1 — 0,159, *Марина* 11 — 1,754, *Марья* 40 — 6,379, *Марфа* 23 — 3,668, *Матрена* 23 — 3,668, *Меланья* 4 — 0,637, *Надежда* 6 — 0,956, *Настасья* 6 — 0,956, *Наталья* 20 — 3,189, *Ненила* 4 — 0,637, *Ольга* 2 — 0,318, *Пелагея* 29 — 4,625, *Параскева (Праскева, Прасковья)* 36 — 5,741, *Соломонида* 1 — 0,159, *Софья* 3 — 0,478, *Степанида (Стефанида)* 19 — 3,030, *Серафима* 1 — 0,159, *Татьяна* 22 — 3,508, *Ульяна* 8 — 1,275, *Устинья* 17 — 2,711, *Февронья* 3 — 0,478, *Федора* 2 — 0,318, *Федосья* 7 — 1,116, *Фекла* 14 — 2,232, *Феня* 1 — 0,159, *Феоктиста* 1 — 0,159, *Фетинья (так)* 1 — 0,159.

В числе частых (с коэффициентом 12 и выше) оказалось 19 женских имен, они были у 474 девочек (75,6% имяносителей). Пятерку самых модных имен составили: *Евдокия, Анна, Марья, Прасковья, Пелагея* — 203 чел., 32,4%; следующую пятерку: *Матрена, Екатерина, Ирина, Марфа, Дарья* — 119 чел., 18,9%; весь первый десяток — 322 чел., 51,3%. За его пределами, но в числе частых заняли места: *Татьяна, Акулина, Наталья, Варвара, Устинья, Агафья, Степанида, Агриппина, Фекла* — 156 чел., 24,9%.

Женский именник заметно уступает мужскому в количестве имен. И такое положение характерно для него в течение всего третьего периода, вплоть до первых десятилетий советского времени. Что касается характера организации его статистической структуры (соотношения частых и редких имен, «наполнения» частых имен, их первого десятка и первых пятерок), то отличий между мужской и женской подсистемами именника почти не наблюдается. Правда, по концентрации имяносителей мужские пятерки самых популярных имен несколько превосходят соответствующие женские (ср.: 39,0% и 32,4%, 19,3% и 18,9%), несколько выше у мужских частых имен получился и общий процент имяносителей (ср.: 82,7% и 75,6%).

Три десятилетия спустя, в 90-е годы XVIII столетия, в Пензе находим именник, отличающийся от рассмотренного у мужчин и у женщин примерно на 25%. Уже этот факт рассеивает миф о стабильности церковного именника. Еще более подвижен конкретный набор антропонимов. Так, в 1791—1800 гг. встретились такие «новые» имена, отсутствовавшие в 1761—1770 гг., как *Аким, Ананий, Андреян, Аника, Аникий, Аристар (Аристарх), Варфоломей, Владимир, Всеволод, Евдоким, Евсей, Ермил, Капитон, Константин, Лавр, Ларион, Леонтий, Макарий, Марк, Маркел, Мартириан, Никон, Пахом, Пимен, Прохор, Ростислав, Севастьян, Сильверст, Силантий, Устим; Агата, Агния, Алимпиада, Глафира, Гликерья, Евлампия, Иованна, Клавдия, Ксения, Лидия, Любовь, Хионья, Хрустинья*. Причем немало имен зафиксировано не в церковно-канонической, а в народной форме: *Денис, Дмитрий, Корнилей, Прокопий, Валя* и др. Обращает на себя внимание использование, хотя и очень робкое, старых славянских и русских имен: *Владимир, Всеволод, Ростислав, Любовь*. Естественно, что в 90-е годы не были взяты для наречения пензенских мальчиков и девочек некоторые из имен 60-х годов: *Авдей, Агап, Агафон, Антип, Гурий, Дементий, Евстратий, Елисей, Емельян, Ефрем, Захар, Исайся, Иуда, Лаврентий, Лев, Лука, Лукьян, Мефодий, Миней, Мирон, Наум, Панфил, Платон, Самсон, Сидор, Сила, Трофим; Ева, Ефимия, Манефа, Соломонида, Февронья* и др. Полного совпадения в репертуаре имен ни по годам, ни по десятилетиям обычно не бывает.

Сравнительный анализ состава и употребительности антропонимов, проведенный В. А. Никоновым на материале

женских имен XVIII в., показал несостоятельность культивированного пропагандой тезиса о равенстве всех людей перед церковными законами. Вскрыта антропонимическая неоднородность, корни которой в неравенстве социальном. «Одними и теми же именами пользуются преимущественно крестьянки и пренебрегают дворянки — *Василиса, Мавра, Федосья, Фекла*; другие — в почете у дворянок и неупотребительны у крестьянок — *Александра, Елизавета, Ольга, Екатерина*... Именник купчих... промежуточен между именниками дворянок и крестьянок... Частотности большинства имен располагаются в таком порядке: дворянки — московские купчихи — коломенские купчихи — крестьянки. Частые у крестьянок имена *Марфа, Меланья, Неонила*, не принятые дворянками, редки у купчих Москвы, но купчихи Коломны еще не прониклись барским презрением к этим именам»³⁶.

В первое десятилетие XIX в. в Пензе 1015 мальчикам дано 111 имен, 942 девочкам — 69. Частых мужских было 21 имя: *Иван, Василий, Николай, Петр, Михаил, Алексей, Степан, Андрей, Федор, Александр, Дмитрий, Яков, Павел, Григорий, Сергей, Семен, Никита, Козма, Ефим, Илья, Матвей*; ими названо 79% новорожденных. Частых женских имен — 23: *Мария, Евдокия, Анна, Прасковья, Екатерина, Матрена, Пелагея, Варвара, Елизавета, Александра, Татьяна, Елена, Настасья, Ирина, Ксения, Агриппина, Дарья, Марфа, Наталья, Ольга, Агафья, Феодосия, Степанида*; ими назвали 82% девочек. Десяток наиболее употребительных мужских имен приходился на 608 чел. (60%), женских — на 531 чел. (56%).

В 1811—1820 гг. отмечено некоторое расширение набора имен (у мужчин до 150, у женщин до 71), а также смещение в рангах имен при сохранении общей статистической структуры именника. Десяток мужских имен: *Иван, Петр, Василий, Николай, Федор, Алексей, Михаил, Андрей, Александр, Павел* — обслуживал 901 чел. (58,5%), женских: *Анна, Мария, Евдокия, Пелагея, Екатерина, Александра, Наталья, Матрена, Настасья, Дарья* — 698 чел., что составляло 49,5%.

В 1821—1830 гг. мужской именник возрастает до 250 единиц (а с вариантами типа *Егор* и *Егорий, Захар* и *Захарий* — до 258), женский — до 110 имен. Среди имен видим:

³⁶ Никонов В. А. Имя и общество, с. 52—53.

Борис, Владимир, Вячеслав, Ростислав; Людмила, Ольга, а также женское бывшее мужское — *Римма*. «Новыми» против имен новорожденных 1811—1820 гг. оказываются свыше сотни мужских и более 30 женских. Почти все они календарные: *Агафоний, Агапий, Агей, Аввакум, Авдей, Авраам, Автоном, Акакий, Аняний, Антип, Андроник, Арефий, Бенедикт, Вавила, Валерьян, Варфоломей, Виталий, Влас, Валентин, Вукол, Гермоген, Гурий, Галактион, Давид, Дорофей, Евлампий, Евсевий, Евстафий, Ермолай, Ерофей, Ефрем, Зотик, Игнат, Иуда, Каллистрат, Калинин, Карп, Киприан, Конон, Макар, Маркел, Мартин (Мартын), Мефодий, Нестер, Никандр, Никон, Нил, Онуфрий, Панфил, Панкратий, Платоний, Поликарп, Симон, Созонт, Флегонт, Фока, Юлий и др.; Антонина, Евлампия, Зиновия, Ираида, Капитолина, Клеопатра, Лариса, Лукья, Макрина, Манефа, Олимпиада, Соломония, Юлиания, Юстина и т. д.*

1831—1840 гг. дают сокращение именослова как для мужчин, так и для женщин. Но статистический облик именника сохраняется.

1841—1850 гг. показывают дальнейшее уменьшение репертуара имен (мужских — до 138, женских — до 84); концентрация именника остается почти на прежнем уровне.

Первое десятилетие второй половины XIX в. характеризовалось количественным увеличением антропонимических единиц: 6863 мальчикам в Пензе дано 192 имени, 6301 девочке — 99 имен. Статистический каркас именника не претерпел изменений. Продолжают давать, хотя и сдержанно, имена: *Борис* (2 чел.), *Вадим* (2), *Вячеслав* (1), *Всеволод* (3), *Глеб* (4), *Станислав* (1), один мальчик получает весьма редкое древнерусское имя *Горислав* (в 1855 г.); имя *Владимир* входит уже в группу частых (126 чел., 1,183%).

В женском ассортименте имен находим такие нечастые в прошлом имена, как *Антонина* (18 чел.), *Лариса* (2), *Людмила* (10), *Нина* (2), а также *Римма* (1). Заслуживает быть отмеченным имя *Втора* (1 чел. в 1854 г.). Имя *Ольга*, подобно *Владимиру*, становится частым (263 чел., 4,17%).

Необходимо сказать о разном в регистрации имен: многие из них почти как равноправные записываются и в церковно-канонической, и в народно-разговорной формах: *Адриан, Андриан, Андриян; Антоний и Антон; Даниил и Данил; Димитрий и Дмитрий; Евфимий и Ефимий, Ефим; Иаков и Яков; Иоанн (Иоан) и Иван; Прокопий и*

Прокон; Акилина и Акулина; Анастасия и Настасия; Матрона и Матрена; Параскева и Праскева, Прасковья; Феодосия и Федосья. Для некоторых имен вообще не приводится церковная форма: Аким, Яким (вместо Иаким) и др. Эта тенденция не нова. Показательно, что она не ослабевает, а даже усиливается, несмотря на официальное господство церковно-канонического имени.

Особый научный интерес представляет развитие русской антропонимии в конце XIX — начале XX в.³⁷ К сожалению, этот ее этап остается наименее изученным. Между тем без знания заключительной стадии «христианского» периода русского имени нельзя по-настоящему разобраться в ономастических процессах советского периода и, в частности, дать содержательную характеристику имени наших дней. Исследование антропонимии последних десятилетий XIX в. и предреволюционных лет XX в. принципиально важно и в методологическом отношении: доступный и обычно систематически представленный материал этого времени позволяет апробировать и отработать методы и процедуры анализа, которые затем можно будет перенести на другие периоды. Рассмотрим антропонимию города Пензы двух последних десятилетий XIX в. и первых лет XX в.

Пенза столетие назад была небольшим провинциальным городом: в 1870 г. здесь проживало 34 380 чел., в 1897 г. — 59 981 чел., в 1920 г. — немногим более 85 тыс. человек. В крупный экономический и культурный центр город превратился лишь в советские годы.

Сосредоточим внимание на репертуаре и годовых наборах имен, на количестве и составе частых имен, на устойчивом и неустойчивом фонде имен, на степени надежности различных выборок (годовых, десятилетних и т. д.)³⁸.

1. Годовой набор имен. Объем именика как мы уже видели, — величина непостоянная. В одни периоды

³⁷ Подробнее об этом см.: Бондалетов В. Д. К изучению русской антропонимии XIX в. — В сб.: Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971.

³⁸ Бондалетов В. Д. К изучению русской антропонимии XIX в. — В сб.: Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971, с. 13—18; Он же. Женские личные имена в конце XIX в. — В сб.: Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973, с. 118—125; Он же: Изучение ономастической лексики методами лингвистической географии и лингвостилистики. — В сб.: Actes du XIe congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 1974, pp. 161-168.

он уже, в другие шире. Разумеется, в известной мере это зависит от количества новорожденных: чем больше их, тем обычно богаче именик, и, наоборот, чем меньше детей надо назвать, тем меньше требуется имен. Однако эта закономерность действует далеко не всегда (в частности, она теряет силу из-за возрастания одноименности при увеличении числа новорожденных), и еще никому не удалось найти формулу, которая удовлетворительно отражала бы зависимость объема именика от количества носителей (или новорожденных). Таблица 6 дает представление о годовом наборе мужских и женских имен в г. Пензе за период с 1882 по 1892 г.

Таблица 6

Год	Количество родившихся			Имена		
	муж. пола	жен. пола	всего	мужские	женские	всего
1882	1099	891	1990	73	57	130
1883	1061	952	2013	57	64	121
1884	1050	932	1982	56	56	112
1885	1238	1114	2352	62	54	116
1886	1120	1129	2249	56	49	105
1887	1169	849	2018	73	56	129
1888	1201	1040	2241	64	58	122
1889	927	971	1798	47	56	103
1890	1198	1015	2213	63	57	120
1891	1253	886	2136	65	51	116
1892	1080	933	2013	68	58	126

Нетрудно видеть амплитуду колебания мужского именика (от 47 до 73 имен в год) и именика женского (от 49 до 64 имен) — она почти одинакова. В отдельные годы богаче оказывался набор мужских имен (1882, 1885, 1886, 1887, 1888, 1890, 1891 и 1892 гг.), чем женских, хотя разрыв между ними был незначительным.

2. Общий объем именика и репертуар имен в отдельные годы. С 1882 по 1892 г. 12 926 мальчикам было дано 154 разных имени, а 10 262 девочкам — 97 имен. Из приведенной таблицы 6 видно, что ежегодно, как правило, реализуется немногим более поло-

вины женских имен и менее половины мужских (из репертуара 11-ти лет). Так, в 1882 г. пензенские мальчики получили максимум имен (73), а в 1889 г. — минимум (47). Среднее количество имен, даваемых за год, для мальчиков составляло 62, для девочек — 56.

Часть имен «проходит» по всем годам (с 1882 по 1892 г. таких было 26 имен: *Александр, Алексей, Андрей, Борис, Василий, Виктор, Владимир, Гавриил, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Илья, Иосиф, Константин, Максим, Матвей, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Федор, Яков*), а часть имеет прерывистое и даже разовое употребление. Так, только в 1882 г., без повторения в пределах рассматриваемого 11-летия, использованы имена: *Авраам, Агафангел, Антонин, Вильгельм, Вукол, Гордей, Илгодар, Иродион, Конон, Меркурий, Поликарп, Станислав, Феофан* (13 имен); только в 1883 г.: *Илларион, Капитон, Моисей, Феокист, Юрий* (5 имен). Всего неповторяющихся мужских имен за 11 лет 64, а женских 19: *Аглайда, Галя, Клеопатра, Федора* и др. Подавляющая масса их и в последующие периоды не привлекала внимания родителей. Только 2 имени (*Игорь* и *Юрий*) попадут позднее в число любимых: в 20—50-е гг. — *Юрий*, а в 50—60-е гг. — *Игорь*.

Не меньший список составляют имена, используемые спорадически. Так, в 2 годах из 11 встретились: *Артемий, Архип, Давид, Дороеф, Иннокентий, Исаакий, Лавр, Лука, Маркел, Назар, Никон, Платон, Прокофий* (13 имен); в 3 годах: *Аким, Виталий, Всеволод, Емельян, Зиновий, Святослав, Терентий, Федот, Фрол, Яким* (10 имен); в 4 годах: *Адриан, Герман, Егор, Ефрем, Захар, Лаврентий, Никифор, Пантелеймон, Трофим* (9 имен). И т. д. В целом же перечень имен прерывистого и разового употребления превышает число устойчивых имен (устойчивых мужских имен оказалось лишь 17%—26).

3. Статистическая структура именника. Имена частые и редкие. В 1882 г. частых мужских имен в Пензе было 18, в 1883 г. — 15, в 1884 г. — 13, в 1885 г. — 16 и т. д. Редких имен в эти годы соответственно 55, 42, 43, 46. Частых имен в среднем оказывается менее 1/4 части годового репертуара, однако они обслуживают от 75 до 90% родившихся.

Однако и среди частых имен, как известно, есть более популярные и менее популярные. Так, в 1882 г. на долю

первой пятерки пришлось 495 чел. (более 45%), а на первый десяток популярных имен — 752 чел. (свыше 68%).

Особенно показательны обобщенные данные (за 11 лет). С 1882 по 1892 г. 5 самых ходовых имен (*Александр, Иван, Николай, Василий, Петр*) даны 44% носителей — 5329 чел., а 10 имен (*Александр, Иван* и др., а также *Михаил, Алексей, Павел, Сергей, Владимир*) — 64% носителей — 8139 чел. Сходные показатели видим и в последующее десятилетие.

Неоднородна и часть редких имен: одни из них приближаются к частым, другие (их всегда больше) обслуживают единичных носителей.

4. Устойчивый и неустойчивый фонд имен. Несмотря на общую стабильность статистической структуры именника, внутри его различных слоев происходят изменения, хотя и неодинаковые. Первая пятерка частых имен в XIX в. обновлялась очень медленно. Близка к ней и пятерка имен, примыкающая к первой, а также другие частые имена. В группе наиболее частых имен наблюдаются переходы из первой пятерки во вторую и обратно, из второй в первую.

За период с 1882 по 1892 г. частыми были: *Александр, Алексей, Андрей, Борис, Василий, Владимир, Георгий, Григорий, Дмитрий, Иван, Илья, Константин, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Федор, Яков* (21 имя), они даны 10 237 носителям, что составило 79,19% всех новорожденных мужского пола.

Этот же набор имен видим и среди популярных имен следующего 11-летия (в редкие перешли *Илья, Семен* и *Федор*, их место заняли *Анатолий, Виктор, Евгений*, бывшие ранее в группе малораспространенных имен), причем и здесь частые имена обслуживают высокий процент носителей — 90,10 (11 886 человек).

Большой подвижностью обладает часть именника, включающая редкие (экзотические) имена. Так, если сравнить репертуар имен 1882 г. с репертуаром 1892 г., то обнаруживаем: 1) имена, общие для этих лет: *Александр, Алексей, Андрей, Антон* и др. — всего 43; 2) имена, встретившиеся в 1882 г. и отсутствующие в 1892 г.: *Авраам, Агафангел, Антонин* и др. — всего 29 имен; 3) имена, отмеченные в 1892 г. и отсутствовавшие в репертуаре 1882 г.: *Анатолий, Валерий, Виталий* и др. — всего 21 имя. В сумме несов-

падающих имен оказывается 51, т. е. больше, чем имен сходных.

Несовпадающий фонд имен — отражение спорадичности использования значительной части именника, а также показатель «умирания» одних и «народнения» (включения в обиход) других имен.

Дореволюционный русский именник был не одинаковым в городе и деревне. Он различался как набором имен, так и их употребительностью. «У всего многомиллионного крестьянства на протяжении многих столетий преобладали Иван, Василий, женские — Авдотья (Евдокия), Анна. Развитие капитализма подточило и расшатало косный быт деревни, вызвав некоторые сдвиги и в ее антропонимии: на протяжении XIX в. возрастал процент имен Николай, Александр, Марья, сначала очень медленно, а затем быстрее. Еще и в начале XX в. крестьянский именник напоминал городской середины прошлого века — их разделяла дистанция длиной почти в столетие. И в начале нашего века — их разделяла дистанция длиной почти в столетие. И в начале нашего века среди крестьянок нередки Акулины, Меланьи, Феклы, немислимые в привилегированных слоях, а получившие преобладание в тех слоях Ольга и Елена не пользовались популярностью в деревне», — пишет В. А. Никонов³⁹. Тезис об отставании деревенского именника от городского не вызывает сомнений. Правильно указаны В. А. Никоновым и особенности крестьянского именника, в частности наличие в его составе имен вроде Акулина, Меланья, Фекла, рост популярности имен Николай, Александр, Марья и др. Однако «мера» отставания («почти в столетие»), видимо, все же преувеличена. Ученым еще предстоит измерить сходство и различие между именниками города и села в XIX и начале XX в. (для XVIII в. эта работа частично проделана В. А. Никоновым, С. И. Зининым) и темпы изменения их в различные исторические периоды. Эта задача входит в более широкую проблему изучения социальной дифференциации именника и антропонимической системы в целом в синхронном и диахроническом аспектах.

В XVIII—XX вв. значительные преобразования наблюдались не только в именах, но и в отчествах и фамилиях, а также в самих формулах именовании. В этот период окончательно складывается и закрепляется трехчленная струк-

тура именовании (фамилия, имя, отчество), определяются социально-информативные функции каждого из ее компонентов, формируется арсенал структурных типов и словообразовательных моделей русских фамилий (отбирается фонд активных фамильных суффиксов: -ов (-ев), -ин, -ской (-ский), -ой, -ово (-ево), -ых), стабилизируются словообразовательные средства отчеств (суффиксы -ов (-ев), -ин, -ич, а также составной суффикс -ович (-евич), возникший из -ов и -ич)⁴⁰. Однако конкретные формы и условия реализации компонентов трехчленной формулы не были одинаковыми. Так, отчества на -ов (-ев) и -ин в официальных бумагах употреблялись со словами сын, дочь, дети. Причем раньше эти дополнительные слова, входящие в модель именовании, относились к форме отчества (Иван Васильев сын, Квасоваров), а в XIX в. их относили уже к фамилии, которая к этому времени уже вполне сформировалась (Иван Васильев, сын Квасоваров). А. М. Селищев эту трансформацию разъяснял так: «Передача отчества посредством сочетания «сын» с прилагательным от имени отца приобрела при посредстве московских приказных канцелярий официальное значение. В канцелярской практике такая передача отчества держится долго и в XIX веке. При этом «сын» относился уже не к предшествующему прилагательному, образованному от имени отца, а к следующей фамильной форме, получившейся из отчества или из прозвища. Так, например, в XV—XVII веках сочетание Гаврило Петров сын Ушаков произносили таким образом: Гаврило П е т р о в с ы н Ушаков. В XIX веке: Гаврило Петров с ы н Ушаков. Отчества на -ов, -ев в XIX и начале XX века сохраняли официальный, приказный тон. Иван Петров — это совсем не то, что Иван Петрович или только Петрович»⁴¹.

Еще более существенными были социально-функциональные новшества — распространение трехчленной формулы на именовании женщин (в XVII в. и начале XVIII в. наблюдался значительный разрыв в развернутых формулах их названия⁴²), распространение фамилии, а вместе с нею и всей трехкомпонентной структуры именовании среди крестьян и других «не офамиленных» до середины

³⁹ Никонов В. А. Имя и общество, с. 66.

⁴⁰ См.: Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию, с. 151—157; Симина Г. Я. История отчеств. — В сб.: Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973, с. 177—182.

⁴¹ Селищев А. М. Избранные труды, с. 102.

⁴² См.: Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию, с. 34.

XIX в. слоев общества (этот процесс сопровождался массовым созданием фамилий), складывание функционально-стилистических норм в употреблении как разных по структуре и стилистическому содержанию формул именования (однословная — только фамилия, только имя, только отчество; двусловная — фамилия и имя, имя и фамилия, имя и отчество; трехсловная — фамилия, имя и отчество, имя, отчество и фамилия), так и вариантов их компонентов (официальное и неофициальное имя: *Петр — Петя, Петенька, Петруша, Петрушка, Петька, Петяй; Екатерина — Катюша, Катенька* и др.; разные формы образования и произношения отчеств: *Иван Петров* и *Иван Петрович; Александр Данилович* и ...*Данилыч*).

Вопросы именования человека в России в национальный период ее развития переросли официально-канцелярские рамки и приобрели идейно-политический характер, о чем свидетельствует борьба русских революционных демократов и прогрессивной общественности против антропонимического неравенства, являвшегося продолжением и отражением неравенства социального. Общеизвестно гневное обличение В. Г. Белинским антропонимического унижения крестьян крепостнической России — «страны, где люди торгуют людьми, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками*»⁴³.

В XVIII—XX вв. ономастическая система пополняется новой единицей — псевдонимом, получившим широкое применение в общественной жизни и литературе, особенно среди таких социально-профессиональных групп, как писатели, политики, журналисты, артисты, художники, ученые (псевдонимы литературные, политические, сценические). Причин появления псевдонимов много. Одна из них — конспиративная в условиях цензурного и политического гнета, социального бесправия и угнетения. В «Современнике» и «Отечественных записках» — самых передовых жуналах XIX столетия — под псевдонимами выступали Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский, Л. Н. Толстой, П. В. Анненков, Н. К. Михайловский и др. Особенно широко использовались псев-

донимы в третий период революционно-демократического движения в России. Они укрывали от царской охранки социал-демократов и большевиков, прогрессивных писателей и общественных деятелей.

Псевдонимами подписывал свои произведения В. И. Ленин. В указателе псевдонимов Ленина их содержится 146⁴⁴. Самыми частыми были *Ленин, Н. Ленин, В. Ульянов (Ленин), В. Ильин*⁴⁵. Один из этих псевдонимов — *Ленин* навсегда вошел в историю человечества, став символом нового мира.

Подводя итог развитию русской антропонимии в период с начала XVIII в. до 1917 г., отмечаем: окончательное исчезновение из официальной коммуникации неканонических имен и переход на систему канонизированных имен, завершение формирования и распространения к концу описываемого периода на все слои общества трехкомпонентной модели именования, развитие псевдонимии как новой ономастической категории, складывание функционально-стилистических норм употребления ономастических единиц как в изолированном виде, так и в составе многокомпонентных формул именования.

4. Советский период (с 1917 г. по настоящее время)

Великий Октябрь 1917 г., открывший новую эру в истории нашей страны и всего прогрессивного человечества, ознаменовал новый этап и в развитии русской антропонимии. Сохраняя преемственность в использовании сложившихся в предшествующие века формул именования — полной (трехчленной) и неполных (двучленной, одночленной) — и значительной части материального состава антропонимов (имен, отчеств, фамилий и др.), народ, совершивший первую в мире социалистическую революцию, с

⁴⁴ Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. М., 1978, ч. 2, с. 327—336.

⁴⁵ О псевдонимах В. И. Ленина см.: Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1967, Вольпер И. Н. Псевдонимы В. И. Ленина. Л., 1968; Петров А. К вопросу о происхождении псевдонима «Ленин». — В сб.: Вопросы ономастики. Новая серия. Самарканд, 1971, вып. 214, с. 124—138.

⁴³ Белинский В. Г. Письмо к Гоголю. — Собр. соч., в 3-х т. М., 1948, т. II, с. 708.

большим энтузиазмом взялся за обновление всех сфер материальной и духовной жизни, включая и сферу именования человека в новом обществе. Декрет Советской власти об отделении церкви от государства, уничтоживший обязательность церковного крещения и именованья и вводивший свободный выбор имени, положил начало дехристианизации и русской личной антропонимии и ее полной демократизации. Впервые с момента крещения Киевской Руси в X в. русские люди, а также другие христианизированные народы нашей страны почувствовали себя хозяевами своего имени и, найдя в нем с позиций новой идеологии определенные несовершенства, стали вносить в него и в другие звенья антропонимической системы новшества, которые выдвинули советский период на фоне прежней антропонимии как принципиально новый этап в структурно-языковой и особенно социальной ее истории.

Среди начавшихся в 20—30-е годы ономастических преобразований выделялось движение за пересмотр христианского имени. Оно нашло проявление и в создании совершенно новых имен, и в смелом заимствовании из западноевропейских языков, и в использовании русских и славянских имен, не предусмотренных святыми, и в отказе от значительной доли старых, ставших непопулярными христианских имен и замене канонических вариантов календарных имен народными, и в использовании в качестве официальных сокращенных форм типа *Лена, Саша, Ляля* и т. д.

Начались и более глубинные процессы. Они касались качественной стороны имени: а) обновления состава частых и наиболее популярных имен; б) превращения репертуара женских имен в более разнообразный, широкий и свободный по сравнению с мужским набором имен; в) изменения статистических параметров имени; г) ускорения темпов его обновления.

Если наиболее яркие события по обновлению имени, по созданию «красных святцев», приходились на первые советские десятилетия (до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.), то другие явления, связанные с улучшением ономастической службы языка в социалистическом обществе, получили свое развитие на втором этапе, начавшемся после Великой Отечественной войны и продолжающимся в наши дни.

Содержанием и характерными чертами современного пе-

риода русской антропонимии являются: 1) полная дехристианизация имени как по его идеологическому звучанию, так и по конкретной практике наречия (по мотивам выбора имен); 2) внесловный характер его реализации; 3) уменьшение различий между именем города и села; 4) распространение антропонимических новшеств на все территории страны — центральные и периферийные; 5) активное взаимодействие с антропонимией народов Советского Союза и взаимообогащение русского и национальных именников; 6) распространение трехчленной формулы официального именования человека среди всех наций и народов нашей страны; 7) дальнейшее совершенствование стилистических возможностей антропонимической системы в процессе ее использования во всех функциональных стилях современного русского языка.

Эти и другие процессы, наблюдающиеся в русской антропонимии и всех остальных разрядах ономастической лексики, поднимают нашу ономастику на новую ступень, более соответствующую тем повышенным требованиям, которые предъявляют к ней общество развитого социализма и русский язык, добровольно избранный всеми нациями и народами Советского Союза в качестве языка международного общения и сотрудничества, ставший в наше время могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения их к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры. Система русской антропонимии все лучше откликается и на те запросы, которые связаны с использованием русского языка в качестве средства международного общения.

Став мировым языком, русский язык ознакомил народы мира с русской и советской ономастикой, в частности с системой русской антропонимии, и способствовал заимствованию из нее в национальные ономастические значительного числа ономастических единиц. С другой стороны, это положение русского языка способствовало более широкому использованию в нем двучленной формулы именования (имя + фамилия), принятой в других мировых языках (английском, французском, немецком), особенно при освещении в прессе событий международной культурной жизни. Вот один из многочисленных примеров — информация в газете «Пензенская правда» от 2 августа 1980 г. о ходе Московской Олимпиады-80: «Путь к пьедесталу. Олимпийское обозрение»: «Представляем чемпионов:

31 июля стали известны еще одиннадцать чемпионов Московской Олимпиады:

... команда конников СССР (*Юрий Ковшов, Виктор Угрюмов, Вера Мисевич*) — в первенстве по выездке;

в вольной борьбе — *Сергей Белоглазов* (СССР) — в весовой категории до 57 кг; *Сайпулла Абсаидов* (СССР) — в весовой категории до 68 кг.; *Исмаил Абилов* (Болгария) — в весовой категории до 82 кг; *Сослан Андриев* (СССР) — в весовой категории свыше 100 кг;

Юрий Седых (СССР) — в метании молота ...

Татьяна Колпакова (СССР) — в прыжках в длину;

Николай Солодухин (СССР) — среди дзюдоистов в весовой категории до 65 кг;

команда шпажистов Франции (*Филипп Рибу, Патрик Пико, Юбер Гардас, Филипп Буасс, Мишель Салесс*)».

Обратимся к рассмотрению отдельных сторон русской антропонимии советского периода, сопоставляя ее главным образом с состоянием русской антропонимии прошлого и начала нашего века.

1. Среди антропонимических новшеств самыми заметными являются имена-неологизмы, созданные на базе своего языка, и имена-заимствования. Они обращают на себя внимание необычностью, хотя количество носителей их редко бывает значительным. Взяв «пробу» антропонимикона с целью определения в них соотношения прежних и новых имен и числа носителей тех и других в разных городах и районах Центральной России (по метрикам 1930 г.), В. А. Никонов обнаружил следующую картину (см. табл. 7).

Самый высокий процент количества новых имен и обслуживаемых ими носителей из обследованных городов имела Кострома (98 имен, 29% имяносителей), самый низкий — Калуга (37 имен, 11% носителей), средние между ними показатели — Пенза (47 имен, 12% носителей). В деревнях новых имен оказалось меньше — от 3 (Кадейский р-н Костромской обл.) до 12 (Хвастовичский р-н Калужской обл.), что составило всего 1—2% названных.

Поскольку новые имена использовались повсеместно и конкретный набор их обычно не совпадал (В. А. Никонов привел для иллюстрации 17 «иностранных личных имен», которые были заимствованы преимущественно через литературу, театр, кино: *Август, Альберт, Арнольд* и др.; нами в 1927 г. в Пензе таких имен зарегистрировано 25, причем только шесть (*Артур, Рудольф, Эдуард, Аза,*

Таблица 7

Состав имен рожденных в 1930 г.

Наименование городов, областей, районов	Количество имен			Процент новых имен	
	всех	прежних	новых	по кол-ву имен	по кол-ву носителей
г. Кострома	139	41	98	70	29
г. Пенза	88	41	47	53	12
г. Калуга (1931 г.)	78	41	37	47	11
Костромская обл., Чухломский р-н	40	34	6	15	1
Костромская обл., Кадейский р-н	36	33	3	8	1
Калужская обл., Куйбышевский р-н	41	36	5	13	1
Калужская обл., Хвастовичский р-н	61	49	12	20	2

Жанна и Элеонора) повторили приведенные В. А. Никоновым, а остальные оказались сверх его перечня: среди «пензенских» были *Адольф, Бенедикт, Генрих, Леопольд, Аделаида, Аделия, Аза* и др.), то в целом по стране их набиралась огромная масса — более 3 тысяч только у русских⁴⁶.

Целесообразно разграничить: а) имена-неологизмы, т. е. имена, возникшие в это время из нарицательных существительных (*Авангард, Герб, Герой, Гранит, Индустрия, Новелла, Поэма* и т. п.) или на базе собственных имен (*Владлен* — сокращение из *Владимир Ленин; Мэлор* — *Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция*), и б) имена, заимствованные в русский язык в готовом виде из других языков. Для имен-неологизмов интересно знать способ их образования, для заимствованных имен — язык-источник или язык, из которого они попали в русский язык.

Составитель первого советского «Словаря русских личных имен» (1966 г.) Н. А. Петровский, относясь очень сдержанно к включению новых имен в свой словарь, тем не менее поместил в нем, причем без пометы «редкое», 66 имен-

⁴⁶ См.: Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966, с. 7.

неологизмов (23 мужских и 43 женских) и 116 западноевропейских заимствований (32 мужских имени и 84 женских). По этим именам можно судить о словообразовательных способах и типах имяобразования, а также об источниках заимствованных имен, полученных в своем большинстве в первые советские десятилетия.

Имена-неологизмы были образованы двумя способами словопроизводства: семантическим и морфологическим. Семантическим способом получены имена (преимущественно от слов идеологической тематики): *Свобода, Воля, Заря, Звезда, Идея, Победа, Искра, Май, Декабрист, Гений, Эра*, а также от названий предметов: *Лира, Радий, Сталь*. Ср. также имена, известные по другим источникам: *Атеист, Агитпроп, Борец, Бунтарь, Вождь, Серп и Молот* и др.

Морфологическим способом в его различных разновидностях (аффиксация, сложение, аббревиация, аббревиация + сложение, аббревиация + аффиксация, аббревиация + сложение + аффиксация) получены имена: *Ленина* (от фамилии *Ленин*), *Мира, Геня, Мая* (от *Май*), *Октябрин* и *Октябрина, Ноябрьрина, Декабрин* и *Декабрина, Краснослав, Ким* и *Кима* (от *Коммунистический Интернационал Молодежи*), *Марлен* и *Марлена* (от *Маркс, Ленин*), *Ор* (сокращение от *Октябрьская революция*), *Рем* и *Рема* (от *революция мировая*), *Ренат* и *Рената* (от *революция, наука, труд*), *Рикс* (из сочетания *рабочих и крестьян союз*), *Рев* и *Рева* (от слова *революция*), *Ревмир* и *Ревмира* (из сочетания *революция мировая*), *Вилен* и *Вилена, Владилен* и *Владилена, Владлен* и *Владлена* (из сочетания *Владимир Ильич Ленин*), *Гертруда* (от героиня *труда*), *Красарма, Красномира, Рада* (от *рабочая демократия*), *Вилора* (из сочетания *Владимир Ильич Ленин — организатор революции*), *Нинель* (обратное прочтение слова *Ленин*) и др.⁴⁷

Имена-неологизмы, полученные способом семантической антропонимизации, активны и у некоторых народов нашей страны. Так, у алтайцев зафиксированы: *Октябрь, Комсомол, Пионер, Товарищ, Командир, Октябрат, Танкист,*

⁴⁷ См.: Данилина Е. Ф. Имена-неологизмы (Словообразование). — В сб.: Лексика и словообразование русского языка. Пенза, 1972, с. 16—24.

Капитан; Новита, Дочь, Союза, Слива, Плаката, Столица и др.⁴⁸

Имена-заимствования считаются «самыми многочисленными среди новых имен» (В. А. Никонов) — в Словаре Н. А. Петровского они составляют около 4,5% всех имен. В большинстве из них трудно сказать, из какого конкретно западноевропейского языка они получены, поскольку бытуют у ряда европейских народов.

К латинскому языку восходят имена *Аргентина, Бенатриса, Бенедикт, Бенедикта, Валенсия, Виола, Виргиния, Глория, Горащий, Гортензия, Диана, Доминик, Камилла, Карина, Клара, Клариса, Корнелий, Латура, Лилиана, Октавиан, Рем* и *Рема* (лат. *Ремус* — брат Ромула, от *ремус* — «весло»), *Ренат* и *Рената* (лат. *ренатус* — «возродившийся»), *Роза, Розалия, Сабина, Спартак, Стелла, Урсула, Фауст, Цезарь, Целестин, Целестина*.

К греческому языковому источнику восходят: *Агата, Ангела, Велезарий, Гектор, Инесса, Майя, Мирра, Моника, Пальмира, Роксана* (имя жены Александра Македонского), *Селина, Эллада*.

В новое время попали к нам имена античной мифологии: *Аврора* (богиня утренней зари; этим именем был назван крейсер «Аврора», ставший легендарным и потому послуживший в советское время основой нового имени-омонима *Аврора*), *Адонис, Амур, Артемида, Галатея, Гера, Даная, Дионис, Изиды, Ифигения, Леда, Флора, Юнона*, а также имя из римской мифологии *Веста* (богиня домашнего очага и огня).

Единичны имена древнегерманские (*Генрих*), кельтские (*Артур*), арамейские (*Марта*), древнееврейские (*Натан*). Новыми для русского именика являются также: *Авелина, Аделаида, Аделина, Азалия, Аида, Алина, Алиса, Альберт, Альфред, Амалия, Альвина, Анжелика, Арнольд; Берта; Виолетта; Гвидон, Генриетта; Дина; Евангелина; Жанна; Заремба, Земфира; Ида, Изабелла, Изольда, Инар, Иола, Иоланта, Ирма; Карл, Каролина, Клементина; Леокадия, Леонард, Лиана, Луиза, Лукреция, Луциан; Мальвина, Матильда; Наль, Нелли; Роберт; Эвелина, Эдуард, Элеонора, Эльвира, Эмма, Эрнест; Ядвига*.

⁴⁸ См.: Шатинова Н. И. Личное имя у алтайцев. — В сб.: Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976, с. 138—155.

В книге А. В. Сусловой и А. В. Суперанской «О русских именах» (М., 1978) в списках новых имен, «выбранных из актов записей последнего десятилетия, а также из других официальных источников»⁴⁹, приведено около 230 мужских и более 250 женских новых имен (неологизмов и новых заимствований) сверх того перечня, который имеется у Н. А. Петровского; укажем для примера некоторые из них.

Мужские имена:

Авангард, Аврор (Аврорий), Адий, Адольф, Алан (Аллан), Анвар, Арам...; Багра́т, Берна́рд, Берто́льд, Боесла́в, Бру́но; Ва́льтер, Вана́дий, Варле́н, Варта́н, Вахта́нг, Верги́лий, Ви́лий, Вилио́р, Вилор (Вилорий), Вилорг, Вильгельм, Вильям, Винцент, Виолён...; Габриэль (Габриэль), Гайдар, Галий, Гамлет, Гаральд (Гарольд), Гарибальди, Гарий (Гаррий), Гедиан, Геодар, Геральд (Герольд)...; Дами́р, Даниа́р, Дар, Дека́брий, Демократ, Джера́льд, Джозе́ф, Джой, Джон, Дин; Жера́р, Жозе́ф, Жорес; Зи́мунд, Зи́гфрид, Зо́рий; Ибраги́м, Ий, Ика́р, Ирм, Ию́лий; Ками́л, Карин, Карм (Кармий), Каспа́р, Колумбий, Кона́рд, Кристо́ф, Курт, Кю́ри; Лаэ́рт, Лена́р, Лепольд, Лермо́нт, Либе́рт, Лива́дий, Лионе́ль, Лир, Лор, Ло́ренс, Ло́рис; Майсла́в, Маесла́в, Ма́нфред, Маркс, Марсе́н, Мир, Моноли́т...; Нади́р, Нази́м, Нельсон, Нинель (Нинель), Норд; Овидий, Одиссе́й, Окта́брь, Оливе́р, Оска́р, Отто (Отто́н); Партиза́н; Раве́ль, Рави́ль, Радамес, Ральф, Рандо́льф, Рассве́т, Рау́ль, Рафаэ́ль, Раши́д, Ренальд, Рид, Ри́чард (Ри́хард), Роа́льд, Робеспье́р, Робинзо́н, Родже́ро...; Свет, Сигизму́нд, Сла́ва, Совет, Софо́кл, Сталь (Ста́лий), Су́рен; Таи́р, Тамерла́н, Тельма́н, Тенги́з, Теодо́р, Тигра́н, То́мас, Торе́з...; Фа́рид, Фе́вральи́н, Ферна́н, Фиде́ль, Флоре́нц, Флори́н, Франц, Фри́дрих; Це́зарь; Ча́рльз; Шами́ль, Шмидт; Эвальд, Эдвин, Эди́п, Эдму́нд (Эдмо́нд), Эйна́р, Электро́н, Эль, Эльбру́с, Эльда́р, Эльма́р, Эльми́р, Эне́р, Энгель, Энгельс...; Юджин, Юм, Юпи́тер.

Женские имена:

Адель (Аде́лия), Айна, Анга́ра, Анге́лика, Ане́лия, Ане́тта, Анджэ́ла, Ани́та, Антуане́тта, Апре́лина...; Бе́та, Бригитта; Васе́лина, Валери́ана, Вели́ора, Ве́сна, Вея, Ви́да, Ви́лия, Вилора́ (Вилория), Вита́лия...; Габ-

риэ́ла (Габриэ́ла), Га́йя, Гвидо́на, Ге́лла, Ге́мма, Гермíна, Гизе́ла (Гизе́лла), Гилéна, Горда́на...; Дамара́, Дали́ла, Дали́на, Даль, Дальви́на, Дами́ра, Да́на, Даниэ́ла (Даниэ́ла), Де́лия (Де́ли), Дари́на, Дарья́на, Джанна́, Дже́мма, Же́нни (Же́нни), Жильда...; Жана́тта, Же́нни (Дже́нни), Жерме́на, Жерве́за, Жозе́фина; Зоресла́ва (Зорисла́ва), Засла́ва, Зо́ря; Иве́тта, Иза́, Изумру́д (Изумру́да), Илиа́на, Ило́на, Имма, Ингрид, Инте́рна, Ипа́тия...; Ка́ма, Каме́лия, Каринэ́, Кве́та, Коринна́; Лазури́та, Лай́ма, Ла́ла, Ла́ли, Лаури́на, Лей́ла (Лейла), Ленэ́ра, Лео́лла, Леона́рда, Леона́ра, Либе́рта, Ли́га (Лигия), Ли́ла, Лили́на, Лили́та, Линда́, Лионе́лла, Лоза́нна, Ло́ла, Лолита́, Лолли́а, Ло́ра, Льяга...; Магни́та, Магно́лия, Мади́на, Мадле́на, Маи́на, Мануэ́ла, Мариэ́тта (Мариэ́тта), Маркуси́на, Марсе́ль...; Наи́на, Нальди́на, Натэ́ла (Натэ́лла), Нева́, Нели́на, Нео́на, Ни́гелла, Николи́на, Нине́лла, Но́ра, Ноэ́ми (Ноэ́ма), Ноэ́мия; Оди́лия, Октиа́на, Оли́вия, Оне́га, Орджо́ника, Офе́лия; Па́ва, Пальми́ра, Па́нна, Па́бла, Патри́ция, Правди́на; Раймо́нда, Рами́ра, Рамонна́, Рафаэ́ля, Раши́ль, Револю́та, Резе́да, Реми́ра, Рена́льда, Ре́ния, Ре́я, Риве́ра, Ри́да...; Сай́да, Самуэ́лла, Сафо́, Сая́на, Селе́на, Симо́на, Сире́нь, Слави́на, Ста́ль...; Тайги́на, Тайна́, Та́лина, Тельми́на, Теодо́ра, То́рия; Усла́да; Фатима́ (Фатма́), Феликса́на, Феони́на, Фло́рия, Флоре́нс (Флоренса́), Флорен́ция, Флори́та...; Ха́нна, Хризанте́ма; Це́та, Цвета́на, Цеза́рия, Целестина́; Ча́ра, Чина́ра; Эдвар́да, Эдда́, Эди́та, Эди́т, Эдла́, Эле́гия, Эле́ктра, Эли́на, Эли́са (Элисо́), Эли́та, Эльви́да, Эльви́на, Эльга́, Эльза́, Эльми́на, Эльми́ра, Энгели́на, Энгельси́на...; Юзе́фа, Юмани́та, Юта́; Яна́, Яни́на.

А. В. Сулова и А. В. Суперанская, разграничивая редкие и редчайшие имена, к редким относят «в основном те имена, которые лишь единично даются в настоящее время детям» (среди примеров редких наряду с именами Авксентий, Адам, Августа, Авдотья и т. п. приводятся новые: Вилен, Вилор, Владилен, Лениниана, Ленина, Марлена, Мая, Энгельсина и др.), к редчайшим — «те, которые хотя и встречаются у населения, но не привлекаются для именования новорожденных» (среди примеров — Аверкий, Аггей, Амос, Анатолия и др.⁵⁰). Нам кажется, что и в приведенном

⁴⁹ Сулова А. В., Суперанская А. В. Указ. соч., с. 142; судя по примечанию на с. 126, основные выборки были произведены в Ленинграде за 1967—1976 гг.

⁵⁰ См.: Сулова А. В., Суперанская А. В. Указ. соч., с. 125—126.

выше списке новых имен немало таких, которые вполне подходят под категорию редких.

2. В современном именнике заметную долю составляют славянские имена (общеславянские по происхождению или возникшие в отдельных славянских языках). Часть их была в свое время канонизирована: *Борис, Владимир, Владислав, Мстислав, Ростислав, Ярослав*, а также более редкие: *Боголеп, Милован, Ярополк; Любовь, Людмила, Милица, Надежда, Светлана*, а большая часть неканонизирована. Дехристианизация антропонимии открыла широкий доступ в наш именник таких имен, как *Боримир, Борислав, Братислав, Бронислав, Будимир, Вацлав, Велимир, Венцеслав, Витольд, Горислав, Звездан, Казимир, Ладимир, Ладислав, Лучезар, Любомир, Людмил, Мечислав, Станислав; Богадана, Борислава, Братислава, Бронислава, Ванда, Вацлава, Велимира, Венцеслава, Витольда, Влада, Владимира, Горислава, Зара, Казимира, Любомила, Любомира, Мирослава, Мстислава, Рада, Станислава, Ярослава*, которые стали давать уже не в обход святцев, а на основе свободного имянаречения. Начали обращаться родители и к таким славянским неканоническим именам, как *Белослав, Болеслав, Боян, Брячислав, Воислав, Всемир, Всеслав, Вышеслав, Градислав, Гремислав, Добромир, Добромир, Доброслав, Драгомир, Истислав, Милан, Милен, Милослав, Милорад, Милютин, Мир, Миролуб, Мирослав, Радим, Радимир, Радислав, Радомир, Разумник, Ратибор, Ратмир, Родислав, Светислав, Светлан* и др.; *Белослава, Всеслава, Градислава, Денница, Доброгнева, Добромила, Добромира, Доброслава, Милана, Милена, Милослава, Милютина, Мира, Радислава, Радмила, Радмира, Радость, Ростислава, Светислава* и др.

К славянским примыкают старорусские имена: *Вадим, Всеволод, Вячеслав, Горазд, Кукиша, Вера* (канонизированные), *Бажен, Володарь, Гостомысл, Добрыня, Дружина, Ждан, Изяслав, Кий, Лель, Любим, Милонег, Остромир, Пересвет, Ромодан, Святогор, Святополк; Лада, Любава, Кунава*, а также ранние, проникшие из скандинавских языков: *Игорь, Олег, Ольга* (канонизированные), *Аскольд, Рогволод, Рогнеда*. Некоторые из них приобрели немалую популярность.

3. В советские годы закрепились разного рода новообразования (производные) от канонических имен:

а) женские варианты (пары) на *-а*, *-я* от канонических

имен: *Авенира* (женск. к *Авенир*), *Авентина, Авица, Аглая, Альфия, Апрелья, Аркадия, Арсения, Вивиана, Виталия, Гелия, Геннадия, Даниила, Дея, Лавра, Леонтия, Лолия, Лодла, Лонгина, Марианна, Мартина, Наркисса, Нила, Олимпия, Петра, Тома, Фантина, Филарета, Эмилиана*, а также более редкие: *Александрина, Антигона, Анфима, Досифея, Евменья, Зенона, Иванна, Илия, Паисия, Рафаила, Савелла, Самсона, Северина* и др.;

б) образования от мужских имен при помощи суффикса *-ин(а)*: *Адельфина* (от *Адельфий*), *Алексина, Виталина, Деина, Леонина, Леонтина, Михайлина, Петрина*;

в) употребление мужского канонического имени в качестве женского — уже неканонического: *Аза, Зина, Ива, Инна, Мина, Пинна, Римма, Феона*.

4. В советской гражданской регистрации закрепились возникшие ранее новые документальные формы имен вместо старых церковных: *Абрам* (стар. *Авраам*), *Агап* (стар. *Агапий*), *Алексей* (стар. *Алексий*), *Антип* (стар. *Антипа*), *Антон* (стар. *Антоний*), *Артемий* (стар. *Артема*), *Вячеслав* (стар. *Вечеслав*), *Гордей* (стар. *Гордий*), *Дементий* (стар. *Доментий*), *Демид* (стар. *Деомид*), *Денис* (стар. *Деонисий*), *Дмитрий* (стар. *Димитрий*), *Емельян* (стар. *Емилиан*), *Епифан* (стар. *Епифаний*), *Ефим* (стар. *Ефимий*), *Захар* (стар. *Захария*), *Иван* (стар. *Иоанн*), *Назар* (стар. *Назарий*), *Семен* (стар. *Симеон*), *Сергей* (стар. *Сергий*), *Сафоний* (стар. *Сафония*), *Тарас* (стар. *Тарасий*); *Альбина* (стар. *Албина*), *Василиса* (стар. *Василисса*), *Венера* (стар. *Венерия*), *Прасковья* (стар. *Параскева*), *Татьяна* (стар. *Татиана*) и др., некоторые из народных вариантов стали самостоятельными именами: *Юрий*, *Егор* (от *Георгий*), *Ермак* (от *Ермолай*) и др.

5. Обновлению общего облика именника в советские десятилетия способствовало и крайне редкое обращение к огромному числу канонических имен (в Словаре Н. А. Петровского помету «редкое», «старое редкое» имеют более 900 имен), к таким, как *Абагор, Абамон, Абдаикл, Аввакир, Авгурий, Авда, Авделай, Авдиес, Авдикий, Авдон, Авель, Авентин, Авие, Авид, Авим, Авкт, Аврелиан, Аврелий, Авудим, Авундий, Авиафа, Авиля, Аврея, Аравва, Агания, Агафа, Агафоклия, Агафоника, Аена, Адолия* и др. Наконец, обновлению антропонимикона служило и полное забвение многих имен, из века в век помещавшихся в церковных месяцесловах, например имен: *Авдифакст, Авид,*

Агафод, Агофонус, Адавкт (Давикт), Амонит, Арчил, Асклипаид, Асклиподот, Ахиз, Варипсае, Васой, Вафусий, Гавиний, Гад, Еввул, Евпор и т. п. Не случайно, что даже «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского, по охвату материала выходящий за рамки практических указателей, не включает их как навсегда оставленные русскими людьми.

6. Впечатление новизны создавалось и тем, что довольно быстро начала расти популярность имен, не имевших ранее широкого распространения (они заняли места начала в пределах частых, а затем десятка, а некоторые и в пределах первой пятерки наиболее ходовых имен), и падать употребительность тех, которые раньше были частыми. В советские годы стали частыми имена *Виктор, Борис, Игорь, Олег, Нина, Галина, Валентина, Людмила, Ирина, Светлана, Лариса* и др.

Определенную стабильность и преемственность именнику советского периода придавали и придают традиционные русские имена (из канонического репертуара), которые сохраняли свою ровную употребительность — с небольшими повышениями и понижениями — не выходя, как правило, за рамки частых или близких к ним имен: *Александр, Алексей, Владимир, Дмитрий, Сергей* и др.

Эти закономерности развития русского именника в советский период лучше наблюдать на конкретном примере.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ИМЕННИК, ЕГО СОСТАВ, СТАТИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ

В наиболее обширном собрании современных личных антропонимов — в «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского приведено, как известно, около 2600 мужских и женских имен (включая некоторые разговорные и устаревшие варианты). Словарь адресован широкому кругу читателей, поэтому «содержит не весь материал, собранный автором»⁵¹. Как указано в авторском предисловии, за пределами Словаря осталось несколько тысяч имен, а именно: многие старые (канонические) имена, совсем вышедшие из употребления; многие заимствованные имена, хотя и встречающиеся довольно широко, но до сих пор недостаточно «обрусевшие»; подавляющая масса новых имен, появив-

⁵¹ Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966, с. 14.

шихся в результате индивидуального «творчества» родителей после Октябрьской революции и не прижившихся в системе собственных имен: *Дуб, Гвоздика, Алгебрина, Гималай*; многие «революционные» имена: *Ревлит, Лорижк*; имена-аббревиатуры: *Райтия, Гласп*⁵². Об именах-неологизмах и новых заимствованиях Н. А. Петровский заметил: «Известно около трех тысяч новых и заимствованных имен, которые, за редким исключением, никогда не привьются на русской почве»⁵³.

Материалы Словаря Н. А. Петровского, а также данные, полученные путем изучения архивов загсов многих городов и сельских районов РСФСР⁵⁴, сведения, извлеченные из прежних и новых антропонимических публикаций (*Д. Делерта*⁵⁵, *А. М. Селищева, А. В. Сусловой* и *А. В. Суперанской, В. А. Никонова, Е. Ф. Данилиной, Л. М. Щетинина* и др.) позволяют допустить, что за последнее столетие в русских семьях употреблялось не менее 6 тысяч разных имен.

6 тысяч имен... Не мешает ли их обилие выполнять языку коммуникативную функцию? Не создаются ли этим трудности в усвоении правописания новых сотен и тысяч слов-имен? Несомненно, орфографические и иные трудности возрастают, однако народ, творец и хозяин языка, довольно легко преодолевает эти трудности — он включает в актив-

⁵² Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966, с. 22.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Работа проводилась с 1956 г., в ней приняли участие более 700 студентов-филологов Пензенского педагогического института, учителя школ и техникумов, преподаватели вузов. Всем им автор выражает глубокую благодарность.

⁵⁵ Делерт Д. Новые имена, 1924; Селищев А. М. Язык революционной эпохи. М., 1928; Он же. Смена фамилий и личных имен. — Уч. зап. Тартуского ун-та, V, 1971, вып. 284; Суслова А. В., Суперанская А. В. Указ. соч.; см. также: Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964; Никонов В. А. Личные имена в современной России. — Вопросы языкознания, 1967, № 6; Он же. Имя и общество. М., 1974; Данилина Е. Ф. «Формы субъективной оценки» от личных имен, возникших в Советскую эпоху. — В кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969; Она же. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке. — В кн.: Ономастика. М., 1969; Она же. Имена-неологизмы (Словообразование). — В кн.: Лексика и словообразование русского языка. Пенза, 1972; Щетинин Л. М. Имена и названия. Изд-во Ростовского ун-та, 1968; Он же. Русские имена (Очерки по донской антропонимике). Изд-во Ростовского ун-та, 1972.

ный репертуар лишь часть имеющегося запаса имен, оставляя в стороне множество «редких», «непривычных», «трудных», «устаревших», чем-то «не нравящихся» имен.

Показательны в этом отношении следующие цифры. Н. А. Петровский в своем Словаре привел «около 2600 личных имен, бытующих или бытовавших в русских семьях», т. е. лишь половину русского именника. Однако и среди приведенных им имен только одна треть (900 имен) не снабжена пометой «редкое» («редкое старое», «старорусское редкое», «славянское редкое» и т. п.). Так, из 1250 мужских имен к нередким отнесено лишь 475 имен. Если же применить более жесткий критерий, то количество относительно распространенных имен придется снизить по меньшей мере до 300 имен! В частности, далеко не бесспорно отнесение к нередким (отсутствуют пометы «редкое» и т. п.) таких старых имен, как *Авенир, Автоном, Азарий, Азат, Альвиан, Амфилохий, Анемподист, Анфим, Апроиан, Ариан, Арий, Валент, Варсанофий, Венедим, Вивиан, Гай, Гаян, Евкарпий, Евтропий, Ефрасий, Звездан, Иларий, Иосаф, Кириах, Ливерий, Лимней, Марий, Мина, Нафанаил, Полиевкт, Полиен, Пуд, Сальвий, Товий, Фавст, Фалласий, Фантин, Эпиктет* и др., многих новых и заимствованных имен: *Гораций, Наполеон, Новомир, Радий, Ренат, Рикс* и под. Что же касается репертуара имен отдельно взятого города (даже с населением в несколько сот тысяч человек), то, пожалуй, ни в одном из них мы не встретим не только всех 1250 мужских имен, приведенных Н. А. Петровским, но и тех 475, которые отнесены им к числу нередких.

Определенное представление о современном русском именнике, его составе, статистической структуре, а также динамике имен и их функционировании в советские годы может дать характеристика антропонимии г. Пензы, даваемая на фоне антропонимии конца предыдущего (дореволюционного) периода, в частности в сравнении с именником конца XIX — начала XX в. (в качестве контрольного берем срез 1893—1902 гг.).

А. Мужская подсистема именника

Русская антропонимия предреволюционной поры характеризовалась относительно богатым именником, состоявшим на 95% из канонических имен, устойчивым составом употребительных имен, медленными темпами изменения как

репертуара имен, так и статистической структуры различных частей именника.

Приводим все имена 1893—1902 гг. в алфавитном порядке (на первые шесть букв алфавита) с указанием количества и (после тире) процента носителей за 10-летие:

Авдей 1—0,0076, *Авив* 2—0,015, *Авралей* 1—0,0076, *Аган* 1—0,0076, *Александр* 1675—12,73, *Алексей* 590—4,48, *Анатолий* 124—0,94, *Андрей* 250—1,90, *Андриан* 7—0,053, *Анисий* 1—0,0076, *Антон* 1—0,0076, *Антонин* 5—0,038, *Аполлон* 1—0,0076, *Аркадий* 7—0,053, *Арсений* 11—0,084, *Артемиий* 1—0,0076, *Архип* 5—0,038, *Афанасий* 16—0,12, *Борис* 234—1,78, *Вадим* 2—0,015, *Валентин* 23—0,17, *Валериан* 11—0,084, *Валерий* 6—0,046, *Варлаам* 3—0,023, *Василий* 861—6,54, *Вениамин* 15—0,11, *Венедикт* 1—0,0076, *Виктор* 201—1,53, *Виталий* 13—0,10, *Владимир* 623—4,73, *Влас* 1—0,0076, *Всеволод* 9—0,068, *Гавриил (Гаврил)* 33—0,25, *Геннадий* 4—0,03, *Георгий* 298—2,03, *Герасим* 13—0,10, *Герман* 7—0,053, *Глеб* 1—0,03, *Григорий* 240—1,82, *Давид* 1—0,0076, *Даниил (Данил)* 6—0,046, *Димитрий (?)* 1—0,0076, *Дионисий* 2—0,015, *Дмитрий* 411—3,02, *Донат* 1—0,0076, *Дорофей* 2—0,015, *Евгений* 96—0,73, *Евграф* — 4—0,03, *Евдоким* 1—0,0076, *Евламний* 1—0,0076, *Евсклий* 1—0,0076, *Евстафий* 1—0,0076, *Евфимий* 15—0,11, *Егор* 7—0,53, *Ермолай* 1—0,0076, *Ефим* 9—0,14, *Ефрем* 3—0,023... (Всего дано 138 имен на 13 192 мальчика).

Все 138 имен с 1893 по 1902 г. использовались неравномерно: одни давались во все годы десятилетия (устойчивые, или сквозные, имена), другие — с перерывами от 2 до 8 лет (прерывистые имена), третьи встречались в 1 из 10 лет (разовые имена — чаще всего их получали по 1 человеку).

Устойчивых имен в рассматриваемые годы было 27 (около 19% всего десятилетнего репертуара): *Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Василий, Виктор, Владимир, Георгий, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Илья, Константин, Леонид, Матвей, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Степан, Тимофей, Федор, Яков*.

Разовых имен — 62 (около 45%): *Игнатий, Сократ* (встретились только в 1893 г.), *Авдей, Авралей, Аган, Анисий; Евдоким, Евсклий, Евстигней; Карп; Ниновей; Родион* (только в 1894 г.) и т. п.

Число прерывистых имен — 50 (свыше 36%); одни из них близки к устойчивым (например, *Вениамин, Максим*,

Филипп), другие — к разовым: *Авиг* (встретилось в 1895 и 1896 гг.), *Архип* (1893 и 1899 гг.), *Вадим*, *Варлаам*, *Захар*, *Кирилл*, *Маркелл* и др. Итак, в именнике конца XIX и начала XX в. преобладали имена прерывистого и разового употребления (до 81% всего репертуара), на долю устойчивых имен приходилась лишь $\frac{1}{5}$ часть имен.

Всего в группе частых с 1893 по 1902 г. находилось 20 имен: 13 из них были частыми во все эти годы (*Александр*, *Алексей*, *Василий*, *Владимир*, *Дмитрий*, *Иван*, *Константин*, *Михаил*, *Николай*, *Павел*, *Петр*, *Сергей*, *Федор*), 5 имен не попадали в частые от 1 до 6 лет (*Андрей*, *Борис*, *Виктор*, *Георгий*, *Григорий*), имена *Анатолий* и *Степан* оказывались частыми по одному разу. Заметно колебался процент носителей и у «постоянно» частых имен — у имени *Александр* от 10,7 (в 1897 г.) до 15,16% (в 1898 г.), *Алексей* от 2,8 (в 1894 г.) до 6,7 (в 1897 г.), *Василий* от 5,1 до 8,73, *Владимир* от 3,02 до 6,07, *Дмитрий* от 2,04 до 4,5, *Иван* от 6,5 до 10,35, *Константин* от 1,89 до 5,8, *Михаил* от 5,5 до 7,75, *Николай* от 9,7 до 12,89, *Павел* от 2,25 до 4,02, *Петр* от 4,3 до 7,47, *Сергей* от 2,97 до 8,16, *Федор* от 2,2 до 4,7%.

Имена *Александр*, *Алексей*, *Владимир*, *Дмитрий*, *Михаил*, *Николай*, *Павел* в основном сохраняли на одном уровне свою употребительность в течение всех 10 лет. *Андрей* и *Василий* снижали ее, а имя *Сергей* повышало.

Частыми именами десятилетия были: *Александр*, *Алексей*, *Анатолий*, *Андрей*, *Борис*, *Василий*, *Виктор*, *Владимир*, *Георгий*, *Григорий*, *Дмитрий*, *Евгений*, *Иван*, *Константин*, *Михаил*, *Николай*, *Павел*, *Петр*, *Сергей*, *Степан*, *Федор*, *Яков* (всего 22 имени).

В течение первых десятилетий XX в. существенных изменений как в репертуаре, так и в статистической структуре популярной и «периферийной» частей именника не произошло. Характер эволюции и ее темпы начнут меняться после Великого Октября.

В зависимости от объема именника, его конкретного состава, степени употребительности отдельных групп имен и других показателей в пределах четвертого, советского периода можно выделить два этапа (периода):

1. Послереволюционное двадцатипятилетие (с 1918 по 1941—1945 гг.).

2. Послевоенный (период после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. до настоящего времени).

Послереволюционный период (в особенности 20-е и 30-е годы) представлял собой «антропонимическое половодье», принесшее в русский именник большое количество имен-неологизмов (революционных имен) и новых заимствований из других языков. Увеличился репертуар имен, сменился состав употребительных имен, включая имена первого десятка и даже первой пятерки популярных имен. В качестве контрольного берем именник 1921—1930 гг.

С 1921 по 1930 г. в Пензе всем новорожденным мужского пола было дано 159 разных имен: *Август*, *Авенир*, *Авсей* (от *Абсей*?), *Адам*, *Адольф*, *Аким* (от *Иаким*), *Александр*, *Алексей*, *Альберт*, *Альфред*, *Анатолий*, *Андрей*, *Андрян*, *Антон*, *Аполлинарий*, *Аполлон*, *Аркадий*, *Арнольд*, *Арсений*, *Афиноген*, *Болеслав*, *Борис*, *Бронислав*, *Будимир*, *Вадим*, *Валентин*, *Валериан*, *Валерий*, *Василий*, *Венедикт*, *Вениамин*, *Викентий*, *Виктор*, *Вилен*, *Виталий*, *Владилен*, *Владимир*, *Владислав*, *Всеволод*, *Вячеслав*, *Гавриил*, *Гектор*, *Ген*, *Гений*, *Геннадий*, *Генрих*, *Георг*, *Георгий*, *Герман*, *Гертруд*, *Гиацинт*, *Гибралтар*, *Глеб*, *Григорий*, *Дементий*, *Дмитрий*, *Евгений*, *Елисей*, *Ефим*, *Иван*, *Иенатий*, *Игорь*, *Идей*, *Илья*, *Иннокентий*, *Ион* (*Иона*), *Иосиф*, *Иракий*, *Ирман*, *Казимир*, *Касьян*, *Ким*, *Кир*, *Кирилл*, *Клавдий*, *Коммунар*, *Константин*, *Корней*, *Корнелий*, *Краснослав*, *Кузьма*, *Лев*, *Ленин-Ульянов*, *Леонард*, *Леонид*, *Леонтий*, *Леопольд*, *Любомир*, *Максим*, *Мамун*, *Манольд*, *Марат*, *Марк*, *Маркелл*, *Маркс*, *Матвей*, *Мечислав*, *Мир*, *Мирон*, *Михаил*, *Модест*, *Моисей*, *Мстислав*, *Наполеон*, *Натан*, *Никифор*, *Николай*, *Новомир*, *Октябрь*, *Олег*, *Павел*, *Парадим*, *Парис*, *Петр*, *Пимий* (так!), *Порфирий*, *Радмир* (из *Радимир*), *Рем*, *Ричард*, *Роберт*, *Робеспьер*, *Роман*, *Ростислав*, *Рудольф*, *Руслан*, *Рюрик*, *Святослав*, *Семен*, *Семильян*, *Серафим*, *Сергей*, *Серп*, *Славомир*, *Спартак*, *Станислав*, *Степан*, *Тарас*, *Теодор*, *Тимофей*, *Урал*, *Федор*, *Феликс*, *Фома*, *Цезарь*, *Эдмунд*, *Эдуард*, *Эмиль*, *Энгелен*, *Энгельс*, *Эний*, *Эрос*, *Ювеналий*, *Юлиан*, *Юрий*, *Юрис*, *Яков*, *Ярослав*.

Почти половину имен, как нетрудно заметить, составляют старые, дореволюционные имена. Они перемежаются новыми именами, возникшими в советское время и несущими отражение революционной идеологии (в основном имена в честь В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса):

Вилен, Владилен — сокращения от *Владимир Ильич Ленин, Владлен* — от *Владимир Ленин, Ленин-Ульянов, Маркс, Энгельс, Энгелен* — из сочетания *Энгельс и Ленин*, а также *Рев, Коммунар, Гертруд, Славомир, Мир, Идей, Краснослав, Октябрь, Новомир, Серп, Ким*; именами топонимического происхождения: *Урал, Гибралтар* и т. п., новыми заимствованиями из западноевропейских и других языков: *Альфред, Витольд, Гектор, Георг, Ирман, Казимир, Марат, Наполеон, Парис, Роберт, Робеспьер, Спартак, Цезарь, Эдмунд, Эмиль*, так называемыми воскрешенными именами: *Болеслав, Бронислав, Будимир, Мечислав, Радимир, Руслан*, возникшими в древнерусский (или общеславянский) период, но не подвергшимися канонизации.

Среднее количество имен на один год в этом десятилетии равно 64 — на 6 имен выше, чем в контрольном срезе 1893—1902 гг., и на 22 имени выше, чем в последнем. Максимум разных имен дан в 1921 г. (77), минимум (50 имен) — в 1923 г. Богатство ассортимента создавалось смелым обращением как к новым именам (разного происхождения), так и к старым — канонизированным (типа *Мстислав*) и неканонизированным (типа *Болеслав, Бронислав*).

Для выявления сходства и отличия состава имен первого и второго контрольных десятилетий было проведено наложение их ассортиментов.

Имен, общих для сравниваемых десятилетий, оказалось 63: *Аким, Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Андриан, Антон (Антоний), Аполлон, Аркадий, Арсений, Борис, Вадим, Валентин, Валериан, Валерий, Василий, Венедикт, Вениамин, Виктор, Виталий, Владимир, Всеволод, Гавриил, Геннадий, Георгий, Герман, Глеб, Григорий, Дмитрий, Евгений, Ефим, Иван, Илья, Иосиф, Кирилл, Константин, Кузьма (Косьма), Лев, Леонид, Максим, Марк, Маркелл, Матвей, Михаил, Модест, Моисей, Никифор, Николай, Павел, Петр, Порфирий, Роман, Семен, Серафим, Сергей, Степан, Тимофей, Федор, Феликс, Юлиан, Юрий, Яков*. Все они — традиционные русские имена, имевшие распространение (широкое, умеренное или сравнительно редкое) на всей территории России в течение длительного времени, особенно в период с XVIII в. по 1917 г.

Всех несовпадающих имен 168 (больше почти в 3 раза, чем тождественных) — 76 имен, встречавшихся в 1893—1902 гг. и не повторенных в 20-е годы, и 92 «новых» имени.

Имена из ассортимента 1893—1902 гг., отсутствовавшие

в Пензе в метрических записях 1921—1930 гг.: *Авдей, Авив, Аврелий, Агап, Анисий (Онисий), Антонин, Артемий, Афанасий, Варлаам, Влас (Власий), Герасим, Давид, Димион, Дионисий, Донат, Дорофей, Евграф, Евдоким, Евлампий, Евсклий, Евстафий, Евстигней, Евфимий, Егор, Ермолай, Ефрем, Захар, Зенон, Зосим; Зот, Илларион, Иоаким (Иаким), Иона, Ипполит, Иродион, Капитон, Карп, Кирей, Кирик, Конон, Ксенофонт, Лавр, Лаврентий, Леоний, Лука, Макар (Макарий), Мануил, Митрофан, Михей; Назар, Неоним, Никита, Никодим, Никанор, Нил, Ниновей, Олимпий, Онисим, Папий, Пимен, Платон, Порфирий, Прохор, Римма, Родион, Руфим (Руфин), Самсон, Сократ, Сосипатр, Софрон, Спиридон, Тихон, Трофим, Филипп, Фрол, Хрисанф*. Многие из них не оживали в Пензе вплоть до наших дней, например: *Авдей, Авив, Аврелий, Агап, Димион (?), Дионисий, Зенон, Иона, Конон, Папий, Римма, Сосипатр*.

В числе 92 «новых» имен были: а) действительно новые имена типа *Вилен, Владилен, Владлен, Ген, Гений, Гертруд, Илей, Коммунар, Краснослав, Ленин-Ульянов, Маркс, Новомир, Октябрь, Рем, Серп, Славомир, Урал, Энгелен, Энгельс*; б) иностранные имена, воспринятые, очевидно, из художественной литературы: *Альберт, Альфред, Арнольд, Генрих, Леонард, Леопольд, Ричард, Рудольф, Теодор* и др. — часть их приведена выше; в) старые «княжеские» имена: *Игорь, Олег, Рюрик, Ростислав, Святослав, Ярослав*; г) традиционные канонические имена: *Август, Авсей, Алам, Аполлинарий, Викентий, Дементий, Елисей, Иенатий, Ион (из Иона), Ираклий, Касьян, Кир, Клавдий, Корней, Корнелий, Максим, Мирон, Тарас* и др.

Следует подчеркнуть, что подавляющая масса «оригинальных» имен 20-х годов имела единичных носителей и относилась к именам разового употребления (с 1921 по 1930 г. разовых имен было 75 — свыше 47%). Что касается устойчивого фонда имен (проходящего по всем годам десятилетия), то он включал 31 имя: *Александр, Анатолий, Борис, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Вениамин, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Всеволод, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Герман, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Лев, Леонид, Михаил, Николай, Олег, Павел, Сергей, Юрий*; это больше, чем было в первом контрольном срезе, на 5 имен (хотя процент устойчивых имен в обоих случаях оказывается равным 19%).

Частыми именами десятилетия были: 1) *Владимир*; 2) *Николай*; 3) *Виктор*; 4) *Борис*; 5) *Александр*; 6) *Юрий*; 7) *Анатолий*; 8) *Евгений*; 9) *Константин*; 10) *Алексей*; 11) *Михаил*; 12) *Валентин*; 13) *Сергей*; 14) *Василий*; 15) *Петр*; 16) *Иван*; 17) *Олег*.

По сравнению с 1893—1902 гг. к 20-м годам XX в. в группе частых имен произошли следующие изменения:

1. Сократилось число частых имен с 22 до 17, в чем можно усматривать усиление тенденции к концентрации именника.

2. В категорию редких опустились 8 имен: *Андрей*, *Георгий*, *Григорий*, *Дмитрий*, *Павел*, *Степан*, *Федор*, *Яков*, новыми частыми стали 3 имени: *Валентин* (12-е место), *Олег* (17-е), *Юрий* (6-е).

3. Существенно обновился состав первой пятерки популярных имен: *Иван*, *Михаил*, *Василий* оттеснены за пределы не только первой, но и второй пятерки (*Михаил* — на 11-е место, *Василий* — на 14-е, *Иван* — на 16-е) — их место заняли новые фавориты: *Владимир* (1-е место), *Виктор* (3-е), *Борис* (4-е); в 1893—1902 гг. имя *Владимир* занимало лишь 7-е место (4,73%), а *Борис* и *Виктор* находились за чертой первого десятка ходовых имен. Имя *Александр*, державшее на рубеже XX в. антропонимическую корону, в 20-е годы отошло на 5-е место. Удержалось на 2-м месте имя *Николай*, но и оно потеряло 2% носителей (ср.: 11,82% в первом контрольном десятилетии и 9,8% во втором).

4. Почти полностью сменился состав второй пятерки употребительных имен: *Владимир* поднимается на самый высокий пьедестал, *Сергей* спускается на 13-е, *Петр* — на 15-е место, а имя *Дмитрий* выводится за пределы частых имен десятилетия. Ровную устойчивость сохранило лишь одно имя — *Алексей* (оно передвинулось с 9 на 10-е место).

5. Несмотря на существенные изменения в наиболее плотных участках именника, обслуживаемые ими контингенты остаются почти постоянными: первая пятерка имен — у 49,9%, вторая пятерка — у 21,9%, все частые имена — у 84,4% новорожденных 1921—1930 гг.

Послевоенный период

Современный антропонимический период по сравнению с предыдущим характеризуется более строгим именником, сохраняющим проверенный жизнью фонд старых имен и лучшие имена-неологизмы.

В 30-е и 40-е годы в Пензе, как и в других городах РСФСР, спадало антропонимическое половежье, репертуар мужских и женских имен сокращался. Так, если в 20-е годы среднее количество имен в год для мужчин равнялось 64, то с 1931 по 1945 г. оно снизилось до 52 имен.

50-е и 60-е годы усилили тенденцию к увеличению «емкости» небольшого репертуара имен, резко сократив набор прерывистых и разовых имен. С 1957 по 1966 г. в Пензе было в ходу 48 мужских и 70 женских имен. Доля устойчивых имен поднялась почти до 70% (в первом и во втором контрольном срезах она равнялась всего 19%), хотя их число не увеличилось (как и в 20-е годы, их оказалось 31).

В последние годы, после периода стабилизации небогатого ассортимента имен, наблюдается некоторое расширение именника — в 1968 г. в Пензе дано 56 мужских имен, а в 1969 г. — 54, в 1976 г. — 59, в 1979 г. — 65 имен. Разнообразие достигается обращением как к старым русским именам, так и к антропонимическим нововведениям первых послереволюционных десятилетий (*Алевтин*, *Артур*, *Владлен*, *Роберт*, *Руслан*, *Спартак*, *Эдуард*).

За десятилетие, с 1960 по 1969 г., взятое в качестве контрольного для этого периода, в Пензе зафиксировано 64 мужских и 108 женских имен. Перечислим мужские имена, указывая процент носителей у частых имен (как и в 20-е годы, их оказалось 17): *Алевтин*, *Александр* — 14,3%, *Алексей* — 2,7, *Альберт*, *Анатолий* — 1,8, *Андиан*, *Андрей* — 5,7, *Анриан*, *Антон*, *Аркадий*, *Артем*, *Артур*, *Борис*, *Вадим*, *Валентин*, *Валериан*, *Валерий* — 5,14, *Василий*, *Вениамин*, *Виктор* — 2,7, *Виталий*, *Владимир* — 10,92, *Владислав*, *Владлен*, *Всеволод*, *Вячеслав* — 3,8, *Геннадий* — 1,5, *Георгий*, *Герман*, *Глеб*, *Григорий*, *Даниил*, *Денис*, *Дмитрий* — 2,2, *Евгений* — 2,74, *Иван*, *Игорь* — 4,8, *Илья Карл*, *Кирилл*, *Константин*, *Лев*, *Леонид*, *Максим*, *Михаил* — 4,6, *Николай* — 2,4, *Олег* — 4,5, *Павел*, *Петр*, *Роберт*, *Родион*, *Роман*, *Руслан*, *Сергей* — 13,4, *Святослав*, *Спартак*, *Станислав*, *Тихон*, *Феликс*, *Федор*, *Эдуард*, *Юрий* — 5,4.

Среднее количество имен в год 42. Максимум мужских имен (56) приходится на 1968 г., минимум (35) — на 1967 г. Устойчивых имен в этом десятилетии — 28 (43,7%), прерывистых — 22 (34,3%), разовых — 14 (21,8%). Устойчивыми были в основном имена, имеющие давние традиции широкого употребления.

Сравнение репертуара и удельного веса 17 частых имен 1921—1930 гг. с 17 частыми именами 1960—1969 гг. обнаруживает:

1. Общность 11 частых имен для обоих контрольных десятилетий: *Владимир, Николай, Виктор, Александр, Юрий, Анатолий, Евгений, Алексей, Михаил, Сергей, Олег.*

2. Выдвижение в категорию употребительных новой группы имен: *Андрей* (4-е место), *Валерий* (6-е), *Игорь* (7-е), *Вячеслав* (10-е), *Дмитрий* (15-е), *Геннадий* (16-е).

3. Отгеснение в разряд нечастых 6 имен: *Валентин, Василий, Борис, Иван, Константин, Петр*; они обслуживали соответственно 0,28, 0,65, 0,74, 0,14, 1,1, 0,23% мальчиков, родившихся в 60-е годы.

4. Улучшение места некоторыми из частых имен: имя *Александр* передвинулось с 5-го на 1-е место, *Юрий* — с 6-го на 5-е, *Михаил* — с 11-го на 8-е, *Олег* — с 17-го на 9-е, *Сергей* — с 13-го на 2-е место.

5. Переход на более низкое место в пределах частых имен: *Владимир* — с 1-го на 3-е, *Николай* — с 2-го на 14-е, *Виктор* — с 3-го на 13-е, *Анатолий* — с 7-го на 16-е, *Евгений* — с 8-го на 11-е, *Алексей* — с 10-го на 12-е.

6. Сходство статистических показателей: первая пятерка имен — у 48,09%, вторая пятерка — у 23,8%, все частые имена — у 88,6%, родившихся в 60-е годы.

Еще более интересно прослеживается динамика русского именика в хронологических рамках всех трех синхронных срезов (примерно за 80 лет).

Поскольку редких имен всегда больше, чем частых (в первом контрольном десятилетии среди мужчин их было 116, во втором — 142, в третьем — 47, частых имен соответственно 22, 17 и 17), то изменения в этой части именика обычно заметнее и неопытными исследователями принимаются за главные. В самом деле, разве не поразительны расхождения между репертуаром имен 20-х годов и имеником начала века, когда несовпадающих имен было 168. Нельзя не учитывать и того, что «редкое», «экзотическое» имя поражает своей необычностью, бросается в глаза. Говоря оброчно, имя-знак, встречающееся редко, в неожиданном контексте, несет в себе больше антропонимической информации, чем массовое, дежурное имя. И все-таки главные процессы обновления именика лежат не здесь.

Фундаментальная перестройка именика заключается в коренных сдвигах в популярной части именика. Главное

не в том, что то или иное имя используется в данный период, а в том, что его дают многим — каждому десятому или даже пятому новорожденному. При такой смене (не имени, а сферы его распространенности и употребительности), если она происходит сравнительно быстрыми темпами, имена детей в своей массе оказываются иными, чем имена родителей.

Обратимся к анализу наиболее «весомой» части именика.

С 90-х годов прошлого века по 60-е годы нашего столетия из прежних частых имен сохранилось всего 11 из 22 имен (остальные 11 перешли в малоупотребительные). Это *Александр, Николай, Михаил, Владимир, Сергей, Алексей, Дмитрий, Андрей, Виктор, Анатолий, Евгений* (имя *Александр* в 1893—1902 гг. занимало первое место, *Евгений* — 22-е, последнее). Причем из этих 11 имен в 20-е годы в первый десяток мужских имен входило только 7: *Владимир* — 1-е место, *Николай* — 2-е, *Виктор* — 3-е, *Александр* — 5-е, *Анатолий* — 7-е, *Евгений* — 8-е, а в 60-е — лишь пять имен: *Александр* — 14,3%, *Сергей* — 13,4, *Владимир* — 10,9, *Андрей* — 5,7, *Михаил* — 4,6. Постепенно сдали свои позиции и перешли в редкие имена *Григорий, Павел, Степан, Федор, Яков* (к 20-м годам), а затем и *Борис, Василий, Иван, Константин* и *Петр*. Их места заняли сначала (в 20-е годы) *Юрий* — 6-е место, *Валентин* — 12-е, *Олег* — 17-е, а затем (в 60-е годы) *Валерий* — 6-е место, 5,14%, *Игорь* — 7-е, 4,8%, *Олег* — 9-е, 4,5%, *Вячеслав* — 10-е, 3,8%, *Геннадий* — 16-е, 1,9%. Именно эти антропонимы, ставшие популярными и охватившие широкие контингенты носителей, внесли изменения в глубинные слои нашего ономастикона. В 70-е годы популярны *Сергей, Алексей, Александр, Дмитрий, Андрей.*

Темпы развития антропонимических инноваций неодинаковы и зависят, видимо, во многом от экстралингвистических (общественных, социальных, культурных и т. п.) причин. В XIX в. ономастические новшества распространялись медленнее, чем теперь. Не одинаково складываются судьбы и у отдельных антропонимов. Одни имена, попадая в частые, сначала располагаются за пределами десятка имен (*Валентин* — 12-е место, *Олег* — 17-е в 1921—1930 гг.), другие сравнительно быстро набирают высоту (например, *Юрий* в 20-е годы из редких сразу попало на 6-е место, а к 60-м годам вышло на 5-е, *Валерий* в 60-е годы вышло на 6-е, *Игорь* на 7-е, *Олег* на 9-е, *Вячеслав* на 10-е место).

Однако их успешная карьера начиналась не с нуля: они прошли длительную апробацию. Ни одно из абсолютно новых имен не удостоилось пока занять места не только в первом десятке популярных имен, но и среди частых имен.

Если попытаться сгруппировать имена с учетом роста или уменьшения их популярности в XX в., то можно выделить 5 подгрупп: 1) имена устойчивой популярности (*Александр* — в 1899 г.— 12,3%, в 1920 г.— 8,7%, в 1930 г.— 7,5%, в 1957 г.— 13,1%, в 1967 г.— 13,4%, в 1969 г.— 9,06%, в 1980 г.— 10,8%; *Владимир* — в 1899 г.— 4,5%, в 1920 г.— 11,8%, в 1930 г.— 14,3%, в 1957 г.— 11,9%, в 1967 г.— 9,6%, в 1969 г.— 6,1% и некоторые др.); 2) имена, употребительность которых, как правило, росла на протяжении всех лет (*Игорь* — в 1899 г.— 0,06%, в 1920 г.— 0,26%, в 1930 г.— 0,1%, в 1940 г.— 0,32%, в 1957 г.— 2,2%, в 1967 г.— 5,3%, в 1969 г.— 6,1%) или же в 50—60-е и 70-е годы (*Андрей* — в 1899 г.— 1,8%, в 1920 г.— 0,9%, в 1930 г.— 0,4%, в 1940 г.— 0,04%, в 1957 г.— 3,0%, в 1967 г.— 12,9%, в 1969 г.— 9,6%, в 1971—1975 гг.— 8,8%); 3) имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20—30 лет) стала еще большей (*Сергей* — в 1899 г.— 4,4%, в 1920 г.— 4,9%, в 1930 г.— 0,9%, в 1940 г.— 0,32%, в 1957 г.— 10,1%, в 1967 г.— 13,7%, в 1969 г.— 12,4%, в 1980 г.— 13,3%); 4) подгруппа имен, популярность которых приходилась на 20—30-е годы (*Николай*, *Борис* и др.), на 20—40-е годы (*Геннадий*, *Юрий*); 5) имена затухающей употребительности (например, *Иван* — в 1899 г.— 8,47%, в 1920 г.— 2,4%, в 1930 г.— 0,6%, в 1940 г.— 0,2%, в 1957 г.— 0,4%, в 1967 г.— 0,0% и в 1969 г.— 0,07%, хотя 70-е годы дали некоторое увеличение употребительности его). Само собою разумеется, что такая разбивка несколько условна (как и не обязательно полное совпадение имен по различным городам), однако она дает в целом верное представление о функционировании антропонимической лексики, о сменяемости ее групп и подгрупп.

Более строгим закономерностям подчиняется статистическая (количественная) структура именника — строение его более употребительной (первая пятерка популярных имен, вторая пятерка, все частые имена) и менее употребительной частей. В городах средней величины цифровые показатели контингентов, обслуживаемых именами большей и меньшей частотности, почти совпадают. Более того,

эти показатели остаются в основном стабильными на протяжении столетия. Это относится как к мужским, так и к женским именам, в чем можно усматривать своеобразную общую закономерность статистической организации современного русского именника. Проиллюстрируем сказанное материалом по мужским именам, взятым из трех контрольных срезов (табл. 8).

Таблица 8

Группы имен и процент носителей	Годы		
	1893—1902 гг.	1921—1930 гг.	1960—1969 гг.
Первая пятерка популярных имен	46,6	49,9	48,0
Вторая пятерка употребительных имен	23,4	21,9	23,8
10 наиболее частых имен	70,0	71,8	71,9
Все частые имена десятилетия	94,1	84,4	88,6
Все редкие имена десятилетия	5,9	15,5	11,4

Итак, ономастическая (антропонимическая) лексика, как и апеллятивная лексика языка, с течением времени претерпевает изменения. Однако они носят специфический характер и заключаются в основном в циклической сменяемости одной группы употребительных имен другой. Статистическая организация функционирующего набора имен отличается относительной стабильностью.

Б. Женская подсистема именника

В избранном нами контрольном срезе за 1892—1902 гг. в г. Пензе 13 422 девочкам было дано 100 разных имен. По своему общему составу они очень похожи на имена 1882—1892 гг. Наибольший интерес представляют частые

Таблица 9

Имена	Годы											За 11 лет
	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	
Александра	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Анастасия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Анна	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Антонина	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Валентина												
Варвара	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Вера	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Евгения		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Евдокия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Екатерина	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Елена	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Елизавета	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Зинаида	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+
Клавдия	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ксения									+	+	+	+
Лидия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Любовь									+	+	+	+
Мария	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Матрена					+				+	+	+	+
Надежда	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Наталья	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Ольга	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Пелагея	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+
Прасковья	+		+									+
Серафима					+		+	+	+	+		+
София				+					+	+		+
Татьяна	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Частых имен	20	19	20	21	21	21	21	20	24	21	19	24

имена. В таблице 9 показаны частые имена каждого года (они отмечены знаком плюс) и частые имена по обобщенным данным за все 11 лет — в последней графе.

Всего за 11 лет частыми были 27 имен, из них во все годы — 15 имен: *Александра*, *Анна*, *Антонина* и т. д. (см. табл. 9). Только по разу в частых оказывались: *Ксения*, *Любовь*, *Матрена*, *София*. В число частых за 11-летие из 27 попадает 24 имени. Как видим, именник в своей «частой» части очень стабилен. Эти 24 имени обслуживали

88,6% всех новорожденных 1892—1902 гг., первый десяток частых имен — 57,5%, первая пятерка — 39,3%.

О меньшем разнообразии женских имен в дореволюционное время по-своему свидетельствуют и данные словаря Н. А. Петровского. Если мужских имен в этом словаре 1250, то женских почти вдвое меньше — 644 (из них 217 имеют помету «редкое»).

Существенные сдвиги в количественном составе женского именника и в темпах его обновления начнутся после Великой Октябрьской социалистической революции, причем по ряду показателей преобразования в женском именнике окажутся более значительными, чем в мужской части именника.

Послереволюционное двадцатипятилетие

Уже первое послереволюционное десятилетие, особенно 20-е годы, изменило картину дореволюционного, малоподвижного и однообразного, женского именника: репертуар женских имен за десятилетие со 100 единиц расширился до 179, превзойдя мужской (с 1921 по 1930 г. в Пензе употреблено для наречения мальчиков 159 имен), увеличилось число разовых имен, возросла их сменяемость, существенно обновился десяток самых частых имен (в нем осталось лишь 3 прежних имени: *Вера*, *Антонина* и *Мария*, которая, кстати говоря, переместилась с 1-го места на 10-е, в число 7 новых имен попали: *Нина*, *Валентина*, *Лидия*, *Тамара*, *Галина*, *Надежда*, *Антонина*). Заметные сдвиги произошли в употребительности и остальных частых имен, а также в «редкой» части именника.

В числе 179 имен лишь 67 имен были общими для 1892—1902 гг. и 20-х годов. Это почти сплошь старые канонические имена: *Агафья*, *Агния*, *Алевтина*, *Александра*, *Алла*, *Анастасия*, *Ангелина*, *Анна*, *Антонина*, *Валентина*, *Варвара*, *Василиса*, *Вера*, *Вероника*, *Викторина*, *Галина*, *Глафира*, *Дарья*, *Евгения*, *Евдокия*, *Евфалия*, *Екатерина*, *Елена*, *Елизавета*, *Ефимия*, *Зинаида*, *Зоя*, *Инна*, *Ираида*, *Ирина*, *Калерия*, *Капитолина*, *Клавдия*, *Констанция*, *Лариса*, *Лидия*, *Любовь*, *Людмила*, *Маргарита*, *Марианна*, *Марина*, *Мария*, *Марфа*, *Матрена*, *Муза*, *Надежда*, *Наталья*, *Нина*, *Нонна*, *Олимпиада*, *Ольга*, *Павлина*, *Пелагея*, *Прасковья*, *Раиса*, *Роза*, *Руфина*, *Серафима*, *Софья*, *Степанида*, *Таисия*, *Тамара*, *Татьяна*, *Фаина*, *Феодосия*, *Юлия*.

Зато группа «новых» имен (по сравнению с первым контрольным срезом) оказалась почти вдвое больше — 112 имен: *Ава, Августа, Агнесса, Ада, Аделаида, Аделия, Адольфина, Аза, Аида, Акинья, Альбина, Альвина, Анжелика, Аннета, Аэлита, Берта, Бронислава, Валерия, Вена, Венера, Вивания, Виктория, Вильгельмина, Виолетта, Владлена, Галерина, Гедвига, Елена, Генриетта, Гераида, Гераитта, Герта, Гертруда, Дагмара (?), Джойя, Диана, Дина, Долоресса, Дора, Ева, Жанна, Злата, Зоря (Заря), Иветта, Ида, Идея, Изабелла, Иллюзия, Иля (из Илия?), Инга, Инесса, Ионна, Искра, Исталина, Ия, Каролина, Кира, Клара, Клеопатра, Коммунара, Леда, Ленина, Лениниана, Леокадия, Лерелина, Лета, Лигия, Лилия, Липка, Лири, Лия, Луиза, Людвиг, Людгарда, Люция, Магдалина, Майя, Мальва, Марта, Марьям, Минодора, Мира, Миральда, Мстислава, Наделида, Нелли, Нера, Ниля, Октябрина, Олеся, Регина, Рео, Рива, Римма (в качестве женского имени), Рогнеда, Светлана, Станислава, Сусанна, Тереза, Томила, Уя, Фавета, Февралина, Эвелина, Элеонора, Эльвина, Элла, Эльза, Эмилия, Эмма, Яникина.*

«Старых» имен, не использованных в 20-е годы, но употреблявшихся в 1892—1902 гг., было лишь 33, т. е. в три с лишним раза меньше, чем «новых» имен. Всего в двух сравниваемых срезах видим 145 несовпадающих имен. Напомним, что сходную картину представлял и мужской именник (общих для сравниваемых периодов было 63 имени, несовпадающих — 179 имен). Перечислим 33 женских имени, которые были «забыты» в 20-е годы: *Августина, Агапия, Агриппина, Акулина, Анисья, Анфиса, Афаназия, Васса, Гали, Домника, Евлампия, Еннафа, Ефросиния, Керкира, Конкордия, Мавра, Макрина, Мелания, Милица, Неонилла, Рахиль, Сарра, Синклитикия, Феврония, Федора (Феодора), Фекла, Феоктиста, Феофония, Харитина, Хиония, Христина, Юлиания, Юстина.* Некоторые из них, например *Агриппина, Акулина, Фекла*, в XIX в. имели довольно широкое употребление.

Итак, самую многочисленную группу имен 20-х годов составили «новые» имена. Эта группа неоднородна. В числе «новых» находим:

а) действительно новые имена: *Аэлита* (по героине романа А. Н. Толстого «Аэлита»), *Владлена* (женская параллель к имени *Владлен*), *Гертруда* (от героиня труда или же женская параллель к мужскому имени *Гертруд* —

герой труда), *Заря, Идея, Иллюзия, Искра, Исталина* (от *Иосиф Сталин*), *Коммунара, Ленина, Лениниана, Лигия* (от лига), *Лилия, Лири, Люция* (от революция), *Октябрина, Рео, Февралина* и др. Нетрудно заметить среди имен-неологизмов имена идеологического звучания;

б) иностранные имена, пришедшие скорее всего из художественной литературы: *Аврора, Аделаида, Аида, Альвина, Анжелика, Берта, Виолетта, Генриетта, Диана, Дора, Жанна, Ида, Изабелла, Инга, Инесса, Каролина, Клара, Леокадия, Луиза, Майя, Марта, Нелли, Эвелина, Элеонора, Эльвира, Эльза, Эмма* и др.; эта подгруппа наиболее многочисленна;

в) неканонизированные славянские (древнерусские) имена: *Братислава, Бронислава, Мира, Мстислава, Рогнеда, Станислава, Томила*;

г) традиционные канонические имена: *Августа, Ангелина, Викторина, Конкордия, Лия, Минодора, Муза*;

д) разного рода видоизменения ранее существовавших имен (фонетические, морфологические), а также употребления разговорных форм, в том числе и сокращенных, в качестве документальных имен: *Аделия* (из *Адолия?*), *Адольфина* (из *Адельфина*), *Аннета, Вивания, Вильгельмина, Вена, Галерина, Герта* (разговорная форма от *Гертруда*), *Гераида, Гераитта, Долоресса, Иветта, Иона, Леда, Лета* (от *Виолетта?*), *Людвиг, Людгарда, Мальва* (от *Мальвина?*), *Миральда* (от *Эсмеральда?*), *Наделида* (возможно, от *Надежда* и *Лида*), *Нера* (от *Венера?*), *Римма, Эльвина* (от *Эвелина?*).

Как и в мужском именнике, большая часть «новых» имен имела единичных носителей и принадлежала к именам разового употребления. Разовых имен в 20-е годы зафиксировано 67 — почти 38%; так, в 1921 г., без повторения в последующие годы, употреблены: *Адольфина, Акинья, Вивания, Виктория, Елена, Герта, Дарья, Липка, Миральда, Мстислава, Олеся, Эльза*; в 1924 г. — имена: *Анжелика, Венера, Виолетта, Гедвига, Жанна, Коммунара, Констанция, Лета, Степанида, Уя, Февралина, Феодосия*; в 1927 г. — имена: *Агнесса, Ада, Аделия, Борислава, Владлена, Диана, Злата, Лигия* (количество разовых имен, данных за год, колеблется от 1 до 12 имен).

Перейдем к рассмотрению частых имен 20-х годов. В группу частых попали 30 женских имен. Перечислим их с указанием занимаемого места и процента носителей:

- 1) *Нина* — 10,5%
- 2) *Валентина* — 8,1%
- 3) *Вера* — 7,3%
- 4) *Лидия* — 5,6%
- 5) *Тамара* — 5,4%
- 6) *Галина* — 4,7%
- 7) *Надежда* — 4,3%
- 8) *Людмила* — 4,2%
- 9) *Антонина* — 3,5%
- 10) *Мария* — 3,3%
- В 1-й пятерке — 37,0%
- В 1-м десятке — 57,0%

Остальные частые имена: 11) *Любовь* — 3,0%; 12) *Александра* — 2,9%; 13) *Зинаида* — 2,8%; 14) *Зоя* — 2,3%; 15) *Маргарита* — 2,3%; 16) *Раиса* — 2,2%; 17) *Клавдия* — 2,1%; 18) *Ольга* — 2,0%; 19) *Евгения* — 1,8%; 20) *Анна* — 1,6%; 21) *Елена* — 1,2%; 22) *Ираида* — 1,1%; 23) *Татьяна* — 0,9%; 24) *Римма* — 0,9%; 25) *Роза* — 0,9%; 26) *Ирина* — 0,9%; 27) *Елизавета* — 0,9%; 28) *Наталья* — 0,8%; 29) *Екатерина* — 0,7%; 30) *София* — 0,7%. Все частые приходились на 90% новорожденных женского пола.

Сравнивая частые имена 20-х годов с частыми именами конца прошлого — начала XX в. (1892—1902 гг.), замечаем следующие изменения:

1. Несколько расширился круг частых имен с 18 до 30, что, возможно, следует поставить в связи с общим расширением репертуара женских имен.

2. Новыми частыми именами стали 12 имен (40%): *Нина* (вышедшая к тому же на 1-е место), *Тамара* (занявшая 5-е место), *Галина* и *Людмила* (попавшие в первый десяток популярных имен), *Любовь*, *Зоя*, *Маргарита*, *Раиса*, *Ираида*, *Римма*, *Роза*, *Ирина*.

3. К редким отошли 6 прежних частых имен: *Анастасия*, *Варвара*, *Евдокия*, *Пелагея*, *Прасковья* и *Серафима*. Сохранились 18 старых частых имен: *Александра*, *Анна*, *Антонина*, *Валентина*, *Вера*, *Евгения*, *Екатерина*, *Елена*, *Елизавета*, *Зинаида*, *Клавдия*, *Лидия*, *Мария*, *Надежда*, *Наталья*, *Ольга*, *София*, *Татьяна*, на их долю пришлось 60% всего репертуара частых имен 20-х годов.

4. Полностью сменился состав первой пятерки популярных имен: на 1-е место вышла *Нина*, не попадавшая прежде даже в группу частых имен, на 2-е — *Валентина*, занимавшая 22-е место, на 3-е — *Вера*, поднимавшаяся с 7-го места,

на 4-е — *Лидия*, поднимавшаяся с 17-го места, на 5-е — *Тамара*, бывшая, подобно *Нине*, за пределами частых имен. Имена *Мария*, *Александра*, *Анна*, *Ольга* и *Елизавета*, бывшие в 1892—1902 гг. самыми популярными, теперь заняли соответственно 10, 12, 20, 18 и 27-е места.

5. Почти полностью обновился состав и второй пятерки употребительных имен: в нее вошли 4 новых имени (*Галина*, *Надежда*, *Людмила* и *Мария*), оттеснив *Екатерину* на 29-е, *Елену* на 21-е, *Клавдию* на 17-е место; имя *Вера* перешло в первую пятерку.

6. От прежнего десятка популярных имен сохранилось всего 3 имени (*Мария*, *Вера*, *Антонина*), новыми лидерами оказались: *Нина*, *Валентина*, *Лидия*, *Галина*, *Надежда* и *Людмила*.

7. Несмотря на расширение круга частых имен, процент их носителей остался почти тем же — 90%. Прежний удельный вес имеет десяток (57%) и первая пятерка самых популярных имен (37%).

Послевоенный период

Уже в 30-е годы «антропонимическое половодье» начало постепенно спадать. Если в 20-е годы репертуар женских имен в Пензе состоял из 179 имен, то в 30-е годы он убавился до 150, а в 40-е — до 140 имен.

50-е годы XX в. продолжили сокращение репертуара: в это десятилетие в Пензе дано 87 женских и 50 мужских имен. Если в 20-е годы в среднем за один год давалось по 70 женских имен, то в 50-е годы — по 48 имен (максимум — 56 имен — зафиксирован в 1951 г., минимум — 42 имени — в 1957 г.). Разовых имен в 50-е годы было 25 (29%), в 20-е же годы их было 67 (около 38%).

60-е и 70-е годы ознаменованы новым расширением репертуара имен, причем особенно женского. Так, с 1960 по 1969 г. девочкам дано 108 разных имен (мальчики получили лишь 64 имени), с 1971 по 1975 г. — 119 разных имен (мальчики — 80 имен). В среднем в 60-е годы в течение одного года употреблялось 58 женских имен и 42 мужских.

Перечислим женские имена 1960—1969 гг.

Августа, *Агнесса*, *Аделина*, *Алевтина*, *Александра*, *Алена* (народная форма от *Елена*, ставшая документальной), *Алина*, *Алла*, *Альбина*, *Анастасия*, *Ангелина*, *Анжела*, *Анжелика*, *Анжелина*, *Анна*, *Антонина*, *Ариадна*, *Валентина*, *Валерия*, *Варвара*, *Венера*, *Вера*, *Вероника*, *Вик-*

торина, Виктория, Виолетта, Вия, Владислава, Галина, Генриетта, Дарья, Диана, Дина, Динаида, Евгения, Евдокия, Екатерина, Елена, Елизавета, Жанна, Зинаида, Злата, Зоя, Ида, Инга, Инесса, Инна, Ираида, Ирина, Ия, Кира, Клавдия, Клара и др. (всего 108 имен).

Накладывая репертуар 1960—1969 гг. на репертуар женских имен 20-х годов, выделяем три группы имен:

а) имена, встречавшиеся в 20-е годы и сохранившиеся до настоящего времени, — их 82: *Августа, Агнесса, Алевтина, Александра, Алла, Альбина, Анастасия, Ангелина, Анжелика, Анна, Антонина, Валентина, Валерия, Варвара, Венера, Вера, Вероника* и др.;

б) «новые» имена, не встречавшиеся в 20-е годы, — их 26: *Аделина, Алена, Алина, Анжела, Ариадна, Вия, Владислава, Динаида, Корнелия, Кристина, Лада, Лина, Лолита, Оксана, Полина, Рада, Ревекка, Руслана, Сабина, Снежана, Стелла, Франсуэлла, Элина, Эллада, Яна* (среди них больше всего заимствованных из западноевропейских и славянских языков);

в) имена, употреблявшиеся в 20-е годы и не повторенные в 60-е годы, — их 96: *Ава, Агафья, Агния, Ада, Аделаида, Аделия, Адельфина, Аза, Аида, Аксинья, Альвина, Аннета, Аэлита, Берта, Бронислава, Василиса, Вена, Вивания, Вильгельмина, Владлена* и т. д.; среди них видим как старые имена типа *Агафья, Агния*, так и имена-неологизмы типа *Аэлита, Владлена*.

Всего несовпадающих имен в сравниваемых срезах 122—26 «новых» и 96 «забытых», что составляет около 60% общего репертуара имен двух сопоставляемых десятилетий (всех имен 204). Однако обновление репертуара произошло не столько за счет включения в него новых имен (новых употреблено всего 26 имен), сколько за счет исключения почти сотни имен репертуара 20-х годов. В целом репертуар 60-х годов по сравнению с 40-ми и даже 50-ми годами характеризуется разнообразием и, в частности, увеличением удельного веса разовых имен.

Вместе с расширением репертуара женских имен действовала противоположная тенденция — увеличение нагрузки на сравнительно небольшой группе популярных имен. В группу частых имен в 60-е годы попало всего 16 имен, хотя процент обслуживаемых ими имяносителей остался прежним (89,44%). Рассмотрим изменения, происшедшие в центральной части именника.

1. Сужение группы частых имен с 30 до 16 было осуществлено следующим образом: из частых вышло 17 «старых» имен: *Александра, Анна, Антонина, Евгения, Екатерина, Елизавета, Зинаида, Зоя, Ираида, Клавдия, Мария, Раиса, Роза, Софья* и *Тамара*, сохранилось 13 прежних частых имен: *Валентина, Вера, Галина, Елена, Ирина, Лидия, Любовь, Людмила, Надежда, Наталья, Нина, Ольга, Татьяна*, включено в состав частых 3 новых имени: *Лариса, Марина* и *Светлана*.

2. Состав первой пятерки самых популярных имен обновился полностью. В нее в 60-е годы вошли: *Ольга* — 14,3%, *Наталья* — 9,8%, *Татьяна* — 9,78%, *Светлана* — 9,4%, *Елена* — 9,0%. Весьма показателен путь, пройденный этими именами с 20-х годов. *Ольга* вышла на 1-е место с...18-го, *Наталья* — с 28-го, *Татьяна* — с 23-го, *Елена* — с 21-го, а *Светлана* в 20-е годы была в числе редких имен.

3. Из прежней второй пятерки осталось только 2 имени (*Галина* и *Людмила*), три остальных — новые имена. Вот ее состав: *Ирина* — 8,33%, *Людмила* — 5,35%, *Галина* — 5,2%, *Марина* — 4,3%, *Лариса* — 3,99%. Напомним, что *Ирина* в 20-е годы занимала 22-е место, а *Марина* и *Лариса* вообще были за чертой частых имен.

Последующие места (после 10 имен-лидеров) заняли имена: *Любовь* — 3,2%, *Надежда* — 3,1%, *Валентина* — 2,16%, *Вера* — 2,14%, *Нина* — 1,2%, *Лидия* — 1,1%.

4. Прежние лидеры переместились: *Нина* с 1-го на 15-е место, *Вера* с 3-го на 14-е, *Лидия* с 4-го на 16-е, *Тамара* с 5-го в число редких имен, *Галина* с 6-го на 8-е, *Надежда* с 7-го на 12-е, *Антонина* с 9-го, *Мария* с 10-го за пределы частых имен.

5. Без заметных изменений осталась употребительность таких имен, как *Любовь* (сохранила свое 11-е место) и *Людмила*.

6. Что касается удельного веса всей группы частых имен, то он остается без изменения (89,44%). Удельный же вес первой пятерки и первого десятка имен по сравнению с 20-ми годами несколько увеличился (у пятерки с 37 до 49%, у десятка с 57 до 76%), что по-своему отражает тенденцию к более широкому использованию наиболее популярных имен.

Теперь, когда мы ознакомились с антропонимической ситуацией всех хронологических срезов, можно обратить

внимание на главнейшие процессы в развитии женской подсистемы именика за последние 80 лет. Лучше всего это сделать на примере частых имен. Приводимая ниже таблица 10 содержит перечень всех частых имен с конца прошлого века с указанием ранга (места), который занимало имя в каждый из контрольных срезов.

В дореволюционный период женская часть именика отличалась медленными темпами развития. Особенно медленно преобразовывалось ядро именика — группа частых имен. Однако уже первое десятилетие после Великого Октября ускорило антропонимические процессы. Из 24 частых имен 1892—1902 гг. в 20-е годы сохранилось лишь 18, а в 60-е — лишь 8 имен: *Валентина, Вера, Елена, Лидия, Надежда, Наталья, Ольга, Татьяна*. Фонд частых имен пополнялся именами, которые раньше были в группе редких имен (*Нина, Тамара* и др.) или вообще не встречались в Пензе (*Светлана, Римма* и др.). Менялась степень популярности имен. Так, имена *Елена, Наталья, Ольга* и *Татьяна* в первый из рассматриваемых срезов были популярными, в 20-е годы они несколько сдали свои позиции, зато в 60—70-е годы они стали самыми популярными женскими именами. Иной рисунок имела судьба *Валентины, Веры, Лидии* и *Надежды*: их взлет приходился на 20-е годы.

И в женской части именика можно выделить подгруппы, аналогичные тем, которые отмечены нами в составе мужского именика последнего 80-летия.

1. Имена, употребительность которых росла на протяжении всех 80 лет (*Ирина, Людмила*) или же в последние 20—30 лет (*Лариса, Любовь, Марина, Светлана*).

2. Имена, употребительность которых была значительной в дореволюционное время и после перерыва (в 20—30 лет) стала еще большей: *Елена* (см. 8, 21 и 5-е место в трех контрольных срезах; табл. 10), *Наталья* (12, 28 и 2-е место), *Ольга* (4, 18 и 1-е место), *Татьяна* (13, 23 и 3-е место).

3. Подгруппа имен, популярность которых, хотя и не самая высокая, приходилась на 20—40-е годы: *Зоя, Маргарита, Раиса, Тамара*.

4. Имена, затухающей популярности: *Александра* (2-е место, 12-е место, в числе редких), *Антонина, Елизавета, Клавдия, Мария, Софья*. Еще раньше (к 20-м годам) утратили прежнюю продуктивность имена *Анастасия, Варвара, Евгения, Евдокия, Пелагея, Прасковья и Серафима*. Впрочем, в конце 70-х годов имена *Мария, Евгения* и особенно

Имя	Годы	1892—1902	1921—1930	1960—1969
		Ранг	Ранг	Ранг
<i>Александра</i>		2	12	редкое
<i>Анастасия</i>		15	редкое	редкое
<i>Анна</i>		3	20	редкое
<i>Антонина</i>		9	9	редкое
<i>Валентина</i>		22	2	13
<i>Варвара</i>		18	редкое	редкое
<i>Вера</i>		7	3	14
<i>Галина</i>	редкое		6	8
<i>Евгения</i>		19	19	редкое
<i>Евдокия</i>		11	редкое	редкое
<i>Екатерина</i>		6	29	редкое
<i>Елена</i>		8	21	5
<i>Елизавета</i>		5	27	редкое
<i>Зинаида</i>		20	13	редкое
<i>Зоя</i>	редкое		14	редкое
<i>Ираида</i>	редкое		22	редкое
<i>Ирина</i>	редкое		26	6
<i>Клавдия</i>		10	17	редкое
<i>Лариса</i>	редкое		редкое	10
<i>Лидия</i>		17	4	16
<i>Любовь</i>	редкое		11	11
<i>Людмила</i>	редкое		8	7
<i>Маргарита</i>	редкое		15	редкое
<i>Марина</i>	редкое		редкое	9
<i>Мария</i>		1	10	редкое
<i>Надежда</i>		16	7	12
<i>Наталья</i>		12	28	2
<i>Нина</i>	редкое		1	15
<i>Ольга</i>		4	18	1
<i>Пелагея</i>		14	редкое	редкое
<i>Прасковья</i>		23	редкое	редкое
<i>Раиса</i>	редкое		16	редкое
<i>Римма</i>	редкое		24	редкое
<i>Роза</i>	редкое		25	редкое
<i>Светлана</i>	редкое		редкое	4
<i>Серафима</i>		21	редкое	редкое
<i>Софья</i>		24	30	редкое
<i>Тамара</i>	редкое		5	редкое
<i>Татьяна</i>		13	23	3
Всего имен — 39		24	30	16

Екатерина стали возрождать свою былую употребительность.

Однако более четкие и существенные закономерности обнаруживает не качественная, а количественная сторона женского именника. При сохранении почти постоянного процента носителей, обслуживаемых всеми частыми именами (примерно 89%), в послевоенный период заметно возрос удельный вес наиболее «плотных» слоев именника — первой пятерки (в среднем на 10%) и первого десятка частых имен (почти на 20%). По концентрации имяносителей в пределах первого десятка имен женский именник не только сравнялся с мужским, но и превзошел его (раньше он отставал от мужского на 10—15%) (см. табл. 11).

Таблица 11

Годы	1892—1902		1921—1930		1960—1969	
	женск.	мужск.	женск.	мужск.	женск.	мужск.
Все частые имена десятилетия	88,6	94,1	89,9	84,4	89,4	88,6
Десяток наиболее частых имен	57,5	70,0	57,8	71,8	76,3	71,9
Первая пятерка самых частых имен	39,3	46,6	37,0	49,9	49,1	48,0
Все редкие имена	11,4	5,9	10,1	15,5	10,6	11,4

Расширение и обновление антропонимического репертуара, преобразование статистической структуры наиболее результативных слоев как мужского, так и в особенности женского именника, ускорение темпов сменяемости не только редких, но и частых имен, особенно в подсистеме женских имен, а также другие рассмотренные выше антропонимические новшества несут на себе отражение тех социальных и культурных перемен, которые произошли в стране победившего социализма.

Если названия «русская антропонимия» (совокупность антропонимов, функционирующих у русских) и «русская антропонимика» (наука о русской антропонимии) общеприняты, то «русская топонимия» и особенно «русская топонимика» (так же как и украинская, белорусская, армянская, грузинская и т. д. топонимия и соответственно . . . топонимика) используются пока редко и потому требуют уточнения. Чаще говорят о топонимии какой-то территории (поскольку «топонимия — язык земли») или государства (топонимия СССР, топонимия Англии); употребляются, хотя и нечасто, и сочетания «топонимика СССР», «топонимика Англии, . . . Франции, . . . Италии» и т. п. Мы используем выражение «русская топонимия» для обозначения совокупности топонимов, употребляемых русским населением, попавших на русские карты, т. е. освоенных русскими людьми и считающих их своими словами, хотя по происхождению они могут быть как русскими, так и нерусскими (аналогичным образом считаем русскими освоенные нами личные имена греческого, латинского и иного происхождения). Науку, изучающую русскую топонимию в указанном смысле, логично именовать «русской топонимикой».

Наконец еще одно терминологическое замечание. В специальной литературе, помимо родового понятия и термина «топоним», употребляют видовые: макротопоним, микротопоним и мезотопоним. Макротопоним (от греч. макро — «большой» + топоним) — это наименование крупного физико-географического объекта, его собственное имя, как правило, имеющее широкую известность и сферу употребления (например: *Европа, Азия, Сибирь, Кавказ, Атлантический океан*). Микротопоним (от греч. микро — «малый» + топоним) — название незна-

чительного, «мелкого» физико-географического объекта (ручьев, колодцев, покосов, выгонов, зимовий, будок, охотничьих домиков и т. п.), известное на ограниченной территории и обычно узкому кругу людей (подробнее см.: Микротопонимия. Изд-во МГУ, 1967). Мезотопоним (от греч. мезо — «средний, промежуточный» + топоним) — термин, используемый для топонимов, как бы промежуточных между макро- и микротопонимами. Этот последний термин употребляется крайне редко.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ТОПОНИМИИ

Восточнославянские топонимы содержатся в сочинениях византийского императора Константина Багрянородного (949—952): *Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышеград, Куява* (т. е. *Киев*), в древнейших русских летописях, на старых картах. Уже авторы летописного повествования в отдельных случаях пытаются дать историческое обоснование топонимам, связывая их с той или иной личностью или особенностями местности (ср. имена легендарных основателей Киева: *Кий, Щек, Хорив* — и топонимы *Киев*, а также *Щековица, Хоривица*). Достоверность таких толкований незначительна; многие из подобных топонимов до сих пор не имеют общепризнанных объяснений и этимологий¹.

Не менее наивны и псевдоисторичны объяснения, встречающиеся в источниках XVI—XVII вв.; такой уровень «этимологизирования» был характерен и для авторов XVIII в. (В. Н. Татищева, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского; вспомним фантазии В. К. Тредиаковского: *Норвегия* — из *Наверхия, Италия* — из *Удалия* и под.²).

Научный период топонимики, как и ономастики в целом, в России начался лишь в XIX в. Если в антропонимике стартом была публикация «Славянского именослова» М. Я. Морозкина (1867), то в топонимике старт состоялся на полстолетия раньше блистательной статьей А. Х. Востокова «Задача любителям этимологии» (1812). Не содержа ни одного из терминов, принятых в современной топонимиче-

ской науке, она между тем заключала в себе, как в желуде, все необходимое, чтобы дать жизнь мощному дереву с богатой топонимической кроной. И фактический материал, и его систематизация по «окончаниям», и лингвистическая интерпретация «сходных» окончаний, и предложение о связи их с «каким-нибудь общим значением», и убеждение в неслучайности «столь часто встречающихся» сходных фактов и т. п. — все это не только не утратило своей научной ценности, но составляет основу современной топонимики, и в особенности такого ее аспекта и направления, как исследование по «топонимическим формантам».

Приведем из этой основополагающей работы несколько выдержек как общетеоретического, так и конкретно-топонимического (гидронимического) характера.

«Исследование и сравнение языков нередко употреблялось с успехом для пояснения истории и генеалогии народов, потому что из всех признаков соплеменности или сродства между народами язык сохраняется всего долее: он не зависит от климата так, как другие признаки, напр. одежда, образ жизни и даже склад тела»³.

Ценя письменные памятники как материал для сравнения языков и решения вопроса о родстве или неродстве нам (славянам, русским) скифов, сарматов и других «древних обитателей Севера», А. Х. Востоков сетует на то, что письменных памятников от этой поры не осталось, кроме небольшого числа «собственных имен, скифских или сарматских, сохраненных нам греческими и латинскими историками и, конечно, уже исковерканных ими по-своему, как они обыкновенно дельвали с варварскими. (т. е. иностранными) словами»⁴. Однако ввиду скудности таких сведений и отсутствия верных истолкований «значений» слов по ним невозможно делать какое-либо сравнение и заключение»⁵. А. Х. Востоков «весьма скудным и неверным» показанием слов из иностранных источников противопоставляет топонимию, сохраненную живым языком и «свидетельством историков». Вот как он сам говорит об этом: «Но есть другие, достовернейшие, может быть, памятники, которые сохранены купно изустным преданием и свидетель-

¹ См. хотя бы мнение Ст. Роспонда: Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. — В сб.: Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 13, 38, 41 и след.

² См.: Булич С. К. Очерки истории языкознания в России. Спб., 1904, т. I, с. 305 и след.

³ В. А. (Востоков А.). Задача любителям этимологии. — В журн.: Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств, ч. I. Спб., 1812, с. 204.

⁴ Там же, с. 205.

⁵ Там же.

ством историков, а именно названия земель, городов и естественных урочищ, т. е. рек, озер и пр. Примечания достойно, сколь вообще долговечны таковые наложенные местами названия: они нередко многими тысячами лет переживают существование того народа, от коего первоначально изречены были. Напр.: сколь многие земли и города удержали еще и поныне с небольшими токмо отменами — имена, данные им за две и за три тысячи лет египтянами, финикийцами и греками; между тем как они переменяли уже двадцать раз и вид свой, и место и служили попеременно жительствою двадцати разным племенам!»⁶ В качестве примеров устойчивости названий Востоков приводит древнейшие города России — *Киев, Новгород, Смоленск, Полоцк (Полоцк), Ростов*, построенные славянами, от них получившие «имена свои, еще и теперь неизменившиеся». Но названия городов и других поселений — еще не самые долговечные. В этом они, по мнению автора, уступают названиям естественных объектов. «Но названия рек, озер и других естественных урочищ должны быть во всякой стране гораздо древнее названий городов и областей, потому что около них селятся первобытные каждой земли жители, кочевьями или рассеянными деревушками, задолго до построения городов и до соединения в большие общества. Так и в России»⁷.

А. Х. Востоков приводит перечень формантов (частей слов), имеющих сходство «либо начальных букв, либо окончаний»: а) *га*, также *ва, ба, ма* в названиях рек и озер северной России, б) *д-нъ* с какою-нибудь гласною — в названиях некоторых больших рек не только в России, но и далее к югу, почти по всей Европе, в) *к-лъ* или *г-лъ* с какою-нибудь гласною — в названиях некоторых рек юго-восточной России, а затем соответствующий гидронимический материал:

«*Га*; начиная с севера от берегов Ледовитого моря: *Пинега, Вага, Онега* — река и озеро, *Серга* озеро (в Лапландии), *Серго* озеро (в Олонецкой губернии), *Ладога* озеро; *Лоптюга, Ловтюга, Ярена, Пукиенга, Нименга* — речки в Архангельской и Вологодской губерниях, впадающие в Мезень, в Вычегду и пр.; *Юг* или *Юга* — река и впадающие в нее речки *Кичменга* и *Шартенга*; *Орга, Уфтюга* — речки,

⁶ Востоков А. Указ. соч., с. 206.

⁷ Там же, с. 207.

впадающие в Сухону; *Луга* — речка в С.-Петербургской губернии; *Кокшага, Юнга, Ветлуга, Саранга, Сахтанга, Свиляга* — река и речки, впадающие в Волгу, и пр. И наконец, *Волга*... Может быть, сюда же принадлежат: *Вологда, Вычегда, Судогда, Нерехта*, где *га* превращается в *гда*; также *Ока, Тьмака* и некоторые другие, где *га* в *ка* превращается...

Начиная с севера же, однако более в средней полосе России, встречаются в названиях рек и озер *ва, ба, ма*... *Колва, Полва, Лозва, Сосва, Сылва* — речки в Пермской губернии; *Ягорба* — речка, впадающая в Шексну, *Холова* — во Мсту, *Нарова*, или *Нарва*, — в С.-Петербургской губернии, *Нева* река и *Нево* озеро (старинное название Ладожского озера), *Москва* река (сообщившая наименование столице Русского царства); *Протва*, впадающая в Оку, *Сева* — в Десну, *Витба* — в Двину, *Уфа* — в Каму, *Уна, Свопа* — в Малороссии; *Цыльма, Пижма, Ижма* — речки, впадающие в Печору; *Кем* — река, впадающая в Белое море; *Вым* — в Вычегду, *Уржум* — в Вятку; *Сейм* — в Малороссии; *Чухлома* озеро, *Кострома, Богульма, Крсна, Яхрома, Клязьма, Шешма, Вязма, Кама, Кума* — впадающая в Каспийское море; *Эмба*, по-татарски *Джима*, и многие другие.

Д-НЪ; Д-нъ большим только рекам придается и распространяется почти по всей Европе, напр. *Дон*, известный древним грекам под именем *Танаиса*; обе *Двины*, северная и западная; *Дунай* . . . (у греков *Истр*), *Днепр* (у греков в средние века *Данаприс*, в древности *Бористен*); *Днестр* (у греков в средние века *Данастрис* или *Данаст*, в древности *Тирас*), *Родан* в Галлии, ныне *Рона*; *Эридан* в *Италии*, древнейшее имя реки *По*.

К-ЛЪ, Г-ЛЪ; окончание *к-лъ* или *г-лъ* есть общее в названиях некоторых рек юго-восточной России, древнего местопребывания хазар, печенегов и половцев: *Оскол, Вороскла* (в старинных летописях *Ворскола*), *Деркул, Ингул, Телигул, Калуг* — славный победою Румянцева, *Кагальник, Каяла* (упоминаемая в песни о походе Игоря). И может быть, сюда же принадлежит *Калка*, известная несчастным сражением русских князей с Батыем»⁸.

Размышляя над элементами *га, д-нъ, к-лъ* и проч., общими многим названиям рек, А. Х. Востоков считает ес-

⁸ Востоков А. Указ. соч., с. 209—214.

тественнее всего предположить, что «они на каких-либо языках означают воду или же поток, реку, т. е. текущую воду»⁹. Более того, он полагает, что называть реку, близ которой селились пришельцы, «просто водою» было вполне естественно и лишь затем нарицательное имя «обратилось в собственное». Логичен и другой вывод — о дифференциации разных «вод» именем прилагательным, «по главному какому-нибудь качеству в оных примечаемому. Напр.: быстрая, мутная, желтая, синяя, глубокая, мелкая и проч. вода или река»¹⁰. Итак, если слова *га*, *д-нъ*, *к-лъ* и им подобные значат вода или река, то «приложенные к оным слоги, напр. *Оне-га*, *Ладо-га*, *Вол-га*, *Днепр*, *Днестр*, *Дер-кул*, *Ин-гул*, суть, вероятно, прилагательные, коими означаетсся какое-нибудь качество тех рек»¹¹. Впрочем, тонкий и предусмотрительный исследователь А. Х. Востоков допускал и возможность сходных флексий для существительных и прилагательных, например, в каких-либо «финских диалектах», показывая сложный характер подлежащего анализу материала и необходимость учета звуковых и грамматических особенностей неславянских языков, принимавших участие в формировании топонимии нашей страны.

Примерно тем же словообразовательным путем к анализу неясных гидронимов шел другой зачинатель русской топонимики — Н. Н. Надеждин. «Имя Волги, — размышлял он, — как будто звучит по-русски: «влага, волога»... Впрочем, стоит только перечесть притоки, чтоб увериться, что весь ее бассейн носит названия совершенно не русские, не славянские... Не исследуя, к какому языку принадлежат эти тарабарские названия, заметим только, что в большей части их звучат окончания *ва*, *га* и *ма*, которые можно признать типическими в отношении к номенклатуре Волжской гидронимической системы: этот типический признак находится и в самом имени «Волга»¹². Его внимание привлекли и другие созвучные «окончания» в названиях рек: *Сухона*, *Уна*, *Кубина*, *Шексна*, *Цна*; *Юг*, *Уфтюга*, *Лопитюга*; *Ладога*, *Онега*; *Нева*, *Нерова*. Цель исследователя — по топонимам, «по географической номенклатуре» прочитать

⁹ Востоков А. Указ. соч., с. 214.

¹⁰ Там же, с. 215.

¹¹ Там же, с. 215.

¹² Надеждин Н. Н. Опыт исторической географии русского мира. — Библиотека для чтения, 1837, т. 22, отд. III, с. 50.

«историю человеческую», в частности, определить древнее расселение славян и соседних народов.

К выяснению языковой принадлежности гидронимов с неясными (по-видимому, неславянскими) основами подключились финноугроведы. Первым среди них был русский академик А. М. Шегрен (1794—1855), лингвист широкого профиля, историк, этнограф и археолог. Занимаясь северорусской топонимией, он связал повторяющиеся в названиях рек форманты *-йонга*, *-йенга*, *-енга*, *-онга* с гидронимами на *-йук*, *-йуга*, *-йога*, *-йега*, *-ега*, *-ога*, *-га* (в которых лишь нет звука *н*) и оба эти ряда возвел к финно-саамским названиям, включающим слово «йоки, йоги, йокка, йук, йух» — «река». Другую анализируемую им топонимику (названия населенных мест на *-немя*) он причислял также к прибалтийско-финской¹³.

М. А. Кастрен (1813—1852), крупнейший лингвист и этнограф XIX в., по заданию Петербургской Академии наук выполнял инструкцию А. М. Шегрена, во время своих многочисленных и длительных путешествий изучал культуру, язык и топонимию народов Финляндии, Северной России и Сибири. Его научное наследие составило 12 томов, в котором богато представлены и материалы его экспедиционных маршрутов (Русская Карелия, Терский берег, Двинская губа, Холмогоры, Пинега, земли ненцев, коми-зырян, пермяков, Тобольск, Березово, Обдорск, Томск, Красноярск, бассейн Енисея, Ачинская и Минусинская степи, Саяны, Нижнеудинск, Кяхта, Чита). Обладая широким научным кругозором (лингвист, этнограф, географ и др.) и огромным по пространственному охвату и лингвистической принадлежности фактическим материалом, этот ученый смог рассмотреть топонимию и соприкасающиеся с нею пласты лексики русского, финно-угорских, тюркских и самодийских народов. Так, описывая путешествие по р. Мезень и Мезенской тундре, он приводит русские, зырянские и ненецкие географические термины (кстати говоря, лежащие в основе многих топонимов): *тундра*; *мъянда* — «реденький ельник»; зырянское *ёра* — «густой ивовый кустарник», *щелья* — «возвышение на берегах»; ненецкое *я* — «земля»; в описании Сибири — *курьи*, *протоки* — «рукава или разветвления реки, уходящие далеко в равнины»,

¹³ См.: Туркин А. И. Топонимика Севера России в трудах финноугроведов XIX — начала XX в. — В сб.: История топонимики в СССР. Тезисы докладов. М., 1967, с. 26—27.

яр — «высокий обрывистый берег», *пески* — «далеко выходящиеся в реку отмели», *ломы* — «занысы реки», *урманы* — «высокие обрывистые пустоши, поросшие соснами, елями, кедрами, лиственницей»; хантыйское *юган* — «река», *унт-пелек* — «горная сторона» (правый берег Иртыша), *уигит-пелек* — «луговая сторона» (левый берег Иртыша) и др. В «Заметках о Заволоцкой Чудии» собранные в Заволожье (Двинская земля) топонимы М. А. Кастрен делит на группы, этимологизируемые из прибалтийско-финских, коми-зырянских и саамского языков. В частности, он отмечает с большой точностью коми-зырянское происхождение топонимов, включающих слова: *курья* — «небольшой залив, протока» (*Падрокурья, Кунчукурья, Валдакурья*), *юр* — «голова» (*Юрас, Юрола*), *ва* — «вода», *щелья* — «холм», саамское происхождение названий р. *Кулой* (из *куолле* — «рыба» и финское *ойа* «ручей»), *Соломбала* (из *суолло* — «остров») и др., верно этимологизирует он и гибридные топонимы: о-в *Кягостров* (из *кяки* «кукушка» и русское *остров*), *Сельгозеро* (*селка* — «спина, кряж» и русское *озеро*), дер. *Хаврагорье* (из *каура* — «овес» и русское *гора*). Многие этимологии, а также общенаучные гипотезы этого исследователя не потеряли актуальности и по сей день¹⁴. Определенный вклад в изучение субстратной по происхождению севернорусской топонимии внесли финноугроведы Д. Европеус, М. П. Веске, позднее — А. Канисто, Я. Калима, Э. Тункело. В работе «К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян» Д. Европеус писал: «...эти дорусские названия местностей, встречающиеся в северной и средней России от Ледовитого океана до реки Оки и от городов Витебска и Полоцка, большую часть югорского или угорского происхождения, то есть принадлежат языку предков наших венгров или мадьяров, вогуличей и остяков»¹⁵. Однако в языковой атрибуции (отнесении к языку-источнику) многих сотен топонимов, которыми занимались указанные ученые, до сих пор немало спорного. Исключительно многослойна и сложна топонимия Европейского Севера, в

¹⁴ См.: Агеева Р. А. Топонимика в трудах М. А. Кастрена. — В сб.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970, с. 73—80.

¹⁵ Европеус Д. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. — ЖМНП, ч. 139. Спб., июль, 1868, с. 58.

ряде случаев несоотносимая с известными финно-угорскими языками.

Собирание и изучение ономастики тюркоязычного и монгольского происхождения связано с именем основателя научной тюркологии В. В. Радлова (1837—1918). Топонимический анализ у этого исследователя начинался с грамотной характеристики материала (с описания свойств самого географического объекта, с записи наименований объекта, бытующих у разных народов, например: г. *Кузнецк* — по-телеутски *Аба-тура*, г. *Бийск* — *Пи-тура* и т. д.), с рассмотрения тех географических названий, которые обычно входят в состав топонимов, причем особое внимание автором уделяется гидронимам, поскольку они, как правило, служили базой для наименований населенных пунктов, а нередко и народов (алтайцы и шорцы Северного Алтая, по замечанию В. В. Радлова, «называют себя по рекам, на берегах которых они живут»). Ученый показал географическую семантику тюркского слова *баш* (*бас*) — «голова», имеющего в составе гидронимов значение «начало, исток (реки)», дал ряд приемлемых и ныне этимологий. Несомненной заслугой В. В. Радлова является показ исключительной роли наименований рек в топонимии Сибири¹⁶.

В 1847 г. по инициативе Русского географического общества (РГО) и Второго отделения Академии наук было опубликовано обращение «От Русского географического общества», которое призывало к собиранию местных географических терминов. На него откликнулись географы и диалектологи, стал поступать массовый материал. Появлялись и статьи, посвященные отдельным географическим названиям, Н. Я. Данилевского (о словах *лиман* и *ильмень*, 1869), П. А. Лавровского (о словах *ляд*, *лядина* в связи с происхождением этнонима *лях*, 1870), П. Г. Лебединцева (о термине *болонье* в связи с определением местности, называемой Олеговой могилой) и др.¹⁷ В 1878—1879 гг. А. и С. Будиловичи, собрав

¹⁶ См.: Благова Г. Ф. В. В. Радлов и изучение топонимии Сибири. — В сб.: Развитие методов топонимических исследований, с. 80—90; Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974, с. 34—35.

¹⁷ См.: Толстой Н. И. Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии. — В сб.: История топонимии в СССР. Тезисы докладов. М., 1967, с. 14—17.

значительный материал, предпринимают попытку на его основе дать общую географическую характеристику прародины славян (в труде «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным»¹⁸). Эта интересная задача и теперь приковывает к себе внимание лингвистов, этнографов и географов.

С поступлением и публикацией материала по русским географическим названиям все лучше осознавалась необходимость более тщательной его лингвистической обработки. Академик Я. К. Грот писал: «Нет сомнения, что учение географии приобрело бы несравненно более смысла и интереса, если бы встречающиеся в ней названия мест и урочищ были более, нежели до сих пор делалось, освещаемы филологией, то есть по мере возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя никогда не бывает случайным и лишенным всякого значения. В нем по большей части выражается или какой-нибудь признак самого урочища, или характерная черта местности, или намек на происхождение предмета, или, наконец, какое-нибудь обстоятельство, более или менее любопытное для ума и воображения»¹⁹.

В конце XIX — начале XX в. продолжается собирание и осмысление материала по гидронимии (составляются списки рек бассейнов Днепра, Днестра, Буга и т. д. П. Л. Маштаковым и др.), названиям населенных мест (И. А. Износков, А. Ф. Орлов), географической номенклатуре (В. В. Ламанский, Л. С. Берг, Ф. П. Саваренский), с большей пристальностью исследуется и описывается этнография и топонимия отдельных финно-угорских народов — коми, удмуртов, марийцев, мордвы (И. Н. Смирнов и др.). И хотя многие неясные по происхождению топонимы в это время продолжают возводить к древним финно-угорским языкам (в частности, к языку мери и других исчезнувших народов), появляется сомнение в возможности доказать подобные этимологии. Под влиянием малоубедительных работ о финно-угорском происхождении названий рек, населенных мест и этнонимов (типа

¹⁸ См.: Будиловичи А. и С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, ч. 1, вып. 1, 1878; вып. 2, 1879.

¹⁹ Грот Я. К. Заметка о топографических названиях вообще. — ЖМНП. Спб., ч. 136, ноябрь, 1867; Он же. Заметка о названиях мест. — В кн.: Филологические разыскания, т. 1. Спб., 1876, с. 617.

пинежане, пошехонцы, кержаки) таких авторов, как С. К. Кузнецов, И. Н. Смирнов и др., у академика А. И. Соболевского возникла мысль попытаться найти объяснение этимологически темным гидронимам на совершенно иной — индоиранской («скифской») основе, чему он и посвятил серию этюдов, опубликованных большей частью уже в советское время.

В первые десятилетия после победы Великой Октябрьской социалистической революции идет разработка тем, начатых в основном в дореволюционный период: публикуются работы А. И. Соболевского, В. П. Семенова-Тян-Шанского, В. Б. Шостаковича, П. Л. Маштакова, Н. Я. Марра и др.

В многочисленных статьях А. И. Соболевского: «Русские местные названия и язык скифов и сарматов» (1910), «Русско-скифские этюды» (1923), «Новые русско-скифские этюды» (1926), «Несколько местных названий Воронежского края» (1926), «Названия рек и озер Русского Севера» (1927), «Славяно-скифские этюды» (1928, 1929) — настойчиво проводится идея об ирано-скифском происхождении гидронимии европейской части СССР. Столь же необоснованны были поиски в топонимии Европы и Сибири яфетического начала Н. Я. Марром. Современная наука не принимает общей концепции и конкретных этимологий этих ученых, считая их подход антиисторичным. Критический анализ их топонимических работ дан А. И. Поповым²⁰, Е. М. Поспеловым²¹ и Э. М. Мурзаевым²².

Не потеряли своей научной значимости богатые фактическими данными работы В. П. Семенова-Тян-Шанского («Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест?» — 1924, «Топонимическая карта Восточно-Европейской равнины», 1934), В. Б. Шостаковича («Историко-этнографическое значение названий рек Сибири», 1926), П. Л. Маштакова («Материалы для областного водного словаря», 1931, «Список рек Донского бассейна», 1934, «Топонимика — язык Земли», 1939) и других

²⁰ См.: Попов А. И. Об историческом методе в топонимических исследованиях. — В сб.: Развитие методов топонимических исследований, с. 33—36.

²¹ См.: Поспелов Е. М. Советская топонимика за 50 лет. — В сб.: Топонимика, вып. 3. М., 1969, с. 5.

²² См.: Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 38—39, 43—44.

исследователей. Топонимией нашей страны занимались и зарубежные ученые (К. Мошинский, А. Канниста, Я. Калима и др.).

Довоенный период в истории советской топонимики завершила статья А. М. Селищева «Из старой и новой топонимии» (1939), содержащая историко-социальный и лингвистический анализ топонимов центра России, их лексико-семантическую и морфолого-словообразовательную классификацию²³. Многие теоретические и методологические положения этого незаурядного труда были успешно развиты в следующем, послевоенном (современном) периоде советской ономастической науки.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РУССКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НАУКИ

После Великой Отечественной войны возобновилась ономастическая работа. Первой послевоенной публикацией была программная статья академика С. Б. Веселовского «Топонимика на службе истории» (1945), открывшая собой серию исследований историко-топонимического и историко-географического характера. «Топонимика в историческом разрезе, — указывал С. Б. Веселовский, — изучает происхождение географических терминов, выясняет местонахождение несуществующих селений, изменения и смену одних терминов другими. Таким образом, историческая топонимика является по существу очень важной частью исторической географии»²⁴. За ней последовали многочисленные работы А. И. Попова: «Топонимика как историческая наука» (1947), «Топонимическое изучение Восточной Европы», «Топонимика Белозерского края», «К вопросу о мордовской топонимике» (1948), «Материалы по топонимике Карелии» (1949), а также «Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР» (1961), «Основные задачи исторического изучения топонимики СССР» (1962) и др.

В 1950 г. на заседании отделения Истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества СССР создается Топонимическая комиссия МФГО, в бюро которой избраны В. А. Ни-

²³ См.: Селищев А. М. Из старой и новой топонимии. — В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968, с. 45—96.

²⁴ Веселовский С. Б. Топонимика на службе истории. — В сб.: Исторические записки, вып. 17, М., 1945, с. 24.

конов (председатель), О. Р. Назаревский, А. В. Суперанская (ученый секретарь). На первом заседании был заслушан и обсужден доклад В. А. Никонова «Западная граница мордвы». До конца 1961 г. комиссия провела 18 заседаний, сплотив тем самым в единый научный коллектив топонимистов Москвы и ряда городов страны и создав научно-организационные предпосылки для проведения топонимической работы во многих университетах и педагогических институтах РСФСР и союзных республик. В 1962 г. Топонимическая комиссия МФГО в составе В. А. Никонова, Е. М. Поспелова, Г. П. Бондарук, Н. В. Подольской и др. при участии Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Министерства просвещения РСФСР провела совещание «Топонимика в вузах», в котором работали представители 18 вузов: Москвы, Тулы, Рязани, Ярославля, Череповца, Томска, Шадринска и др.

Активизировались топонимические исследования и в академических институтах. Большим событием в русской, славянской и мировой топонимической науке явилось издание в 1962 г. фундаментального исследования В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья»²⁵. В книге дан тщательный анализ словообразовательных типов славянской гидронимии Верхнего Днепра, следов балтийской гидронимии, помещен этимологический словарь гидронимов (балтийские, славянские и прочие названия), приложено 13 карт, среди которых: «Иранские, финские и балтийские гидронимы в Верхнем Поднепровье», «Старые славянские гидронимы Верхнего Поднепровья (ранний этап заселения)» и др.

Изучению топонимов в историческом аспекте способствовало переиздание в послевоенные годы «Книги Большому Чертежу»²⁶, составленной в 1627 г., в эпоху становления русского национального языка, и дающую целостное представление о топонимии русского языка — ее гидронимии, ойконимии (названиях городов, сел, деревень), оронимии (названиях гор и др.). Особенно ценен этот источник для изучения названий водных объектов, поскольку географическое описание России в нем сделано по рекам, служившим

²⁵ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

²⁶ См.: Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.

в то время основными путями сообщения. Приведем отрывок из этого ценнейшего памятника, он даст представление о характере этого официального по происхождению и практического по назначению документа, насыщенного топонимами разных видов:

«А от Москвы до Серпухова 90 верст.

А Серпухов стоит на реке Наре, от Оки с версту.

А Нара река пала в Оку, ниже Серпухова с версту, выше перевозу; а на тот перевоз от Серпухова дорога на Тулу.

А от Тулы до Серпухова 70 верст.

От Серпухова же до Каширы 40 верст.

До Алексина от Серпухова 40 же верст.

А от Колуги до Серпухова 80 верст.

А Тула город каменной, стоит на реке Упе, на левом берегу, а река вытекла от Куликова поля с Муравского шляху.

А ис под Тулы река Упа потекла под Крапивну да под Одоев и пала выше Лихвина в Оку, верст с 7».

В 1964 г. под редакцией В. А. Никонова и О. Н. Трубачева выходит сборник материалов совещания «Принципы топонимики», проведенного в Москве в 1962 г. АН СССР и Топонимической комиссией МФГО СССР. Авторы рассматривают вопросы теоретической ономастики (В. Н. Топоров), основные принципы и пути топонимических исследований (А. И. Попов, В. А. Никонов), главнейшие направления и аспекты изучения топонимии (Э. М. Мурзаев), применение картографического метода в топонимике (Е. М. Поспелов) и др.²⁷

Один за другим выходят научные сборники МФГО Союза ССР «Географические названия» (1962) и «Изучение географических названий» (1966), в которых значительное число статей посвящено топонимии России, методологическим вопросам, характеристике топонимического ландшафта отдельных территорий (регионов, областей)²⁸. Так, В. А. Никонов дает характеристику славянского топонимического типа (он характеризуется названиями, образованными с помощью суффиксов: *Иваново, Ленинск* и под.). В. Н. Топоров пишет о задачах изучения балтийской топонимии русских территорий, Г. Я. Сими́на приводит материал по дославян-

²⁷ См.: Принципы топонимики. М., 1964.

²⁸ См.: Вопросы географии. Сборник 58. Географические названия. М., 1962.

ской топонимии Пинежья (Архангельская обл.), Н. В. Подольская анализирует на материале Новгородской территории типичные формы славянизации (полной и частичной) иноязычных топонимов (*Невка, Двинка, Ильменка, Вонечица, Мокшица, Подвинье, Обонежье, Соколова лахта*, финское название острова *Кайвисари* — и его русский перевод *Березовый остров* и др.), А. В. Суперанская обращает внимание на распространенные ошибки в «этимологизировании» топонимов и антропонимов (названы «по растениям», «по минералам» и под.), показывая вред упрощенческого подхода к изучению топонимии. Во втором сборнике рассматриваются закономерности становления восточнославянской топонимии (Ю. А. Карпенко), русская гидронимия Сибири (И. А. Воробьева), ареалы дорусских топонимов Севера и Средней Сибири (А. К. Матвеев, А. П. Дульзон), наименования и переименования в городах (А. В. Суперанская).

В начале 1965 г. в Ленинграде проведена первая Всесоюзная конференция по топонимике СССР²⁹, послужившая стимулом для развертывания топонимических исследований по всей территории страны. Уже в следующем году в Риге состоялась Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР, на которой анализировалась топонимия балтийская, белорусская, украинская, русская и финно-угорская.

С 1967 по 1974 г. проведено пять Поволжских конференций по ономастике (в Ульяновске, Горьком, Уфе, Саранске, Пензе); на каждой из которых работали топонимические секции. Труды этих конференций составили заметный вклад в топонимику Поволжья и сопредельных территорий³⁰. Инициатором ономастических конференций Поволжья, как и ряда других подобных конференций, был В. А. Н и к о н о в и руководимая им группа ономастики при Институте этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

В. А. Никонову принадлежит заслуга создания в середине 60-х годов книг «Введение в топонимику»³¹ и «Краткий

²⁹ См.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР. 28 января — 2 февраля 1965 года. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965.

³⁰ См.: Ономастика Поволжья, вып. 1—4, 1969 — Ульяновск, 1971 — Горький, 1973 — Уфа, 1976 — Саранск. См. также: Русская ономастика. Республиканский сборник. Рязань, 1977.

³¹ См.: Н и к о н о в В. А. Введение в топонимику. М., 1965.

топонимический словарь»³², которые и теперь не потеряли ценности: первая — как учебное пособие, знакомящее с семантикой топонимических названий, их формой, историей топонимов и топонимической системы в целом и др., вторая — как самый полный свод географических названий СССР и всего мира с этимологиями (своими и предшественников).

Проведенные в Москве, Ленинграде, Риге, Ульяновске, Горьком и других городах страны ономастические конференции, совещания и семинары активизировали работу на местах. В ряде университетов и педагогических институтов сложились топонимические группы, выполнившие основной труд по экспедиционному обследованию областей и более крупных регионов. В 60-е годы в дополнение к Москве и Ленинграду топонимические центры возникли в Свердловске (руководитель А. К. Матвеев), Томске (А. П. Дульзон), Перми (Ю. Г. Вылежнев), Ульяновске (В. А. Никонов, В. Ф. Барашков), Горьком (Л. Л. Трубе), Муроме (В. И. Тагунов), Ярославле (Г. Г. Мельниченко), Пензе (В. Д. Бондалетов), активнее начали заниматься топонимикой в Рязани, Курске, Воронеже, Калуге, Тамбове, Волгограде, Казани, Чебоксарах, Ижевске, Саранске, Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Уфе, Челябинске, Иркутске, Шадринске, Магадане, Владивостоке. Большой размах получила топонимическая работа и в союзных республиках — на Украине, в Белоруссии, в республиках Прибалтики, Кавказа, Средней Азии. Наиболее сильные топонимические коллективы начали издавать периодические сборники: в Свердловске — «Вопросы ономастики» (вып. 1—6, 1962—1972, продолжение — «Вопросы ономастики», вып. 7—14, 1974—1980), в Томске — «Языки и топонимия Сибири», (т. 1—5, 1972—1977), в городах Поволжья — «Ономастика Поволжья» (вып. 1—4, 1969—1976) и др. В 1968 г. В. А. Жучкевич вторым изданием выпускает свою «Общую топонимику», в которой дается сводка результатов топонимического изучения СССР, и в частности основных районов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (север Центра европейской части РСФСР, юг Центра европейской части РСФСР, Кольский

³² См.: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь, М., 1966.

полуостров, Карельская АССР, Ленинградско-Псковско-Белозерский район, Двинско-Онежский район, северо-восток европейской части РСФСР, Среднее Поволжье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Нижний Дон, Калининская область, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Советская Арктика)³³.

В 70-е годы продолжала расти интенсивность топонимических исследований в нашей стране. Так, за пятилетие опубликовано более 50 монографий и около 500 статей, многие из них посвящены топонимике России. Академия наук СССР и Географическое общество СССР в 1972 г. провели большую научную конференцию «Топонимия Центра», на которой обсуждались вопросы топонимии Центральной России, в частности была подтверждена своевременность и правильность решения Топонимической комиссии МФГО о создании Топонимического атласа Центра (ТАЦ). Выпущенный два года спустя сборник «Топонимия Центральной России»³⁴ представляет собой теоретическую базу и исходный материал для такого атласа. Топонимический атлас Центра будет состоять из вводного и трех основных разделов, содержание которых определяется тематикой карт³⁵. Во вводном разделе будут карты современного и дореволюционного административного деления, историко-этнические (на различные периоды), археологические.

Первый раздел посвящается русской топонимии: А. ее лексико-семантической характеристике, в частности картографированию местных географических терминов, обозначающих населенные пункты (город, село, сельцо, поселок, слобода, хутор и т. д.), водные объекты (река, речка, ручей, озеро, залив...), положительные и отрицательные формы рельефа (гора, холм, сопка; дол, низина, лог, овраг, буерак...), ландшафтные объекты; эта часть раздела может быть названа «предтопонимической»; Б. картографированию словообразовательной структуры ойконимии (названий на-

³³ См.: Жучкевич В. А. Общая топонимика. 2-е изд. испр. и доп. Минск, 1968, с. 11—193. Ср. также: 3-е изд., 1980.

³⁴ См.: Вопросы географии. Сборник 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.

³⁵ См.: Поспелов Е. М. Содержание Топонимического атласа Центра. Там же, с. 34—58; Он же. Топонимика и картография. М., 1971, с. 212—216; Он же. Построение и источники Топонимического атласа Центра. — В сб.: Топонимия Центра (Тезисы докладов). М. МФГО, 1972, с. 7—9.

селенных пунктов) и гидронимии, в частности показу основных способов словообразования, арсенала топонимобразующих суффиксов и префиксов, в особенности наиболее господствующих на картографируемой территории, топонимов-композиций (образованных словосложением), топонимов-словосочетаний и т. д.; на картах будет показана гидронимия общеславянского, восточнославянского и собственно русского происхождения; В. исторической стратиграфии, а именно показу топонимов: а) возникших в советское время, б) в новое время и средние века, в) наиболее древних (ранних) славянских гидронимов.

Второй раздел ставит целью показать нерусскую топонимию, в особенности в зоне русско-украинских, русско-белорусских и других русско-иноязычных контактов (в частности, топонимию, включающую мордовские географические термины типа *лей*, *ляй* — «речка, овраг», а также этнонимы мокша (г. *Мокшан*), эрзя (его предполагают в названиях *Арзамас*, *Рязань*), мордва (*Мордовия* и др.).

Третий раздел картографирует субстратную топонимию: а) так называемого севернорусского типа (до сих пор еще не совсем разгаданную), б) иранскую, в) балтийскую, г) тюркскую, д) топонимию, не относимую к другим типам.

Каждая из карт и их серий будет иметь географический, лингвистический, а в ряде случаев и исторический комментарий.

Хорошая теоретическая обеспеченность этого научного предприятия, коллективный характер его исполнения, обилие фактического материала — синхронного и диахронического — должны обеспечить высокое качество Топонимического атласа Центра — территории, где возникла русская государственность, где вокруг Москвы сплотилось население славянского и неславянского происхождения, где отражалась нашествия иноземных поработителей, где каждое географическое название является живой строкой славной и героической истории нашей Родины.

1976 г. знаменателен проведением первой Международной ономастической конференции «Перспективы развития славянской ономастики». В Москву для обсуждения теоретических проблем ономастической науки, славянских ономастических ареалов в топонимии, антропонимии, космоимии и т. д., оформления и функционирования славянского (русского, украинского, белорусского, польского, болгарского...) имени собственного в иноязычном окружении

(германском, романском, а также тюркском, финно-угорском и т. д.), вопросов теории и практики ономастической лексикографии собрались ученые Советского Союза, Польши, Чехословакии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Венгрии и других стран. Помимо докладов, содержащих результаты исследования славянской ономастики, участники конференции отвечали на анкеты. Одна из них касалась ономастических, в частности топонимических, ареалов. Здесь стояли такие вопросы: «Где бы вы провели границы русской, украинской и белорусской зон восточнославянского ономастического ареала?», «Должен ли ономастический атлас отражать лишь синхронный срез или он должен включать элементы диахронии? Какие?». Ответы на эти и другие дискуссионные и сложные вопросы обобщены и опубликованы в трудах конференции, в частности в специальных обзорах: «Обзор ответов на анкету об ономастических атласах» (составитель Н. И. Толстой), «Обзор ответов на анкету об ономастических словарях» (Н. В. Подольская) и др.³⁶ Исключительно интересным представляется раздел книги «Обзор состояния работы по ономастике. Планы. Предложения». По нему можно судить не только о переднем крае современной ономастики, но и о путях ее дальнейшей разработки. Многие из методологических положений, обсужденных и принятых на конференции, могут быть использованы при изучении топонимии нашей страны, в частности русской топонимии.

Международные конференции — не единственная форма контактов советских ученых с зарубежными коллегами. Кроме названной конференции, топонимическая проблематика бывает представлена на Международных съездах славистов (уже состоялась 9 таких съездов, 10-й состоится в 1983 г. в Киеве), Международных конгрессах финноугроведов (проведено 5 конгрессов, очередной намечено провести в СССР, в столице Коми АССР Сыктывкаре), Международных конгрессах лингвистов (их проведено 12). Однако шире и полнее ономастические проблемы присутствуют в программах специальных Международных ономастических конгрессов (их состоялось 13, последний — в 1978 г. в Кракове). На них всегда бывает секция славянской ономастики

³⁶ См.: Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980, с. 169—179, 244—247, 369 и след.

и, как правило, имеются доклады, посвященные русской ономастике в ее современном состоянии и историческом развитии.

Конгрессы, съезды, конференции активизируют исследовательскую работу. Они оказываются своеобразными вехами в разработке научных проблем, помогают осмыслить сделанное и то, что предстоит сделать. Особенно ценны входящие в традицию реферативные обзоры в тематических сборниках, специально выпускаемых к конгрессам. Так, к XIII Международному ономастическому конгрессу (Краков, август 1978 г.) Академия наук СССР, Институт научной информации по общественным наукам и Институт языкознания издали сборник «Ономастика. Проблемы и методы. (Материалы к XIII Международному ономастическому конгрессу)» (М., 1978), в котором наряду с обзорами «Теория ономастики в работах по общему языкознанию», «Научная ономастическая терминология», «Ономастические источники» находим тщательно подготовленные и систематизированные обзоры «Топонимика» (автор И. А. Воробьева), «Местные географические термины в топонимии» (Е. М. Поспелов), «Гидронимика» (Р. А. Агеева). Немалый вклад советские ученые вносят в изучение топонимии зарубежных стран. И для нас полезны работы зарубежных коллег. Творческое сотрудничество — основа новых успехов ономастической науки.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОНИМИИ РОССИИ

Известный советский топонимист-географ Э. М. Мурзаев следующим образом характеризует количественный состав топонимов и их роль в жизни человека: «Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше мышление с раннего детства. Все на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Родное село, улица, на которой он живет, город, страна — все имеет свои имена. Ежедневное чтение газет, классической литературы, изучение истории культуры и развитие науки приводят к новому, все расширяющемуся запасу географических названий в нашем языке»³⁷.

³⁷ Мурзаев Э. М. Географические названия. — География в школе, 1962, № 4, с. 24.

Ответить на вопрос о количестве топонимов гораздо сложнее, чем сказать об их роли в жизни человека, об их многообразных функциях в обществе. Географическое название — это и адрес населенного пункта, и его история, и источник научной информации, и предмет гордости, поэтического воспевания и эстетического наслаждения человека. Об исключительной важности, например, адресной функции топонимов образно и убедительно сказал В. А. Никонов: «Вообразим на мгновение, что с нашей планеты исчезли все географические названия — городов, сел, рек, морей, гор, стран, улиц. Тотчас остановилась вся работа почты. В напрасных поисках мечутся пожарные машины и скорая помощь — никаких адресов нет. Парализован транспорт: никто не знает, куда едет, где пересечь, а где сойти; грузы вместо Марселя едут в Гонолулу. Мировое хозяйство распалось, человечество отброшено к первобытному состоянию. И все из-за такой мелочи, как названия. Всего только слова!»³⁸ И все же, сколько их, этих важных слов, без которых не может обойтись ни один человек, ни все человечество? На этот вопрос должен последовать встречный: а где? На всей «нашей планете»? В нашем языке? Если на всей планете Земля, то надо говорить о «мировом запасе» топонимов, а он измеряется, видимо, многими сотнями миллионов: только на территории Швеции, сравнительно небольшой страны, их записано 12 млн. Если «в языке», то надо решить нелегкую проблему: входят ли в русский язык названия *Лондон, Париж, Нью-Йорк, Англия, Франция, США, Япония, Темза, Сена, Гудзон* и под.? Большинство языковедов склоняется к тому, чтобы, несмотря на их явную «иностранность», считать их функционирующими в нем на правах особого рода иностранных слов. Однако вхождение их в русскую речь (язык) еще не означает, что это русские топонимы. Ниже в состав русской топонимии мы включаем лишь то, что служит названием объектов физико-географического, общественно-экономического и т. п. характера, расположенных на территории РСФСР³⁹.

Но и при таком географически суженном определении количественный состав топонимов России исчисляется миллионами, а их качественный состав оказывается столь раз-

³⁸ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965, с. 8.

³⁹ См. аналогичный подход в кн.: Жучкевич В. А. Общая топонимика. 3-е изд., перераб. Минск, 1980, с. 118—200.

нообразным, что порождает стремление попытаться найти в них какие-либо общие и различительные черты и закономерности, т. е. провести их группировку, а при обнаружении общих оснований — и классификацию их. И такие попытки предпринимались в течение всего научного периода развития русской, а также славянской и европейской ономастики.

ГРУППИРОВКИ И КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ТОПОНИМОВ

В принципе огромную и разнообразную массу топонимов можно классифицировать по разным основаниям и разбивать на очень большое число различных «подмножеств». Поэтому речь должна идти о наиболее целесообразных группировках, которые бы отражали существенные черты объекта и тем самым способствовали его глубокому и всестороннему познанию. Такие классификации выдвигались в славянской и русской топонимике в XIX и XX вв. (см. работы Ф. Паляцкого, Ф. Вондрака, Т. Войцеховского, М. Ф. Сумцова, Ф. Буяка, А. И. Соболевского, А. М. Селищева, С. А. Копорского, В. Н. Топорова, В. А. Никонова, В. А. Жучкевича, А. В. Суперанской и др.). Ознакомимся с некоторыми из них.

Ф. Паляцкий в работе «Этимологический разбор чехословацких названий» (1834) местные географические названия делил на две группы в зависимости от их происхождения: 1) от имен основателей или владельцев поселений, 2) от их природно-топографического положения. При детализации этих групп и дополнении новыми (названия, образованные словосложением, названия неясные) идет совмещение семантического и морфологического подходов, кстати сказать присутствующее и во многих последующих классификациях. В группировке Ф. Паляцкого, историка по специальности, довольно силен экстралингвистический (историко-социальный) элемент.

Гораздо популярнее и жизнеспособнее была классификация Франца Миклошича (1865, 1872 и др.), делившего топонимы по их образованию: 1) от имен людей, т. е. от имен собственных, и 2) от обычных слов. При дальнейшей рубрикации Миклошич исходит не из одного (как надо бы), а из двух принципов — грамматического (внутри первой группы выделяются: а) существительные, б) прилагательные) и семантического (внутри второй группы — названия,

обозначающие: а) землю, б) воду, в) растительность, г) животный мир, д) цвет, е) строение, ж) занятие людей, з) орудия производства, и) этнические названия, к) названия, связанные с обстоятельствами социального характера). Кроме того, учитывается также структура топонима (простые и сложные топонимы), а также их словообразование (суффиксы).

В статье М. Ф. Сумцова «Малороссийская географическая номенклатура» группировка материала идет с учетом происхождения и функций топонимов; выделяются названия, связанные: а) с общественно-историческими условиями и фактами, б) указывающие на топографические особенности, в) отражающие флору и фауну и др.

Многоступенчатая группировка русских топонимов, в основном названий населенных пунктов, данная А. М. Селищевым в труде «Из старой и новой топонимики» (1939). Топонимия (ойконимия) сначала делится на старую и новую, исходя из социально-исторического, а также идеологического критерия. Старая — это та, которая возникла в дореволюционное время и, будучи категорией социально значимой, несет на себе печать конкретных социально-исторических условий (в частности, названия населенных пунктов по владельцам — а ими были «князья, цари, бояре, дворяне, владыки, монахи, воеводы, дьяки, баскаки, сотники, ордынцы»: *Княжево, Князщина, Царево, Царевщина, Царицыно, Боярская, Барская, Дворянское, Патриаршее, Владыкино, Монастырщина, Воеводино, Баскаково, Дьяково, Побычево, Писцово*, дер. *Сотникова*, пустошь *Сотники, Ордынцыно* и т. п., по занятию жителей: *Стрельцы, Стрелецкое, Стрелецкая слобода, Сокольники, Ям, Ямская слобода* и под.; по социально-имущественному и сословному признаку: *Бобильская, Мещанская слобода*; по служителям культа: *Протопопово, Поповка, Попиха*; церковные имена (по местной церкви): *Архангельское, Благовещенское, Воскресенское, Всесвятское, Егорий на озере, Спас-Заулки, Знаменье, Спас*; названия типа *Отрадное, Благодать, Затисье, Кинь-Горе, Приятная Долина, Монплезир*, данные владельцами-помещиками «благодатным» и «отрадным» для них деревням). Эти названия существуют, по словам А. М. Селищева, «как окаменевшие реликты прошлых формаций». После Октября «на смену прежней номенклатуре идет новая, несущая элементы новой эпохи — эпохи социалистического

строительства, мощной техники, индустрии»⁴⁰: отбрасываются названия, «носящие отпечаток царизма»: *Гатчина, Царское село, Царицыно, Екатеринбург, Elizavetполь, Новониколаевск* и др.; сбрасываются с городов и рабочих поселков названия, связанные с привилегированным классом, владельцами фабрик и заводов: *Баронск, Понизовкина* и др., церковные имена: *Богородск, Вознесенск, Сергиев-Посад, Святой Крест*, названия, связанные с русификаторской политикой царизма: *Верный* (ныне *Алма-Ата*), *Скобелев* (*Фергана*), *Царевококшайск* (*Йошкар-Ола*) и др. Переименования и новые наименования как своим содержанием, так и формой отражают новое содержание своей эпохи: *Октябрьский, Красноармейск, Советск, Большевик, Пролетарий, Комсомольск-на-Амуре* и др.⁴¹

Следующая ступень группировки (детализации) — выделение лексико-семантических классов: названий от имен людей и их прозвищ (*Аксаково, Юрьево, Ворыпаево, Дураково, Останкино, Рахманово, Ртищево, Русаково, Синеусово, Халдеево*), по ремеслам (*Кузнецы, Кузнецкий мост, Гончары, Столечники*), по этническим группам (*Мещеряки, Голяди, Татаринovo, Весь, Весегонск, Корелка, Лопари, Черемисское, Югорская*), по виду поселка (*Кривое Село, Семидворье*), его местоположению (*Высокое, Крутое, Крутцы*), по ландшафту (*Гора, Холм, Курганье, Семивраги, Поляна, Суходол, Козье Болото, Красный Яр*), растительности (*Дубровка, Лиляги, Березовец, Подосинки, Черемошь*) и другим признакам. Тематическая группировка по семантике топонима (слова, словосочетания) предусматривается и для новой, послеоктябрьской ойконимии: «Октябрьская революция, Советы, свобода, Коммунистическая партия, Красная Армия, пролетариат, производство, значение вождей и идеологов пролетариата, борцы за освобождение трудящихся, значение выдающихся мыслителей, ученых и писателей, интернациональное единение трудящихся, их солидарность, равноправие всех народов великого Союза, значение коммунистической молодежи, идущей на смену старшему поколению, значение советской печати («Правда»), социалистическая стройка, гигантский размах ее, смычка города и деревни, освоение

далекой Арктики — на все это откликается современная топонимия»⁴².

Следующая, третья ступень систематизации структурная, а также структурно-грамматическая: простые, т. е. однословные названия (1) сочетания прилагательного с существительным: *Черная Грязь, Сивцев Вражек*; 2) сочетания двух существительных: *Бор-лес, Поле-гусли*; 3) сочетание с *город* во второй части (*Китай-город, Слав-город*) и др. — всего 7 подгрупп).

Последующая классификационная характеристика словообразовательная, она состоит в выделении (хотя и далеко не систематическом) названий, представляющих собой производные (без топонимообразующих элементов) слова, типа *Село, Выселок, Подол, Берег, Городок*, и названия с аффиксами, например притяжательными суффиксами (*Иван-ово, Ивашище-во, Иваши-ино, Борятино, Князьи Горы, Захарковское, Захаркино* тож), а также префиксами (*Забережье, Заболотье, Завражье, Поречье, Подвяжная*) и под.

Отмечается вариантность названий, их различное языковое выражение (*Козодавлево-Тарханово*; деревня *Одреево, Лосево*, а *Остров* тож; деревня *Филино*, а *Запольское* тож) и происхождение — бытовое и церковное (село *Дрозницы*, а *Покровское* тож); село *Никольское* (по крестьянскому званию *Собакино*), а также словообразовательная, грамматическая (*Знаменское — Знаменка, Воскресенское — Воскресенка, Белозеро — Белозеры, Хомяково — Хомяки, Кузьминка — Кузьминки, Сельцо — Сельцы*) и стилистическая вариативность (*Рождествено — Рожествено*). В необходимых случаях автор находит возможным сказать о диалектико-стилистических вариантах, а также об «архаизующе-стилистических» (*Владикавказ* и под.), повышенно-стилевых (*Санкт-Петербург, Екатеринбург, Кронштадт*) оттенках топонимов и словообразовательных средств. Относительно новой, послеоктябрьской топонимии говорится, что для нее характерна экспрессивность и «стилевая повышенность»⁴³.

⁴⁰ Селищев А. М. Из старой и новой топонимики..., с. 69.

⁴¹ Там же, с. 88—95.

⁴² Селищев А. М. Из старой и новой топонимики..., с. 89.

⁴³ Там же, с. 95.

Стремясь создать исчерпывающую и в то же время лингвистическую по своей сути классификацию, некоторые лингвисты-ономакологи опираются на морфологическую структуру топонима. Исходя из этого принципа, они выделяют три группы топонимов: 1) первичные — с нулевым топонимическим формантом, типа *Мост, Гора*; 2) вторичные производные, образованные прибавлением топонимобразующих морфем, типа *Юхнов, Петровск, Замостье*; 3) составные, типа *Новодвор, Новгород, Новороск* и под. Далее, внутри первой группы производится деление по лексико-семантическим признакам, внутри второй — по формантам. Исчерпывающей (и вполне логичной) классификация не получилась: за ее пределами остались разноязычные («гибридные») названия, топонимы-кальки, сокращенные топонимы и ряд других. Кроме того, она оказалась, как и классификация их предшественников, комбинационной, разноаспектной. Объединение, сочетание нескольких принципов группировки можно видеть в топонимических описаниях многих исследователей как славянской, так и европейской, а также тюркской, финно-угорской ономастики.

С резкой критикой таких описаний (а также самого их принципа) в 60-е годы выступил В. А. Никонов: «Одна из главных ошибок, обрекавших на неудачу все бесчисленные попытки топонимических классификаций, — смешение и семантического, и грамматического, и прочих планов. В подобной классификационной схеме смешаны в одном чертеже несколько этажей, несходных по планировке»⁴⁴. По его мнению, одна общая классификация, например и семантическая, и словообразовательная, невозможна. «В плане семантики (т. е. значений) основные типы: а) выражающие признак самого объекта; б) выражающие его принадлежность; в) названия-посвящения. Основные словообразовательные типы — форма «чистой» основы, аффиксация, словосложение, словосочетание и др.»⁴⁵. Если семантические типы в большей мере связаны с социально-историческими условиями, то «словообразовательные типы прежде всего зависят от строя языка и резко различаются по языкам»⁴⁶.

⁴⁴ Никонов В. А. Славянский топонимический тип. — В сб.: Географические названия. М., 1962, с. 17.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Для русского, как и других славянских языков, им приводятся следующие исконные типы топонимического словообразования:

1. Основа — существительное в чистой форме: *Город, Кряж, Дол* (этот тип виден и в новых названиях — города *Щорс, Калинин, Киров*).

2. Основа с суффиксом (*Иваново, Ленинск*), префиксом (*Залес, Подлес*), с тем и другим (*Загорск, Зауралье*).

3. Словосложение (двуосновность) разных видов: *Новгород* и др.

4. Словосочетание разных видов: *Лодейное Поле* и др.

5. Косвенный падеж с предлогом: *На горе, За лесом* (чаще встречается в «начинающих» топонимах, или микро-топонимах, — в названиях колодцев, зимовий, охотничьих домиков, полей, сенокосных угодий и других небольших урочищ, известных узкому кругу лиц).

Сам В. А. Никонов понимает, что его перечень типов «не классификация, так как в основу тут положен не один принцип деления»: аффиксация (второй тип) нередко совмещается со словосложением (третий тип) и словосочетанием (четвертый тип), но автор идет на такое логическое нарушение или, лучше сказать, совмещение принципов, так как оно помогает решению конкретной научной задачи — показать главный славянский топонимический тип. Этим типом является аффиксация. Так, в Тульской обл. (Алексинский р-н), по подсчетам В. А. Никонова, на ее долю приходится 84% топонимов (на чистую основу 3%, словосложение 1%, словосочетание 12%), во Владимирской обл. (Струнинский р-н) — 85%. Близки к ним данные по другим славянским странам: в Болгарии — 76%, в Польше — около 73%, в Югославии — примерно 55%. И далеки данные из другой языковой зоны — ГДР: здесь на долю аффиксации приходится в среднем лишь 14%, зато явно господствует словосложение — свыше 80%! (в то время как на русской территории оно редко поднимается выше 3%).

Приводя количественные данные по тому или иному способу (типу) образования топонимов, исследователь еще раз отступает от «словообразовательной» классификации, так как статистические и качественные (здесь словообразовательные) показатели — не одно и то же, они лежат в разных плоскостях. И тем не менее для нас ценны такие отступления, они помогают более рельефной обрисовке специфики

славянской (русской), а также германской (немецкой) топонимии.

Переходя к анализу суффиксов, с помощью которых образованы славянские (и, в частности, русские) топонимы (-н-, -ица, -ов- (-ев- и др.), -ин, -j- («йот»), -ск-, -ка, -ец, -щина, -ище, -ичи, -иха: Дубна, Жиздрица, Иваново, Васильево, Ярославль, Смоленск, Петровка, Донец, Волхонщина, Городище, Климовичи, Бабаиха и под.), В. А. Никонов находит нужным сделать еще два «отклонения» от собственно словообразовательной классификации — одно в план диахронии: форманты -н-, -ица — «древни», «йотовый» суффикс «давно мертв», другое — в план географии: «У каждого топонимического суффикса свой ареал. В Ивановской области 542 названия населенных мест на -иха, в соседней Владимирской области — 111, в Тульской только 2, в Белгородской ни одного» (с. 28). И эти отступления, точнее, дополнения мы принимаем как естественные и даже целесообразные.

Нужны ли вообще строго выдержанные классификации топонимов на основе одного исходного принципа? Безусловно, да. Нам необходимы классификации семантические, структурные, словообразовательные, фонетические, группировки с учетом синхронии и диахронии топонимов (с абсолютной и относительной хронологией), их географии, их мотивированности языковыми, социальными, культурно-историческими, эстетическими и иными факторами, группировки по языковой принадлежности топонимов, по создавшим и использовавшим их этносам, по удельному весу и частотности (плотности) их представленности на карте, в исторических документах, в языке, в речи (русского и нерусского населения), в различных функциональных стилях, группировки по категориям объектов, их качественным и количественным признакам и многие другие. И надо, чтобы избранный, исходя из целевой установки, принцип анализа топонимии выдерживался, не подменялся другим. Только на этом пути возможно накопление надежных материалов, наблюдений и выводов для сравнительно-сопоставительных исследований топонимии разных языков и народов — исследований, которые могут привести к типологическим обобщениям глобального порядка и показать частное на фоне общего, а общее в частном и через частное.

Лингвистический аспект изучения топонимов не единственный. Возможны и другие — семиотический, географический, исторический, социологический, психологический,

логический⁴⁷. И каждый из них преследует свои цели, решает свои задачи. Беда заключается не в том, что в одном исследовании совмещаются разные аспекты изучения (иногда это даже полезно, так как позволяет обнаружить новые связи и закономерности), а в том, что избранный путь не проходит до конца и одна цель подменяется другой. Но это порок не классификации, а вина или беда (нередко объективная) пользующихся ею. Классификация может быть: 1) одноаспектной и 2) комплексной, многоаспектной, иерархической. Но при любой сложности и многомерности она должна быть целенаправленной. Полагаем, что при создании универсальной классификации топонимии языков мира ведущим принципом ее организации должен стать учет социально-коммуникативного назначения топонима — называть топообъект, выделяя его из ряда подобных. А это значит, что недостаточно будет знания парадигматического уровня топонимии, потребуется выход на ее синтагматический уровень, так как надо будет учитывать не только информативно-семиотические возможности топонимической системы, но и условия ее конкретно-речевых реализаций.

О ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТОПОНИМИИ РОССИИ

В Советском Союзе проживает около 130 наций и народностей, говорящих на разных языках. Эти языки — один в большей, другие в меньшей мере — отразились в топонимии России. Естественно, больше будет топонимов того языка, который по количеству носителей и занимаемому ими пространству преобладает (или преобладал раньше) на изучаемой территории

В топонимическом спектре Российской Советской Федеративной Социалистической Республики представлены все основные типы языков как в морфолого-типологическом плане (аффигирующие — флективные, агглютинативные, корневые и др.), так и генетическом, в частности: индоевропейские (с ветвями — славянской, балтийской, иранской, греческой и др.), финно-угорские (с группами — прибалтийско-финской, пермской, волжской, обско-угорской), самодийские (с языками — ненецким, энецким, нганасанским,

⁴⁷ См.: Суперанская А. В. Общая теория имени собственного М., 1973, с. 156—160.

селькупским), палеазиатские (с группами — кетско-асанской, чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской), тюркские (с языками — поволжско-татарским, башкирским, алтайским, шорским, хакасским, якутским, казахским, чувашским, а также ныне мертвыми половецким, чагатайским, болгарским, хазарским), монгольские (с языками — бурятским, калмыцким), тунгусо-маньчжурские, кавказские, семито-хамитские и др.⁴⁸

Для древнейших топонимов, особенно с затемненной внутренней формой, обычно определяется лишь принадлежность к семье языков. Для структурно и семантически ясных топонимов возможно отнесение к семье или группе родственных языков, например славянской, балтийской, иранской семьям. В самых простых и явных случаях допустимо отнесение к конкретному языку, например к русскому, мордовскому, татарскому и т. д., а иногда и к наречиям и диалектам языка. Возможна и лингвистическая датировка топонимов (указание на тот или иной период в развитии языка, например древнерусский, среднерусский, современный русский язык).

Значительное количество топонимов, в особенности древнейших гидронимов, территории РСФСР не поддается лингвистической атрибуции; в частности, нет общепринятого мнения о языковой принадлежности гидронимии междуречья Волги и Оки, см. работы В. А. Никонова «Язык неизвестен» (1964) и «Неизвестные языки Поочья» (1960); ср. также: Серебренников В. А. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев северорусской гидронимии? (1970). И тем не менее такие топонимы ценны для науки, причем не в меньшей мере, чем прозрачные. Дело в том, что неясные по происхождению топонимы нередко являются для нас единственными сигналами о некогда существовавших, но давно исчезнувших языках. Так, например, по «речным суффиксам» (формантам) *-юг(a)*, *-ег(a)*, *-ог(a)*, *-юх*, *-их*, *-ех*, *-ль*, *-ля* и др. (*Лантюг*, *Сендега*, *Лохтога*, *Пентюх*, *Люлих*, *Палех*, *Нерль*, *Поля*) известный исследователь севернорусской топонимии, и в особенности ее финно-угорского субстрата, А. И. Попов восстанавли-

⁴⁸ См.: Языки народов СССР, в 5-ти т. Л., 1966—1968; см. также: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967; Кодухов В. И. Введение в языковедение. М., 1979.

вает элементы языка мери — название реки, озера, камня, ручья⁴⁹.

Лингвистический (этимологический) анализ древних топонимов — дело весьма сложное. Оно требует профессиональной языковедческой подготовки, а также хорошего знания истории и географии местного края. И при этих условиях успех не всегда приходит сразу. Так, над расшифровкой таких топонимов, как *Москва*, *Волга*, *Русь*, *Псков* и др., бьется не одно поколение первоклассных ученых.

Оправданы ли столь напряженные и длительные усилия ученых? Многие ли могут дать науке расшифрованные топонимы? Крупнейший советский лингвист Б. А. Серебренников скромно оценивает научно-информативный эффект топонимической лексики для языковедения: «Изучение топонимических и гидронимических названий, — пишет он, — может представлять интерес для языковеда, историка, этнографа и археолога. Значение этих данных для изучения истории языка часто чрезмерно преувеличивается. Для историка языка они дают вообще мало, но это немногое может быть иногда очень интересным. Подобно сложным словам, топонимические и гидронимические названия могут заключать в себе в законсервированном виде слова, в настоящее время исчезнувшие из языка»⁵⁰. Конечно, топонимическая лексика лишь часть словаря языка. По закрепившимся в топонимии словам-апеллятивам (*вода*, *река*, *озеро*, *камень*, *холм*, *гора*, *лес* и под.) нельзя составить сколько-либо полного представления о языке в целом. Несравненно беднее, чем у апеллятивной лексики, и грамматика топонимов. Однако это немногое, особенно у топонимов древнейшей поры, бывает ценнее общеизвестного многого. Значение топонимии для восстановления «доисторической истории» хорошо показал известный русский географ и статистик В. П. Семенов-Тянь-Шанский: «...благодаря топонимии удалось: 1) определить доисторические ареалы распространения племени саами, или лопарей...; 2) установить значительно большее, чем теперь, распространение балтийских, или литовских, племен к востоку и югу, доходившее до Кронштадтской губы, Белозерья, впадения Угры в Оку и

⁴⁹ См.: Попов А. И. Топонимика древних мерянских и муромских областей. — В сб.: Географическая среда и географические названия. Л., 1974, с. 13—28.

⁵⁰ Серебренников В. А. О методах изучения топонимических названий. — Вопросы языковедения, 1959, № 6, с. 50.

до Волыни; 3) проследить пределы распространения древних славянских племен радимичей и вятичей далеко к востоку и югу (первых — от Польши до Московской области, вторых — от Польши до бассейнов Оки и Дона); 4) наметить интереснейшие места древних гнездований восточнославянских племен на верхней Десне и верхнем Дону; 5) дополнительно обосновать высказанное покойным академиком Шахматовым предположение о первоначальном заселении пришедшими с запада вятичами бассейна Дона и о позднейшем вытеснении их кочевниками в бассейн Оки; 6) наметить гнезда древнего «яфетического»... населения в Красном бору или Балахнинской низине; 7) установить факт значительной гибридации географических названий в Ижоре или Ингрии в результате неоднократных вековых наслоений и переслоек здесь финского, древнелитовского, восточнославянского и шведского населения и многое другое в том же роде»⁵¹.

Следует четко разграничивать разные виды принадлежности топонима к тому или иному языку, во-первых, по его (топонима) современному функционированию (в этом случае русскими топонимами являются и собственно русские по происхождению, и иноязычные, распространенные на территории России, т. е. не только *Новгород*, *Владимир*, но и *Казань*, *Чебоксары*; во-вторых, по его происхождению; в частности, по образованию топонима на основе апеллятива или собственного имени того или иного языка, например река *Каменка* от русского слова *камень*, *Непрядва* от *прядати* — «прыгать», *прудъ* — «течение» (это русские по происхождению топонимы), река *Дон* от осетинского *дон* — «вода», «река», *Нева* от финских языков, где исходное слово обозначает «болото», «трясина».

Имеются и более сложные случаи. Так, название *Оренбург* было дано русской крепости, возникшей на реке *Орь* в 1735 г. Оно включает в себя две лексемы: тюркское по происхождению название реки *Орь* (из *ор*, *ур* — «ров»), освоенное русскими, и немецкое слово *бург* (город). Тем не менее это русский топоним, так как он образован в русском языке. Топоним же *Орь* является тюркским, он создан в тюркской языковой среде.

⁵¹ Семенов - Тянь-Шанский В. П. О транскрипции и синонимии географических названий. — Известия Всесоюзного географического общества, 1940, № 6, с. 815.

Русским по употреблению и по происхождению является топоним-аббревиатура *БАМ* (Байкало-Амурская магистраль), хотя он образован из трех нерусских, причем разноязычных слов: *Байкал* (возможно, монгольского происхождения) + *Амур* (из тунгусо-маньчжурских языков, где *амар* — «большая река») + *магистраль* (латинского происхождения). Довольно часты в нашем языке топонимы, включающие: а) иноязычное и б) русское слово: *Чурозеро*, *Ондомозеро*, *Ловозеро* (из саамского *чур*-, *ондом*-, *лов* + *озеро*); *Сямозеро*, *Юстозеро*, *Топозеро* и др. (из карельской первой части и русского *озеро*).

В случаях, когда топоним прошел сквозь несколько языковых пластов и каждый язык является как бы соавтором в его создании, бывает принципиально невозможно вскрыть его конкретно-языковую принадлежность, а также его исходную этимологию. Так, трудности этимологизирования и языковой атрибуции топонимов междуречий Волги, Днепра и Дона и особенно северной территории европейской части РСФСР объясняются тем, что здесь «доиндоевропейские и дофинно-угорские субстратные топонимические элементы прошли через очень длительную эволюцию продолжительностью в 10 тыс. и более лет»⁵².

Основной фон топонимии современной России составляют русские (славянские) по происхождению географические названия. Русскими являются названия рек: *Быстрица*, *Великая*, *Десна*, *Дрезна*, *Дубна*, *Иловля*, *Молочная*, *Непрядва*, *Ольховка*, *Печора*(?), *Пресня*, *Протва*, *Пьяна* (?), *Рудня*, *Ряса*, *Сухона*, *Синяя*, *Хопер* (?), *Цна* и др. Гораздо больше русских и древнерусских по происхождению наименований населенных пунктов (городов): *Белгород*, *Безецк*, *Белозерск*, *Белореченск*, *Березники*, *Бобров*, *Бологое*, *Боровичи*, *Боровск*, *Бронницы*, *Брянск*, *Владимир*, *Вышний Волочек*, *Вязники*, *Городец*, *Гороховец*, *Горький* (бывший *Нижний Новгород*), *Грязи*, *Грязовец*, *Гусев*, *Гусь-Железный*, *Гусь-Хрустальный*, *Дубовка*, *Елец*, *Загорск*, *Задонск*, *Зарайск*, *Звенигород*, *Зеленогорск*, *Ивня*, *Калязин*, *Кисловодск*, *Клин*, *Клинцы*, *Козельск*, *Кологрив*, *Краснодар*, *Краснознаменск*, *Краснослободск*, *Красноярск*, *Кузнецк*, *Лебедянь*, *Липецк*, *Лодейное Поле*, *Ломоносов*, *Людиново*, *Малоярославец*, *Мглин*, *Мытищи*, *Наволоки*, *Новгород*, *Новоржев*, *Ново-*

⁵² Мурзаев Э. М. Изучение топонимии Центра и ее тюркского горизонта. — В сб.: Топонимия Центральной России. М., 1974, с. 6.

российск, Озерск, Орел, Остров, Острогжск, Переславль-Залесский, Плёс, Подольск, Покров, Правдинск, Приморск, Приозерск, Псков, Пушкин, Пушкино, Пятигорск, Раменское, Ржев, Родники, Рославль, Рассошь, Рыбинск, Рыльск, Рязжск (?), Светогорск, Серпухов (?), Скопин, Славск, Слободской, Смоленск, Советск, Сокол, Старая Русса (о происхождении Русса, Русь см. новые данные ⁵³), Старица, Торжок, Торонец (?), Тула (?), Узловая, Усолье, Холм, Ярославль и др.

К балтийским языкам (литовскому, латышскому) возводятся гидронимы: *Вопь, Жиздра, Жукопа, Каспля (?), Лама, Лаба (?), Лопань, Меча (?), Нерль (?), Сула (?), Уера, Упа*; к иранским: *Баксан, Днепр, Дон, Обь*; к английскому *Коппер* (на Аляске).

Финно-угорскими по происхождению являются названия рек: *Вичуга, Вишера, Вологда, Волхов, Вычегда, Вятка (?), Исса, Кемь, Керженец (?), Ковда, Кола, Кондопога (?), Мста, Онега (?), Ревда, Селигер, Тара (?), Юган*; прибалтийско-финскими считаются гидронимы: *Лакта, Нева, Пинега, Свирь* (финскими); *Оять, Сорока* — из саро + йоки (карельскими); *Охта* (эстонское); *Нарва* (вепское); *Ковда, Нива* (саамские); пермскими: *Кожва, Коми, Вымь* ⁵⁴, *Косьва, Обва, Юг*; марийскими: *Ветлуга, Унжа*; мордовскими: *Исса, Керженец (?), Пекиша, Пичелай*; хантыйскими: *Нарым, Васюган, Юган* и др.; мансийскими: *Ивдель, Тавда*.

Самодийские: *Енисей* (ср. также хантыйское, эвенкское *иондесси* — «большая река»).

Палеоазиатские (чукотское и карякское): *Анабар, Коряк, Виллой*; кетские: *Барнаулка, Тайшет, Томь (?)*.

Тюркские гидронимы: *Аксай, Бальклей, Битюг, Буй, Егорлык, Еруслан, Илек, Ишим, Карасу, Катунь, Кача, Кемерово, Маньч, Сал, Сакмара, Узень, Кашав*.

Монгольские: *Аргунь*, озеро *Эльтон*, город *Элиста* и др.

Тунгусо-маньчжурские: *Ангара, Ингода, Кан, Лена (?), Шилка, Чита*.

Встречаются и названия населенных пунктов (городов) из указанных выше языковых семей (нередко поселения названы по рекам, близ которых возникали). Имеются у нас

также географические названия, восходящие к шведскому (*Выборг*), черкесскому (*Сочи*), адыгейскому (*Туанце*) и другим языкам-источникам.

Как уже отмечалось, значительное количество топонимов, в особенности гидронимов и оронимов, не вполне ясного (спорного) происхождения: *Волга, Двина, Ворскла, Индигирка, Ирғиз, Иртыш, Истра, Кострома, Москва-река, Ока, Самара, Сейм, Сура, Сухона, Тобол, Трубезь, Урал* ⁵⁵, *Чулым, Чусовая, Яуза* и др.

Вопросами происхождения географических названий России занимались многие ученые в нашей стране и за рубежом. Среди них в первую очередь следует назвать А. И. Соболевского, А. М. Селищева, В. А. Никонова, А. И. Попова, Б. А. Серебренникова, А. П. Дульзона, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, А. К. Матвеева, Э. М. Мурзаева, Е. М. Поспелова, И. А. Воробьеву, Г. П. Смолицкую, Г. Я. Симинову, Л. Л. Трубе, Ф. И. Гордеева, Г. Е. Корнилова, О. Т. Молчанову, Ю. А. Карпенко, Е. С. Отина, А. С. Стрижака, Н. В. Бирилло, В. А. Жучкевича, В. В. Седова, М. Фасмера, Т. Лер-Сплавинского, Ст. Роспонда, Г. Борека и др. Первую сводку и анализ происхождения и этимологии топонимов Советского Союза, а также зарубежных стран дал В. А. Никонов в «Кратком топонимическом словаре» ⁵⁶.

Работа по исследованию топонимии РСФСР и всей нашей страны в лингвистическом, историко-географическом и других аспектах продолжается.

⁵³ См.: Роспонд С. *Miscellanea onomastica Rossica*. — В сб.: Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования. М., 1979, с. 43—47.

⁵⁴ См.: Туркин А. Кбн тэ олан? Сыктывкар, 1977, с. 76—78.

⁵⁵ Об Урале см. в кн.: Матвеев А. К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980.

⁵⁶ См.: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

ОБЩАЯ И РУССКАЯ КОСМОНИМИКА

О ТЕРМИНАХ «КОСМОНИМИКА» И «АСТРОНИМИКА»

Космические объекты (звезды, созвездия, планеты) обратили на себя внимание в глубочайшей древности и уже тогда могли получать названия. Конечно, названия давались лишь тем из них, которые чем-то выделялись из остальных. Их замечали по «бросавшемуся в глаза признаку», они служили пространственными и временными ориентирами. Их очень рано начали изучать, поскольку знание неба и «небожителей» диктовалось практической необходимостью повседневной жизни людей, их борьбы с силами природы. Наука о звездах — астрономия появилась раньше многих других наук. «Сперва астрономия, которая уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов», — указывал Ф. Энгельс в «Диалектике природы»¹.

Этого нельзя сказать об астрономике (космономике) — науке, которая изучает названия небесных тел. Она только оформляется. Это, пожалуй, самая молодая отрасль ономастики. Она еще не получила общепринятого обозначения. Одни авторы называют ее космономикой, другие — астрономикой. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской есть два термина для названия объектов этой науки: космономим и астрономим, однако для обозначения науки приводится лишь один — астрономика, причем, по определению составителя словаря, «астрономика — раздел ономастики, изучающий астрономимы». Судя по тому, что автор разграничивает объекты (астрономимы и космономимы), должно быть и разграничение соответствующих им наук, иными словами, должна существовать, по логике вещей, и космономика. Словарь зафиксировал намечающуюся тенденцию к различению названий, с одной стороны, небесных

тел, с другой — пространственных космических объектов; астрономимы и космономимы в указанном словаре определяются следующим образом: «Астрономим — вид онима. Собственное имя отдельного небесного тела, в том числе звезды, планеты, кометы, астероида (планетоида). Примеры: *Солнце, Луна, Земля, Меркурий, Полярная звезда, Венера, Марс, Вега, Эрос, Цицера*; кометы: *Энке, Фая, Галлея*; происходит от греч. *астер* — «звезда», ср. *астрономия, астрология*»². «Космономим — вид онима. Собственное имя зоны космического пространства, галактики, звездной системы (созвездия). Примеры: *Большое Магелланово Облако, Большая Медведица, Созвездие Орла, Созвездие Волопаса, Созвездие Девы, Созвездие Ориона*. Происходит от греч. *космос* — «упорядоченность, порядок; мировой порядок, мироздание, мир; небесный свод»³.

Возможно, со временем закрепятся эти разграничения астрономимов и космономимов (а также астрономимики и космономимики) и появится необходимость в дальнейшей дифференциации этих общих (родовых) понятий, сейчас же большинство исследователей не придерживается такого деления и в своих работах пользуется одним термином (либо астрономимика, либо космономимика) для обозначения науки о названиях небесных объектов. Мы используем термины: *космономим*, *космономимия* для обозначения наименований как «точечных», так и пространственных объектов космоса, *космономимика* — наука об этих наименованиях.

Космономимия (космономимы) больше похожа на топонимию (топонимы), чем на антропонимию. Космономимы, как и топонимы, «привязаны» к пространству. Это своего рода «небесная топонимия». Антропонимы же соотнесены не с территорией, а с человеческим коллективом, народом, людьми.

От топонимов космономимы отличаются тем, что их объекты (звезды, созвездия и др.) в принципе одни для всех народов. Они — межнациональны, интернациональны. Эта их особенность находит отражение и в наименованиях: в космономимии коэффициент интернационального во много раз выше, чем в топонимии, антропонимии и других областях ономастики.

Общность в космономимии разных народов (языков) проявляется не только в том, что существует научная астрономи-

² Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978, с. 39.

³ Там же, с. 68.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1947, с. 147.

ческая терминология, во многом сходная во всех литературных языках (так, астрономы всего мира пользуются латинскими названиями созвездий и др.), но и в том, что у довольно значительного числа названий космических объектов при их разноязычном оформлении нередко имеется общий (тождественный) «внутренний образ», подсказанный самим объектом. Кроме того, сходство могли породить и контакты народов, говоривших на разных языках. Могло оно быть и просто унаследованным от языка-основы (в языках одной генетической семьи, группы, ветви).

НАЗВАНИЯ СОЗВЕЗДИЙ, ЗВЕЗД И ПЛАНЕТ

Многие космонимы отличаются большой древностью. Так, Ю. А. Карпенко, анализируя названия Большой Медведицы в разных языках и регионах мира, приходит к выводу, что «название данного созвездия со смыслом «медведь» относится к глубочайшей древности, сопоставимой со временем появления самого языка»⁴. Отнесение к столь далекому периоду основывается на том, что теперь это созвездие ничем не похоже на «медведя (медведицу)» — оно похоже на ковш, на повозку, на некоторые другие предметы, а в прошлом его конфигурация, как установили астрономы, напоминала медведя. «Именование созвездия «Медведем» появилось, можно полагать, в нескольких местах северного полушария независимо друг от друга. Конфигурация семи ярких звезд созвездия в отдаленной древности напоминала фигуру медведя, отчего и возникло название. Данная схожесть, — пишет автор, — в связи с относительным перемещением звезд исчезла около 80 тыс. лет назад. Название, таким образом, могло возникнуть лишь до этого времени. Именование созвездия «Повозкой» опирается уже на современную его конфигурацию. Распространение этого наименования показывает, что оно первоначально возникло где-то в одном месте. Вероятно, в индоевропейских языках оно является генетическим наследием, а в другие языки заимствовано от индоевропейцев»⁵.

⁴ Карпенко Ю. А. Астрономика. — В сб.: Ономастика. Проблемы и методы (Материалы к XIII Международному ономастическому конгрессу). Сборник обзоров. М., 1978, с. 191. См. также: Карпенко Ю. А. Великая Ведмедия. — Мовознавство, 1972, № 1, с. 59—66.

⁵ Карпенко Ю. А. Астрономика..., с. 191.

В русском литературном языке (а от него и в говорах) названия *Большая Медведица* и *Малая Медведица* (так же как и слова *Арктика*, *Антарктика*, *Антарктида* и др.) восходят к греческому *арктос* — «медведь». Латинское название Большой Медведицы — *Урса Майор*, Малой Медведицы — *Урса Минор*. Подавляющее же большинство принятых в русской астрономической терминологии названий созвездий, звезд, планет и других космических объектов — латинские слова или их буквальные переводы (кальки).

Приведем перечень созвездий (пропуская созвездия южного полушария, невидимых в наших географических широтах): *Andromeda* (сокращенное обозначение *And*) — русское название *Андромеда*, *Aquarius (Aqr)* — *Водолей*, *Aquila* — *Орел*, *Aries* — *Овен*, *Auriga* — *Возничий*, *Bootes* — *Волопас*, далее приводим лишь русские соответствия: *Жираф*, *Рак*, *Гончие Псы*, *Большой Пес*, *Малый Пес*, *Козерог*, *Киль*, *Кассиопея*, *Центавр*, *Цефей*, *Кит*, *Голубь*, *Волосы Вероники*, *Южная Корона*, *Северная Корона*, *Ворон*, *Чаша*, *Лебедь*, *Дельфин*, *Дракон*, *Малый Конь*, *Эридан*, *Печь*, *Близнецы*, *Геркулес*, *Гидра*, *Ящерица*, *Лев*, *Малый Лев*, *Заяц*, *Весы*, *Волк*, *Рысь*, *Лира*, *Единорог*, *Змееносец*, *Орион*, *Пегаз*, *Персей*, *Рыбы*, *Южная Рыба*, *Корма*, *Стрела*, *Стрелец*, *Скорпион*, *Щит*, *Змея*, *Секстан*, *Телец*, *Треугольник*, *Большая Медведица*, *Малая Медведица*, *Дева*, *Лисички*. Всего выделяют 88 созвездий.

Путь Солнца в небесной сфере в течение года называется «э к л и п т и к о й». Она пролегает по 12 созвездиям, которые называют «зодиакальными» (пояс Зодиака), так как большинство из них получило свои имена по животным (греч. *зоон* — «животное»). Их названия в порядке следования созвездий таковы: *Рыбы*, *Овен*, *Телец*, *Близнецы*, *Рак*, *Лев*, *Дева*, *Весы*, *Скорпион*, *Стрелец*, *Козерог*, *Водолей*. В названиях видим отражение истории человечества, в частности следы его древнего охотничьего и земледельческого периодов. *Водолей* и *Рыбы* — время разлива рек и рыбной ловли, *Телец* и *Овен* — период пастбищ, созвездия *Девы* и *Весов* символизируют время уборки и взвешивания урожая⁶.

Иноязычные, преимущественно латинские, названия имеют и звезды. Так, самая яркая звезда в созвездии Север-

⁶ См.: Цесевич В. П. Что и как наблюдать на небе. 5-е изд. М., 1979, с. 37.

ной Короны — *Гемма* («жемчужина»), в созвездии Девы — *Сника* («колос»), в созвездии Лиры — *Вега* («птица»). В научных трудах по астрономии (книгах, атласах) звезды внутри созвездий получают буквенные обозначения (индивидуализацию). Это более надежный способ обозначения, так как не все звезды имеют «словесные» названия. Кроме того, последовательность алфавита букв используется для обозначения степени яркости звезды: обычно самую яркую звезду обозначают греческой буквой альфа — первой в алфавите, вторую по яркости — бетой, следующую — гаммой, далее следуют дельта, эпсилон, дзэта, эта и др. Например, Полярная звезда является альфой Малой Медведицы, звезда Сириус — альфой Большого Пса, Альфарет — альфой Андромеды, Аламак — гаммой Андромеды, Ригель — бетой Ориона, Поллукс — бетой Близнецов, Алиот — эпсилоном Большой Медведицы, Аль Сухайль — ламбдой Парусов и т. д. И все эти названия звезд возникли из нарицательных слов и словосочетаний, например: *Денеб* (альфа Лебедя) по-русски означает «хвост», *Денебола* (в созвездии Льва) — «хвостик»; *Альдебаран* (альфа Тельца) — «правый глаз быка», *Бетельгейзе* (альфа Ориона) — «правое плечо гиганта».

Иноязычны в научном обиходе и русском литературном языке все названия планет, кроме *Земли*: *Меркурий*, *Венера*, *Марс*, *Юпитер*, *Сатурн*, а также *Нептун*, *Уран* и *Плутон*. Первые пять были известны уже в глубокой древности (они видны невооруженному глазу). Греки во времена Пифагора (VI в. до н. э.) называли их по «свету», «огню», думая, что они «горят» и «светят» своим огнем (лишь впоследствии было установлено, что эти «светила» — темные и светят солнечным отражением). Меркурий у греков — «сверкающий, искрящийся», Венера — «несущая свет, несущая утро», Марс — «огненный, пламенный», Юпитер — «блистающий, лучезарный», Сатурн — «сияющий». Когда греки узнали, что вавилоняне называют эти планеты (а они уже были знакомы с ними за 2 тысячи лет до нашей эры!) именами богов, то решили также «окрестить» их, дав имена своих, греческих богов. У Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) они уже названы так: *Гермес* (Меркурий), *Афродита* (Венера), *Арей* (Марс), *Зевс* (Юпитер), *Крон*, *Кронос* (Сатурн). Греческие названия не были случайными: «Меркурий — самая быстрая из планет, а вестник богов, бог купцов и путешественников Гермес был очень быстрым, даже крылья имел на ногах. Красный цвет крови, свойственный Марсу, легко

увязывался с богом войны Ареем. Верховному богу Зевсу была выделена самая яркая (когда Венера не видна) планета Юпитер. Сразу же за Юпитером... помещали планету Сатурн. Поэтому вполне логичным было назвать ее именем Кроноса, отца Зевса. Вечерняя и утренняя звезда Венера получила имя богини любви Афродиты по той же логике, по какой Луну называют солнцем влюбленных»⁷. Римляне, божественный пантеон которых во многом соответствовал греческому, греческие названия планет «перевели» на имена своих богов, так появились ставшие общепринятыми названия *Меркурий*, *Венера*, *Марс*, *Юпитер*, *Сатурн*.

В Древнюю Русь сначала попали греческие названия планет. Так, в «Изборнике Святослава» 1037 г. читаем: «седми же планити суть имена се: *слъньце*, *лоуна*, *зеус*, *армис*, *арис*, *афродити*, *кронос*» (здесь Солнце и Луна ошибочно зачислены в число планет). Латинские названия планет у нас стали известны с конца XVI в., а окончательно закрепились в XVIII в. во времена Петра I.

Долгое время Землю не считали планетой (от нее шел «отсчет» — геоцентрическая система), ее планетный статус доказал в XVI в. Н. Коперник, «перенесший» точку отсчета с Земли на Солнце (гелиоцентрическая система). У русских и родственных им славянских народов она издавна называлась *Землей*. Это название (*Земля*) и было оставлено за нашей планетой (шестой по порядку открытия).

Седьмая планета была открыта в 1781 г. и была названа по-гречески *Ураном* (по имени отца греческого бога Крона), восьмая — в 1846 г., ей дали имя брата Зевса (Юпитера) — *Нептуна*, римского бога морей. Последняя, девятая планета была обнаружена в 1930 г. по математическому «открытию» ее, сделанному американским астрономом Персивалем Ловеллом (1855—1916). Отдавая должное традиции (называть планеты по мифологическим персонажам), а также ее открывателю, ее назвали *Плутоном* (по имени греческого бога подземного царства, а также... *П*(ерсиваля) *Л*(овелла), взяв начальные буквы его имени и фамилии). Плутон хорошо вписался в мифологический контекст, он был братом Посейдона (Нептуна) и Зевса (Юпитера)⁸.

⁷ Карпенко Ю. А. Названия планет солнечной системы. — В сб.: *Onomastica*, XXIII, 1978, с. 38; Он же. Названия звездного неба. М., 1981, с. 77.

⁸ См.: Карпенко Ю. А. Названия планет солнечной системы, с. 44—45; Он же. Планета Плутон. — Русская речь, 1972, № 1, с. 60.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ КОСМОНИМИЯ

В русских народных говорах имеется большой набор обозначений созвездий, звезд, планет. К сожалению, этот ценнейший в научном отношении материал очень мало собран и изучен. Специально занимавшаяся изучением народной космономии М. Э. Рут из диалектологических словарей и других источников извлекла и привела в статье «Материалы по русской народной антропонимии» (1976) 186 «русских астрономов»: названия *Плеяд* — 37, названия *Большой Медведицы* — 52, названия *Ориона* и его *Пояса* — 21, названия прочих созвездий — 27 (из них названия *Малой Медведицы* — 7), названия *Млечного пути* — 20, названия *Венеры* — 18, названия *Полярной звезды* — 9, прочих звезд — 2, указав при этом, что «большинство астрономов характеризуется фиксацией в 1—3 районах России»⁹.

Сравнительно недлительное собирание такого материала, предпринятого нами в Поволжье (Пензенская, Куйбышевская, Ульяновская и ряд других областей) в 70-е годы по небольшому вопроснику, позволило, во-первых, увидеть более широкое распространение уже известных космономов (типа *Ковш*, *Лось*, *Телега*, *Воз*, *Колымага*, *Семерка* — обозначения созвездия Большой Медведицы; *Дорога*, *Дорога в Иерусалим*, *Моисеева Дорога*, *Коромысла*, *Улица* — обозначения Млечного пути; *Северная звезда*, *Стожар*, *Кол*, *Прикол* — названия Полярной звезды; *Утренняя звезда*, *Утренняя заря*, *Утренняя звезда*, *Зарница*, *Заря*, *Вечерняя звезда* — названия Венеры), во-вторых, зафиксировать значительное количество новых названий. Так, только в одной Пензенской области записано около 50 обозначений Большой Медведицы: *Большая Медведица*, *Медведь*, *Медведица*, *Лось*, *Сохатый*; *Ковш*, *Большой Ковш*, *Медный Ковшик*, *Ложка*, *Кастрюля*, *Черпак*, *Черпалка*, *Половник*, *Небесный Ковш*, *Ковшик*; *Воз*, *Колесница*, *Колымага*, *Хохлацкая телега*, *Немецкий фур*; *Адамов Крест*, *Созвездие Семерых Братьев* и др.); более 70 — Млечного пути, около 50 — Полярной звезды, свыше 50 — Венеры, более 30 названий группы звезд Плеяды. О том, что в народе космономы еще не забыты (хотя и идет процесс их вытеснения научными

⁹ Рут М. Э. Материалы по русской народной астрономии. — В сб.: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976, с. 52.

обозначениями), свидетельствуют и записи, произведенные в национальных селах (мордовских, татарских, чувашских) Пензенской области, а также новые материалы по другим территориям страны¹⁰.

Несмотря на то что русская космономия и космономия многих других народов собрана пока в очень скромном объеме, тем не менее она позволяет ставить и обсуждать многие вопросы общетеоретического, в частности общелингвистического, характера. Внимание лингвистов, преимущественно этнолингвистического направления, рассматривающих язык как часть духовной, культурной и мировоззренческой жизни народа, привлекает «объективный» характер космических тел и «субъективное» отражение их в языке, точнее в языках. Особенно интересны в этом смысле созвездия, которые как бы «конструируются» людьми. «Факторы, обуславливающие образование созвездий, можно, очевидно, свести к следующим: человек, во-первых, познает их посредством органов зрения (он способен их видеть) и, во-вторых, он видит их под тем углом зрения, который обеспечивает человеку его пребывание на Земле... В действительности звезды, объединяемые в созвездия, обычно не имеют между собой ничего общего... Но то обстоятельство, как их видит человек, позволяет ему группировать звезды в вышеназванные созвездия. Следовательно, между действительным бытием звездного неба и осознанием этого бытия человеком включается предпосылка, которую можно назвать «земным видением»¹¹. Так излагает В. А. Звегинцев идеи западногерманского лингвиста Л. Вайсгербера, пришедшего к выводу о ведущей роли мышления и языка в «упорядочивании восприятия звездного неба» и — шире — в создании «мыслительного промежуточного мира». Концепция Л. Вайсгербера идеалистична. Нельзя ставить язык вне объективных закономерностей. Однако приводимые им наблюдения над космономами заслуживают внимания.

Членение звездного неба на созвездия, не одинаковые в разные времена, в разных местах и у разных народов,

¹⁰ См.: Максютова Н. Х. Башкирская космономия. — В сб.: Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973, с. 382—385; Она же. Туркская космономия. — В сб.: Ономастика Поволжья, 4. Саранск, 1976, с. 283—286.

¹¹ Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, с. 306 и след.

выделение различных «образов», используемых при их назывании, и многое другое должно быть осмыслено с диалектико-материалистических позиций. Определенную лепту в это изучение могли бы внести лингвисты, в частности ономатологи.

Названия космических объектов можно изучать в семиотическом плане, с точки зрения теории номинации, в плане отражения в них хозяйственного уклада народов, их мировоззрения, мифологических и иных представлений; исследование истории и географии космонимов дает материал для суждения о взаимосвязях между народами в ходе длительного исторического развития.

На материале русской народной космонимии уже теперь ставятся вопросы о различиях в мотивах номинации, с одной стороны, звезд (и планет), т. е. точечных объектов, и созвездий — объектов пространственных. Высказывается мнение о «крайней ограниченности набора признаков, представленных в наименованиях созвездий» по сравнению с признаками звезд. Так, М. Э. Рут пишет: «Набор объективных признаков, легших в основу номинации звезд, невелик: цвет, время появления на небе, особенности движения, изменчивость блеска и некоторые другие. Однако здесь мы встречаемся все же с гораздо большим числом признаков, чем у созвездий, где в основу номинации положены лишь признаки формы и количества (причем последний в значительно меньшей степени). Единичность признака заметно ослабляет возможность сопоставления при назывании»¹²; Такое заключение нам представляется преждевременным, по крайней мере для русского языка. Не в пользу такого вывода и приводимый самой М. Э. Рут статистический анализ: по каждому из созвездий ею собрано больше обозначений, чем на звезды; сравним: *Большая Медведица* — 52, *Орион* — 21, *Плеяды* (они отнесены ею к созвездиям) — 37, *Млечный путь* — 20 и *Полярная звезда* — 8, прочие звезды — 2, *Венера* — 18 названий. Конечно, не каждое новое название имеет свой «образ». Но множество обозначений — свидетельство множественности видения предмета. И зависит это не только от самого предмета, но и от воспринимающих и называющих его людей. А люди разных социально-исторических эпох и мировоззрений «видят» в небе разное.

¹² Рут М. Э. К вопросу о принципах номинации созвездий. — В сб.: Вопросы топониматики, № 6. Свердловск, 1972, с. 86.

Уместно привести здесь аргументацию В. А. Никонова, отстаивающего историзм как основной закон ономастической номинации. «Космонимия как раз особенно ярко убеждает, что для всей ономастики верен тезис: название, каждое название, не присуще называемому объекту, а прикреплено к нему человеческим обществом и характеризует не столько сам объект, сколько называющих. Все названия космических объектов даны с Земли и отражали земное. Охотничьи племена дали созвездию название *Стрелец*, скотоводческие заселили небо табунами коней. На небо перенесены сани, коромысло, даже старый лапоть: у южной части удмуртов созвездие *Корона* (оно же *Северный венец*) называлось *Исьникит-кизили*; *кизили* — «звезда», *исьникит* — «изношенный лапоть»¹³.

Для примера рассмотрим названия *Млечного пути* (литературное название его — калька с греч. *галактос* — «молоко» и *киклос* — «круг, цикл, путь»). В говорах русского языка зафиксировано свыше 70 его обозначений, которые можно сгруппировать в несколько «образов» (по мотивам номинации):

1) образ пути, дороги: *Дорога, Дороги, Дорожка, Тропинка, Улица, Мостовая, Просека*; это «чистый» абстрактный образ пути; он встречается сравнительно редко;

2) образ конкретного пути: а) с цветовыми, пространственными и т. п. определениями: *Млечный путь, Молочный путь, Млечная дорога, Молочная дорога, Звездная дорога, Серебряная дорога, Зимняя дорога, Снежная дорога, Белый путь, Белая дорога, Светлая дорога, Белесая дорога, Небесная дорога, Мытая дорога, Лыжный след, Большая дорога, Туманная дорога, Соломенная дорога*;

б) с указанием на принадлежность птицам: *Птичий путь, Птичья дорога, Журавлиная дорога, Лебединая дорога, Лебяжий путь, Гусиный путь, Гусиная дорога, Воробьиный путь, Птичий лет, Диких Гусей дорога*, ср.: *Мышиный тропки*;

в) с указанием на принадлежность мифическим или реальным лицам: *Моисеева дорога, Макеева дорога, Исеева тропа, Соломонова дорога, Дорога Ильи Пророка, Божий путь, Божья дорога, Батыева дорога, Батыев путь, Бакеева дорога, Фараонова дорога, Путь соломищика, Тещина дорога*,

¹³ Никонов В. А. Космонимия Поволжья. — В сб.: Ономастика Поволжья, 3. Уфа, 1973, с. 373.

Чумацкий шлях, Бусурманское становище, Дорога Татарская на Святую Русь, Мамаева дорога;

г) с указанием на направление: *Дорога на Киев, Дорога в Киев, дорога на Саров (Соров), Путь в рай, Молочная дорожка в рай, Израильский путь, Дорога на Иерусалим;*

3) образ реки, полосы и под.: *Река, Небесная река, Ручей, Полоса;*

4) другие обозначения (с ясными и неясными признаками): *Радуга, Пояс, Коромысло, Коромысла, Стожар, Галактика, Становище, Дорожные звезды, Кициги.*

В этих названиях все — и наблюдения русского народа над внешними (цветовыми, пространственными и т. п.) признаками самого Млечного пути, и маршруты птичьих перелетов, и религиозные представления, и конкретно-исторические события борьбы с ордынцами, и дорожные ориентиры, и метафорические сближения с различными предметами — радугой, поясом, коромыслом. Ясно, что общий спектр образов, лежащих в основе этих русских названий, достаточно широк и, можно полагать, национально-самобытен.

Столь же разнообразен круг представлений, запечатленных в народных названиях Ориона, Большой Медведицы, Плеяд, а также Полярной звезды, Венеры, Луны и некоторых других небесных тел. После изучения русской, польской, болгарской, немецкой, французской и т. д. народной космониимии можно будет приступить к ее сопоставительному синхронному и диахроническому исследованию.

НАЗВАНИЯ МЕЛКИХ ОБЪЕКТОВ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Особую отрасль космониимики составляет лингвистический анализ научных названий космических объектов, открытых с помощью научно-технической аппаратуры (телескопов, спутников и др.). К их числу относятся малые планеты (астероиды), спутники планет (например, спутники Юпитера), а также детали поверхности Луны, Марса и другие объекты. Так, в Крыму, в Симеизской обсерватории, открыто около 130 малых планет, всем им присвоены постоянные номера и названия¹⁴. Например, имя планеты

¹⁴ См.: Дейч А. Н. О наименованиях малых планет, открытых в Симеизе. — Бюллетень Института теоретической астрономии. М., 1974, т. 13, № 9 (152), с. 551—553.

№ 1057 *Ванда* посвящено писательнице *Ванде Василевской*; название астероида № 1030 *Витя* и № 1330 *Спиридоний* — защитникам Родины *Виктору* и его дяде *Спиридону Залевским*, погибшим в Великой Отечественной войне¹⁵; астероид № 885 *Ульрика*, открытый С. И. Белявским, был назван в честь *Ульрики фон Левецов*, которую полюбил на склоне лет Гёте.

На Луне за все время ее изучения (XVII—XX вв.) открыто и названо примерно 3500 объектов, среди них — 2 долины, 6 заливов, 11 мысов, 11 пиков, 25 морей, 895 кратеров. Открытия и именованья продолжаются на Луне (как на видимой, так и обратной стороне). Район первого контакта космического аппарата («Луна-2», сентябрь 1959 г.) с поверхностью Луны назван *Заливом Лунника*, район первой мягкой посадки («Луна-9», февраль 1966 г.) — *Равниной Прилунения*. Достижения советской космонавтики, и в частности в фотографировании и изучении обратной стороны Луны, отражены в таких названиях, как *Море Москвы*, кратер *К. Э. Циолковского*, кратеры *Добровольского*, *Волкова*, *Пацаева*. Увековечены в названиях объектов обратной стороны Луны имена астрономов, физиков, химиков, географов, писателей-фантастов (кратеры русских ученых *Обручева*, *Чебышева*, *Вавилова*, *Бутлерова*, французца *Шампольона*, прочитавшего египетские иероглифы, писателей-фантастов *Жюль Верна*, *Герберта Уэллса*). 6 кратеров, расположенных в окрестностях Моря Спокойствия, названы в честь здравствующих советских космонавтов *Леонова*, *Николаева*, *Терешковой*, *Титова*, *Феоктистова*, *Шаталова*, 3 кратера близ крупного кратера Аполлон получили имена американских астронавтов. Идет и переименование лунных объектов. 3 кратера видимой стороны Луны (*Сабин Е*, *Сабин В*, *Сабин Д*) в Море Спокойствия переименованы в честь *Армстронга*, *Олдрина* и *Коллинза*, впервые вступивших на поверхность Луны.

При именовании космических объектов, в частности при разработке лунной топонимии (селенонимии), учитывается многое: информативность названий (их соотнесенность с учеными, внесшими вклад в исследования космоса и других областей знаний), их соподчиненность, системность, учиты-

¹⁵ См.: Неяченко И. И. Планета в дар. Симферополь, 1973; Он же. Названия малых планет. — Земля и Вселенная, 1973, № 4, с. 59—64.

вается также возможность включения в существующую систему названий дополнительных¹⁶. Особую проблему составляет перевод общепринятых латинских написаний на русский и другие языки.

Правильная и перспективная номинация объектов космического пространства решается при участии ученых разных специальностей. Почетная роль в изучении уже существующих космонимов и создании новых принадлежит астрономам и лингвистам-ономатологам.

¹⁶ См.: Комков А. М. Селенонимика в ООН: научно-технические и международно-правовые аспекты номинации топографических объектов поверхности Луны.— В сб.: Теория и практика топонимических исследований. М., 1975, с. 27—34; Бондарук Г. П. Прикладная селенонимика.— Там же, с. 287—291; Шингарева К. Б. Распространение лунной номенклатуры на обратную сторону Луны.— Космические исследования, 1972, № 10, вып. 3, с. 433—438; Карпенко Ю. А. Поверхность Луны.— В кн.: Названия звездного неба. М., 1981, с. 156—169 и др.

Ономастический материал составляет значительную часть лексики любого высокоразвитого языка и заслуживает того, чтобы его изучали, как изучают язык, историю, географию, астрономию и другие общественные и естественные науки. Это изучение должно начинаться в школе и продолжаться в высшем учебном заведении, получая в том и другом случае свое содержание и принимая соответствующие учебно-методические формы. Особенно необходима подготовка по ономастике учителю, которому предстоит нести ономастические знания в школу. Почти все дисциплины школьного учебного плана включают в себя ономастическую лексику. Особенно богаты ономастическим материалом, требующим осмысления, усвоения, запоминания, правильного использования, написания и произношения, такие предметы, как литература, русский язык, география, астрономия, история, обществоведение. Не случайно именно по этим специальностям в ряде педагогических институтов и университетов страны введены дисциплины ономастического цикла¹. Историки и географы слушают курсы (специальные, факультативные курсы) по топонимике, филологи — по антропонимике, топонимике, ономастике художественной литературы и фольклора, будущим преподавателям астрономии читаются циклы лекций по космонимике. В ономастической подготовке в том или ином объеме нуждаются все выпускники педагогического вуза, так как без нее в преподавании любого предмета будет ощущаться определенная научно-методическая и идейно-воспитательная недостаточность. В самом деле, можно ли рассказывать детям об исторической битве русских с ордынцами на *Куликовом поле*,

¹ См.: Морозова М. Н. Ономастика на русском отделении филологического факультета Московского университета; Исаева Г. А. О топонимической работе на историко-филологическом факультете Горьковского пединститута; Трубе Л. Л. Топонимика на биолого-географическом факультете Горьковского педагогического института.— В сб.: Топонимика. Вып. 3. Материалы МФГО СССР, М., 1969.

близ Дона и Непрядвы, под руководством Дмитрия Ивановича, великого князя Московского (впоследствии названного Донским), не коснувшись, хотя бы кратко (но профессионально грамотно), местонахождения, значения и происхождения (этимологии) этих святых для каждого советского человека слов? Возможно ли преподавать географию без обращения к карте, к запечатленной на ней топонимии? И разумно ли упускать прекраснейшие возможности в воспитании у учащихся интереса к слову, к происхождению названий наших рек и городов, улиц и площадей, бульваров, парков, пионерских лагерей и т. п. Калинин, Киров, Фрунзе, Пушкин, Горький, Чехов, Циолковский, Гагарин — их сотни, городов, связанных с выдающимися сынами нашей Родины и названных их именами. Особенно много в нашей стране городов, районов, промышленных предприятий, электростанций, высших учебных заведений, горных вершин, поселений, колхозов, совхозов, школ, носящих дорогое и близкое народам всей планеты имя В. И. Ленина: Ленинград, Ленинобад, Ленинокан, Лениногорск, Ленинск, Ленинск-Кузнецкий, Ульяновск, Порт Ильич, жел.-дор. станция Ленино-Дачное, поселок Порт Ильича, пик Ленина, бухта Ильича, Волго-Донской судоходный канал им. В. И. Ленина... Сведения по истории этих городов, об их революционных традициях, о жизни и деятельности в них великого вождя с интересом воспринимаются учащимися и молодежью. По этой теме можно порекомендовать ряд книг и статей, в частности книгу И. А. Ерофеева «Имя Ленина на карте Родины»², статьи А. В. Бахтуровой, Л. Л. Трубе и Б. С. Хорева³, Е. М. Поспелова⁴ и др.

Большой познавательный и воспитательный интерес представляют символические и мемориальные названия новых городов; они даны в честь Великого Октября (Октябрьск, Октябрьский), праздника труда — 1 Мая (Первомайск — 3 города с таким названием), к этой же груп-

² См.: Ерофеев И. А. Имя Ленина на карте Родины. М., 1977.

³ См.: Бахтурова А. В. Географические названия, связанные с именем В. И. Ленина. — В сб. Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971, с. 104—107; Трубе Л. Л., Хорев Б. С. О новых наименованиях городов нашей страны. — Там же, с. 107—111.

⁴ См.: Поспелов Е. М. Лениниана в топонимии городов мира. — В сб.: Топонимика. Вып. 5. Материалы МФГО СССР. М., 1971, с. 5—6; Он же. Имя В. И. Ленина на географической карте. — География в школе, 1960, № 2; Он же. Названо именем Ленина. — Природа, 1961, № 4.

пе относятся Советск, Красноармейск, Краснознаменск, Комсомольск, Молодогвардейск, Кимовск, Юнокоммунаровск и др. Именами выдающихся ученых названы города Менделеевск, Карпинск, Жуковский, Докучаевск; имена писателей, композиторов, художников носят города Лермонтовский, Шевченко, Чайковский, Верещагин и др.⁵.

Писатель Константин Паустовский о топонимии сказал: «Названия — это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта». Ознакомление с названиями нашей необъятной Родины — это большая и многоаспектная страноведческая тема. Раскрывая эту тему, можно обратить внимание на героическую историю нашей Отчизны в целом и ее отдельных территорий, городов. Хорошо об этом сказал поэт С. Островой:

Нет, я не безразличен к именам,
Я слышу в них историю народа.
Я рад, когда хорошим городам
Названия дают мужского рода.

Орел, Владимир, Грозный, Ленинград!
Попробуй-ка сочти их всех в России.
Я нашей славы слышу в них раскат
И дальних предков подвиги живые.

Познавательное, патриотическое, историко-культурное, эстетическое и многое другое заключено в имени собственном; надо лишь, чтобы оно заговорило. Особенно чуткими слушателями, тянущимися к слову, к знаниям, являются дети, учащиеся.

Но задача преподавателя не только в том, чтобы научить детей слушать и понимать слова. Советская педагогика, лингводидактика и методика преподавания языка требуют большего — добиться того, чтобы учащиеся овладели богатством языка и научились использовать его в своей речи. Остановимся на этой задаче подробнее.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ В ШКОЛЕ

Первый и, пожалуй, основной признак хорошей речи — соответствие языковой формы содержанию, назначению и ситуации высказывания. Содержательность высказывания

⁵ См.: Трубе Л. Л., Хорев Б. С. Новые города на карте Родины. М., 1970, с. 36 и след.

(предложения, абзаца и др.) предполагает осведомленность в теме, а хорошая форма — «единственно нужное размещение единственно нужных слов» (Л. Н. Толстой⁶).

Нередко единственно подходящими, «нужными» словами оказываются имена собственные: 1) антропонимы — названия человека (его имя, фамилия, отчество, псевдоним, прозвище); 2) топонимы — названия географических объектов (рек, морей, океанов, гор, возвышенностей, низменностей, а также городов, сел, площадей, улиц, парков); 3) космонимы — названия созвездий, звезд, планет, комет; 4) зоонимы — клички животных (лошадей, коров, верблюдов, собак, кошек, птиц, рыб); 5) теонимы — названия богов, демонов, мифологических персонажей и т. п.; 6) ктематонимы (от греч. ктематос — «имуущество, богатство») — названия предприятий, учреждений, организаций, исторических событий, праздников, органов печати, издательств, произведений литературы и искусства, пароходов, поездов, спутников, театров, магазинов, отдельных предметов, например: мечей, колоколов и др.⁷

Собственные имена встречаются во всех стилях речи: в языке художественной литературы («литературная ономастика»), в публицистическом, научном, официально-деловом и разговорном стилях. Без них трудно представить себе сочинение и изложение, заметку-информацию, рецензию, доверенность, расписку, письмо, адрес и т. п. Поэтому учащиеся должны постоянно расширять запас таких «нужных слов», изучать их особенности, иметь представление о сходстве всех собственных имен и различиях между их разрядами, чувствовать стилистические оттенки, например, в таких «синонимических» обозначениях, как *Иван, Ваня, Ванечка, Ванек, Иванушка* и др.; *М. А. Шолохов* и автор «Тихого Дона», *Ленинград* и *колыбель революции, город на Неве*.

Цель этого раздела книги — обратить внимание учителя на ономастическую лексику, имеющуюся в учебниках русского языка и литературы, подчеркнуть такие аспекты, формы и методы ее изучения (указанные в учебниках и методических пособиях и еще не указанные), которые способствуют

поднятию языковой культуры учащихся, совершенствуют различные формы их устной и письменной речи.

Ономастическая лексика представлена во всех учебниках русского языка, начиная с «Букваря» и кончая «Русским языком» для 7—8 классов, и составляет около 2000 единиц (слов и словосочетаний).

По разрядам: антропонимов с I по VIII класс — около 1200, топонимов — около 400, зоонимов — более 50, космонимов — 13; теонимов — 2, ктематонимов — свыше 150 (без учета повторяющихся в разных классах).

Собственные имена включены в следующие контексты:

а) в теоретическую часть некоторых параграфов: в I классе — «Большая буква в кличках животных», «Большая буква в названиях стран, городов, деревень, улиц, рек», «Предложение, связная речь»; во II классе — «Большая буква» (среди примеров: *река Истра, Алексей Степанович Щукин, Советский Союз, Волга, Обь, Енисей, Нева* и др.); в IV классе — «Имена собственные и нарицательные», в V классе — «Несклоняемые имена существительные» (поэма *Гейне*, роман *Дюма*, стихи *Гюго*, по *Тбилиси...*), «Род несклоняемых имен существительных» (*Алзани, Конго, ВДНХ, МГУ, ЦДСА* и некоторые др.);

б) в тексты специальных упражнений на правописание, склонение и т. п. собственных имен; к ним примыкают задания, в которых предлагается привести «свои» примеры, например: «В наши дни городам, поселкам, площадям, улицам присваиваются имена борцов революции, ученых, путешественников, писателей. Запишите примеры таких названий» (IV класс);

в) в справочную часть почти всех текстов, а также отдельно приведенных предложений (например, стихотворение «Черемуха» — *С. А. Есенин*; «Дым багровый кругами всходит к небесам» — *А. С. Пушкин*);

г) в большое количество текстов и предложений (в упражнениях, а также в примерах-иллюстрациях к теоретическим положениям) попутно с другими словами и языковыми (грамматическими) явлениями.

Поскольку большая часть ономастической лексики лишь сопутствует другому материалу (фонетическому, лексическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому, орфографическому, орфоэпическому), то в поле зрения попадает в лучшем случае около 500 ономастических единиц.

⁶ Толстой Л. Н. Что такое искусство. — Собр. соч., в 20-ти т. М., 1964, т. 15, с. 157.

⁷ См.: Этнография имен. М., 1971, с. 4.

Анализ основного фонда ономастических слов показывает, что в своей массе это — наиболее актуальные для нашего времени названия — наиболее распространенные личные имена, фамилии и отчества, названия крупнейших городов, рек, гор нашей Родины и других государств, обозначения союзных республик и отдельных регионов (типа *Кавказ, Урал, Средняя Азия, Причерноморье, Подмосковье*), названия космических объектов, важнейших событий, праздников, учреждений, произведений литературы и искусства. Их включение в учебники вполне оправдано, а хорошо продуманное изучение позволит решить ряд задач учебно-лингвистического и идейно-воспитательного характера.

Видимо, настало время ставить задачу выработки общей стратегии изучения лексики в школе и, в частности, более оптимального распределения ономастической лексики по различным предметам (русский язык, литература, история, география, астрономия, обществоведение и др.), формам изучения (в классе, в кружках, дома), более целесообразной «привязки» ее к изучаемому материалу, а также определения объема ономастической теории, которую должен усвоить ученик начальной, неполной средней и средней школы.

Общетеоретический аспект изучения ономастики должен возглавлять учитель-словесник. Лингвистическая часть «ономастической программы» предусматривает работу над значением собственных имен (в отличие от нарицательных имен существительных), их основными разрядами, происхождением и этимологией некоторых личных имен, фамилий, а также топонимов, космонимов и др., структурой, словообразованием, орфографией, орфоэпией, их изменением (склонением), лексической и грамматической сочетаемостью. При этом должны решаться такие задачи, как развитие у учащихся логического мышления, стилистического чутья, эстетического вкуса. Многие в этом отношении может дать анализ использования ономастической лексики в произведениях художественной литературы: только антропонимов в учебниках литературы с I по X класс («Букварь», «Родная литература», «Русская литература») употреблено около тысячи. На этом материале легко показать различия «развернутой» и «сжатой» формы именованного человека (по фамилии, имени и отчеству, только по имени . . .), официальной (*Сергей, Татьяна*) и неофициальной (*Сергея,*

Сергея, Таня, Танечка, Танча и т. п.) формы имени, а также тончайшие стилистические различия, вносимые в имена многочисленными суффиксами (*Павел, Павлуша, Павка, Паша, Павлик, Павлуня* и др.).

Для того чтобы учителя-словесники, географы, историки и др. наилучшим образом осуществляли программу изучения ономастической лексики, их надо обеспечить хорошими научно-методическими пособиями по общей и русской ономастике, а также серией ономастических словарей (словарем личных имен, фамилий, словарем литературных антропонимов, словарем географических названий и т. д.). Одним из первых должен быть подготовлен словарь-справочник современной ономастической терминологии.

СПРАВОЧНАЯ И ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОНОМАСТИКЕ

Приведем основную справочную литературу, а также популярную литературу по ономастике. Ею могут воспользоваться как учащиеся школ, так и широкие слои молодежи.

I. Антропонимика

✓ Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966; изд. 2-е, 1980. В книге в алфавитном порядке приведено около 2600 мужских и женских личных имен, указаны грамматические формы (род, падеж), производные (неофициальные) формы, этимология имени (для имен греческого, латинского, древнееврейского, славянского, древнерусского происхождения). Во второй части в алфавитном порядке приведены «уменьшительные» и другие неофициальные формы имен. В настоящее время — самый полный справочник имен, бытующих среди русского населения.

● Справочник личных имен народов РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979. Приведены в первой части краткие очерки антропонимии конкретных народов (индоевропейских — русские имена, осетинские имена и др., имена тюркских языков — алтайские и хакасские, башкирские, карачаево-балкарские и др.), алфавитные списки (перечни) имен, в приложении даны сведения о происхождении и значении некоторых имен. От аналогичного справочника 1965 г. отличается большей полнотой, а также справочным приложением о происхождении (этимологии) имен.

Успенский Л. Ты и твоё имя. Рассказы об именах.— В кн.: Ты и твоё имя. Имя дома твоего. Л., 1972. Популярны рассказы о происхождении русских и иностранных имен, отчеств, фамилий. Список русских календарных имен с указанием их происхождения и значения.

✓ Федосюк Ю. Русские фамилии. Популярно-этимологический словарь. М., 1974; 2-е изд., 1980. Книга содержит этимологии нескольких сот наиболее популярных фамилий русского и иноязычного происхождения.

✓ Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1978. Дается краткий очерк истории имен, характеристика их официальных и неофициальных форм, частоты использования; приводится обширный перечень новых имен.

● Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий. Книга для учащихся. М., 1975. Рассказывается о составе и происхождении современных имен и фамилий, формулах обращения к людям разного возраста и социального положения (в разделе «Зовут, прозывают, величают»).

II. Топонимика

● Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. Книга содержит несколько тысяч названий городов, рек, морей, гор и других наиболее значительных географических объектов СССР и зарубежных стран. Перед нами первая сводка научных сведений о происхождении и этимологии топонимов, их критический анализ, выполненный квалифицированным специалистом по ономастике.

Топонимический минимум. (Указатель литературы) / Под ред. В. А. Никонова. М., 1964. Основные разделы: Для предварительного знакомства с топонимикой. Основная литература. Дополнительная литература. Микротопонимия. Словари. Программы и инструкции по собиранию топонимов.

Мурзаев Э. М. География в названиях. М., 1979. Рассказывается о происхождении топонимов, их эволюции, а также переносе географических названий на пароходы, предметы техники (автомшины, телевизоры, холодильники и т. п.).

Мурзаев Э. М. Топонимика — популярная (Географические названия). М., 1978. Автор рассказывает о «семантике» топонимических названий, закономерностях их появления, информационном потенциале топонимов, их связи с практикой. Брошюру завершает раздел «Что читать о географических названиях?».

Попов А. И. Географические названия. Введение в топонимику. М.— Л., 1965. В доступной форме и на убедительном материале (в основном названий Русского Севера) показаны закономерности образования и жизни топонимов.

Поспелов Е. М. Топонимика в школьной географии. Пособие для учителей. М., 1981. Основная цель пособия — дать учителям географии краткие сведения об использовании в школьной географии топонимики. Книга состоит из разделов: Топонимика и география; Изучение номенклатуры; Топонимика и местная географическая терминология; Топонимика и изучение политической карты мира; Топонимика и история географических открытий; Топонимика в краеведческой и внеклассной работе. Особый раздел посвящен межпредметным связям, в котором выделены занятия по русскому языку.

Успенский Л. Имя дома твоего.— В кн.: Слово о словах. Имя дома твоего. Л., 1974. Книга представляет собой популярный рассказ о топонимике и топонимах.

Успенский Л. В. Загадки топонимики. 2-е изд. М., 1973. Освещаются особенности жизни топонимов и методы их изучения.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов в Ленинграде. Л., 1967. Рассмотрена история названий основных улиц и площадей Ленинграда, в приложении помещены: Алфавитный указатель описанных объектов (и названий) — с. 443—467, Литература (около 80 названий).

Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964. Вторая часть брошюры посвящена топонимике; рассмотрены географические объекты и их имена (названия поселений, улиц и др.), обсуждается вопрос о границе собственных и нарицательных имен.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ОБЩЕЙ И РУССКОЙ ОНОМАСТИКЕ

I

- Антропонимика. М.: Наука, 1970.
- Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979.
- Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения.— В сб.: Ономастика и норма. М.: Наука, 1976, с. 12—46.
- Вольпер И. Н. Псевдонимы В. И. Ленина. Лениздат, 1968, Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972.
- Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования. М.: Наука, 1979.
- Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя. (Из истории анонимов и псевдонимов). 2-е изд. М.: Наука, 1980.
- Дульзон А. П. Дорусские топонимы Средней Сибири — В кн.: Изучение географических названий. М.: Мысль, 1966 (Вопросы географии. Сб. 70), с. 41—46.
- Жучкевич В. А. Общая топонимика. 3-е изд. Минск, 1980.
- Зинин С. И., Степанова А. Г. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре.— В сб.: Антропонимика. М.: Наука, 1970, с. 330—355.
- Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978.
- Историческая ономастика. М.: Наука, 1977.
- Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981.
- Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М.: Наука, 1970.
- Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии.— Вопросы языкознания, 1965, № 6.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера.— Вопросы языкознания, 1964, № 2.
- Микротопонимия. Изд-во МГУ, 1967.
- Мурзаев Э. М. География в названиях. М.: Наука, 1979.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965.
- Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.
- Ономастика. М.: Наука, 1969.
- Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск, 1969; Вып. 2. Горький, 1971; Вып. 3, Уфа, 1974; Вып. 4, Саранск, 1976.
- Ономастика. Проблемы и методы (Материалы к XIII Международному ономастическому конгрессу). Сб. обзоров. М., 1978.
- Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980.
- Полякова Е. Н. Из истории русских имен и фамилий. М.: Просвещение, 1975.
- Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973.
- Попов А. И. Следы времен минувших. Л.: Наука, 1981.
- Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М.: Мысль, 1971.
- Поспелов Е. М. Топонимика в школьной географии. М.: Просвещение, 1981.
- Принципы топонимики. М.: Наука, 1964.
- Принципы топонимических исследований. М.: Наука, 1964.
- Развитие методов топонимических исследований. М.: Наука, 1970.
- Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт.— В сб.: Топономастика и транскрипция. М.: Наука, 1964.
- Русская ономастика. Республиканский сборник. Рязань, 1977.
- Селищев А. М. Из старой и новой топонимики.— В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968, с. 45—96.
- Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968, с. 97—128.
- Серебренников Б. А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР.— Вопросы языкознания, 1955, № 6.
- Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М.: Наука, 1976.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
- Суперанская А. В., Сусллова А. В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981.
- Толстой Н. И. Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции.— В сб.: Топономастика и транскрипция. М.: Наука, 1964, с. 103—121.
- Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969.
- Топонимика на службе географии. М.: Мысль, 1979 (Вопросы географии. Сб. 110).
- Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974 (Вопросы географии. Сб. 97).

Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Наука, 1972.

Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России. (Русские фамилии, бытующие в России).— В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 3—53.

Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1957.

Этнография имен. М.: Наука, 1971.

II

Немецко-русский астрономический словарь. М., 1975.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.

Никонов В. А. Из словаря русских фамилий.— Русская речь. 1976, № 1—6; 1977, № 2—6; 1978, № 1—6; 1979, № 1—6; 1980, № 1—5; 1981, № 1—3, 6; 1982, № 1—4.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия. 1966; 2-е изд. стереотипн. М.: Русский язык, 1979.

Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.

Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные. Изд-во ЛГУ, 1975.

Словарь названий жителей (РСФСР). М.: Советская энциклопедия, 1964.

Словарь названий жителей СССР. М.: Русский язык, 1975.

Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Советская энциклопедия, 1965; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1979.

Федосюк Ю. А. Русские фамилии. Популярно-этимологический словарь. М.: Детская литература, 1974; 2-е изд. М.: Детская литература, 1980.

III

Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. М., 1973.

Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971—1975 гг. с приложением за 1918—1962 гг. М., 1978.

Топонимический минимум. Указатель литературы. М., 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Вопросы теории ономастики	11
Имя собственное как языковая категория	—
Из истории изучения имени собственного	—
Проблема специфики имени собственного в современной лингвистике	15
Граница между нарицательной и ономастической лексикой	28
Объем и содержание ономастического пространства	30
Системные связи в ономастическом пространстве и отдельных его разрядах	33
Глава II. Методы ономастических исследований	36
Описательный метод	38
Исторический метод	42
Сравнительно-сопоставительный метод	44
Ареальный метод	49
Семиотический метод	53
Стилистический метод	63
Лингвopsихологический метод	65
Статистический метод	72
Глава III. Русская антропонимика	83
Из истории русской антропонимики	—
Основные этапы и процессы в истории русской антропонимии	95
1. Дохристианский период	97
2. Период с XI по XVII в.	101
3. Период с начала XVIII в. до 1917 г.	113
4. Советский период (с 1917 г. по настоящее время)	127
Современный русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения	138
А. Мужская подсистема именника	140
Послереволюционное двадцатипятилетие	143
Послевоенный период	146
Б. Женская подсистема именника	151
Послереволюционное двадцатипятилетие	153
Послевоенный период	157

Глава IV. Русская топонимика	16
Из истории русской топонимики	16
Современный этап русской топонимической науки	17
Общая характеристика топонимии России	18
Группировки и классификации русских топонимов	18
О языковой принадлежности топонимии России	19
Глава V. Общая и русская космонимика	19
О терминах «космонимика» и «астронимика»	19
Названия созвездий, звезд и планет	20
Русская народная космонимия	20
Названия мелких объектов космического пространства	20
Глава VI. Ономастика в школе	21
Ономастическая лексика и ее изучение в школе	21
Справочная и популярная литература по ономастике	21
Дополнительная литература по общей и русской ономастике	22

Василий Данилович Бондалетов

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА

Редактор Г. В. Карпюк.

Художник А. Е. Тачков.

Художественный редактор Т. Г. Никулина.

Технические редакторы А. А. Ситник, Е. В. Богданова.

Корректор В. И. Громова.

ИБ № 6138

Сдано в набор. 05.07.82. Подписано к печати 12.01.83. Формат 84×108¹/₈.
 Бум. д/множ. апп. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76+0,21
 форз. Усл. кр.-отт. 12,34. Уч.-изд. л. 12,53+0,38 форз. Тираж 45 000 экз.
 Заказ № 2966. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Набрано в Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Отпечатано с матриц в областной типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.